

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
СИСТЕМЫ И АВТОРЫ

М. Лукашев

На заре российских систем рукопашного боя

Об авторе

Лукашев Михаил Николаевич - ведущий российский специалист в области истории отечественного рукопашного боя, почетный член исполкома Всероссийской федерации самбо, талантливый писатель, способный преподнести результаты своих уникальных исследований в увлекательной литературной форме, автор десяти-оде публикаций в различных периодических изданиях (печатается с 1957 года).

Работы М.Н. Лукашева привлекают своим первооткрывательским характером. Так, хотя наши боксеры же в 1948 г. торжественно отпраздновали полувековой юбилей российского ринга, Михаил Николаевич умел доказать ошибочность этой даты и увеличил возраст отечественного бокса на два года. Его же перу принадлежат первые на русском языке технико-тактические и методические материалы по спортивному дзюдо («Физкультура и спорт», 1972-1974 гг.), публикации о монастыре Шаолинь и его боевой системе. Большой интерес вызвали книги М.Н. Лукашева «Слава бывших чемпионов», «Десять тысяч путей к победе», «Родословная самбо», «И были схватки боевые...», которые получили высокие рецензионные оценки таких крупных специалистов, как Б.М. Чесноков, К.В. Градополов, Д.Л.Рудман, А.М. Ларионов, В.С. Харитонов и других. Слава бывших чемпионов» была удостоена Почетного диплома Всесоюзного конкурса на лучшую спортивную книгу 1978 г. Его исследования о занятиях А.С. Пушкина было опубликовано во «Временнике» Пушкинской комиссии Института русского языка и литературы Академии наук СССР.

Несколько десятилетий своей жизни М.Н. Лукашев отдал исследованию истории возникновения советской спортивной борьбы и системы рукопашного боя самбо и борьбе с официальным мифом о создании самбо не мастером Кодокан дзюдо, «врагом народа и шпионом» Василием Сергеевичем Ощепковым, а его учеником

А.А. Харлампиевым. В своих строго документированных, аналитических публикациях Лукашев воссоздал подлинную историю зарождения и формирования самбо и восстановил авторское право В.С. Ощепкова. За свою многолетнюю работу в этой области Михаил Николаевич был удостоен Серебряного ордена Международной федерации любительского самбо (ПАЗ).

Работы М.Н. Лукашева переведены на английский, французский, немецкий и другие иностранные языки.

Библиотека Додзё». Серия «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

КНИГА 1. НА ЗАРЕ РОССИЙСКИХ СИСТЕМ РУКОПАШНОГО БОЯ

В первой книге серии в деталях рассказывается обо всех попытках создания систем рукопашного боя для нужд полиции, армии и гражданских лиц в дореволюционной России. Джиу-джитсу, французская борьба, исландская глина, английский и французский бокс, приемы нападения и защиты преступного мира - вот далеко не полный перечень боевых и спортивных единоборств, которые в начальные десятилетия прошлого века явились источниками первых отечественных систем самозащиты. Перед читателем пройдут такие незаслуженно забытые ныне первопроходцы российского рукопашного боя, как А. Демерт, И. Лебедев и др.

КНИГА 2. САМОЗАЩИТА ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ

Книга повествует о разработке систем рукопашного боя для нужд Красной Армии, Всеобща и милиции в первое десятилетие Советской власти. Читатель познакомится с биографиями таких специалистов, оставивших заметный след в истории отечественного рукопашного боя, как М. Яковлев, И. Солоневич, Г. Калачев,

О | з н о б и ш и н и д р у г и е .

КНИГА 3. СОТВОРЕНИЕ САМБО: СИСТЕМА «САМ» ПРЕВРАЩАЕТСЯ В САМБО

Третья книга серии посвящена деятельности В.А. Спиридонова и разработке основе джиу-джитсу, а также французской и вольно-американской борьбы, английского и французского бокса и бытовой обороны приемов самозащиты для нужд чекистов, пограничников и милиционеров в системе «Динамо» в 1920-30-е гг.

КНИГА 4. СОТВОРЕНИЕ САМБО: РОДИТЬСЯ В ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЕ И УМЕРЕТЬ В СТАЛИНСКОЙ...

В книге речь идет о жизни и деятельности основоположника отечественного дзюдо, выпускника Кодокана и советского разведчика В.С. Ощепкова, трагически погибшего в застенках НКВД в 1937 г. В деталях прослежена эволюция его системы от классического дзюдо к первооснове спортивного и боевого самбо.

КНИГА 5. САМБО НА СЛУЖБЕ РОДИНЫ

Книга посвящена синтезу систем В.А. Спиридонова и В.С. Ощепкова, который осуществил В.П. Волков, автор капитального труда «Курс самозащиты без оружия «Самбо». Учебное пособие для школ НКВД» 1940 года, распространение самбо в СССР в предвоенный период, внедрению его в вооруженные силы, а также попытке К. Градополова приспособить приемы бокса к применению в рукопашном бою.

Серия книг «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА» - это уникальное исследование, которое автор посвятил почти шестьдесят лет своей жизни. Иллюстрировано редкими фотографиями и рисунками из личного архива автора, многие из которых публикуются впервые. Огромное количество документов, архивных материалов. в том числе из архивов КГБ и ГРУ, личное знакомство М.Н. Лукашева со свидетелями событий и авторами ряда систем взвешенность оценок и высокий профессионализм делают серию книг «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА» уникальным изданием, не имеющим по своей фундаментальности аналогов. Этот труд призван на десятилетия стать настольной книгой для каждого российского дзюдоиста, самбиста, джиу-джитсера, рукопашника.

ОГЛАВЛЕНИЕ

На заре российских систем рукопашного боя

От автора.....	3
Глава 1. Системы, но ... не рукопашного боя.....	10
Глава 2. Шумный мировой триумф джиу-джитсу.....	26
Глава 3. Боевые приемы «капитана Д».....	72
Глава 4. Самооборона a la francaise.....	84
Глава 5. «Вспышка» в качестве самозащиты.....	100
Глава 6. «Профессор атлетики».....	111

Научно-популярное издание

Михаил Николаевич Лукашев

На заре российских систем рукопашного боя

Главный редактор А.М. Горбылёв.
Компьютерная верстка А.Л. Иванов
Корректор С.А. Дудник

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.09.2003
Формат 60 х 90 / 8. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №1480

ООО «Будо-спорт»
Лицензия ИД № 04346
105062, Москва, ул. Покровка, 41
Тел./факс: (095) 917-82-06, 917-86-53
E-mail: shigetsu@rol.ru

ОАО «Типография № 9», г. Москва

**РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
СИСТЕМЫ И АВТОРЫ**

М.Н. Лукашев

**На заре российских систем
рукопашного боя**

Будо-Спорт

Москва • 2003

От автора

Как только не называли очень непростое и многоликое минувшее XX столетие: век электричества, радио, авиации... Телевизионное, атомное, компьютерное, космическое столетие. Любой из этого пышного букета эпитетов является совершенно справедливым. Но я бы добавил еще один: эпоха небывалого увлечения боевыми искусствами!

Ведь еще на заре века, когда не успели отшуметь торжества встречи нового, XX столетия, вспыхнула искорка любопытства к японскому джиу-джитсу. И всего лишь за несколько лет этот слабенький огонек уже забушевал буйным пожаром, опалив пламенем неудержимого интереса сердца людей во всем цивилизованном мире. Это был глобальный и невероятный -- шумный триумф экзотической восточной системы, «таинственной и неодолимо всемогущей».

И хотя пожар этот вскоре заметно приугас, но всего лишь для того, чтобы в середине века, после Итерой Мировой войны, вспыхнуть с новой, неуправляемой силой и продолжать бушевать в наши

- уже в третьем тысячелетии. Да так, что бывшее триумфальное шествие джиу-джитсу кажется сегодня всего лишь скромненькой прелюдией к нынеш-

нему глобальному всевластию восточных единоборств. Вдогонку за невероятно популярным дзюдо в Европу и Америку хлынули каратэ, ушу, айкидо тхэквондо и прочие боевые искусства. А уже эти «чужеземцы» пробудили у нас вполне естественный интерес и к своему собственному боевому наследию, завещанному многими поколениями героических предков, но, увы, уже сильно подзабытому. Вот здесь-то и было совершенно закономерно востребовано необходимое историческое обоснование И начались неизбежные несуразности. Если писать о восточных пришельцах можно было, всего лишь пересказывая переводы зарубежных публикаций, то в отношении отечественных систем такой облегченный способ демонстрации своей «эру-

диции» никак не «срабатывал». Непосильным оказался не только профессиональный анализ, но даже просто установление элементарных сведений о возникновении этих систем и об их создателях.

Дело в том, что никаких специальных исследований по данной тематике никогда прежде не велось. Случайные, отрывочные сведения, приводившиеся иногда в предисловиях иных старых руководств, были крайне скудны и нередко противоречивы. Даже известные специалисты, которые затрагивали эту тему, лежавшую на обочине их главных, технико-тактических интересов, впадали в серьезные заблуждения. В результате одни из систем знали у нас лишь по названию, другие оказались прочно забыты и вообще оставались неизвестными.

Густо замешанная на крови политическая конъюнктура зачеркнула и работу, и фамилии нескольких репрессированных в тридцатые годы одаренных авторов боевых систем. Очень мешал гриф секретности, закрывавший основные материалы. А некоторые недобросовестные и корыстно заинтересованные лица намеренно вводили в заблуждение читателей и препятствовали установлению подлинных фактов.

Так и пришлось новоявленным летописцам рукопашного боя надеяться лишь на свои скромные силы. Чего только здесь не было: и беспочвенные догадки, и добросовестное заблуждение, и ложь из благих побуждений, и явное корыстно-спекулятивное вранье! Уж очень много появилось излишне самоуверенных «знатоков» явно коммерческого толка!

Публикация исторических «трактатов» стала не только престижным, но и весьма прибыльным делом. Самозванные «историки»-дилетанты не покладая рук трудились, удовлетворяя огромный интерес молодежи к этой почти неизвестной сфере нашей истории. И совсем не требовались для этих скоро-

спелых «ненаучно-фантастических» откровений ни скрупулезные «археологические раскопки» в архивах и книгохранилищах, ни иные какие-либо обременительные затраты времени и умственной энергии.

Можно было бы подробно и документально перечислить все то бесчисленное множество невежественных ошибок и намеренных подтасовок, которыми успели «накормить» доверчивых читателей наши специалисты коммерчески-боевых искусств за последнее уж очень печальное и позорное десятилетие. Но это потребовало бы целого тома справочника, который просто-напросто не влез бы в эту книгу. Поэтому о наиболее существенных и распространенных заблуждениях и вредоносных фальсификациях я скажу непосредственно в соответствующих главах книги. А здесь отмечу лишь «особо отличившихся» «героев» нашего рыночно-правового времени, свободного от совести и независимого от закона, которые рекордным количеством своих сомнительных публикаций особенно успешно засоряли мозги доверчивых читателей.

Среди всего обилия «творений» минского русофоба А. Тараса, хозяина недавно «почившего» журнала «Кэмпо», яркой звездой горит энциклопедический справочник «Боевые искусства» (Минск, 1996, с. 623). В нем старательно доказывается, вопреки общепризнанному отечественному, мнимое превосходство британской пехоты в штыковом бою. В качестве доказательства «энциклопедист» ссылается при этом на подвиги сынов Альбиона в Битве народов под Лейпцигом, в которой, как нас учили еще в неполной средней школе, англичане... вообще не участвовали. (Не правда ли, остроумная аллюзия старого анекдота, в котором уже надоевшего «боксера-заочника» сменили «заочные штыковые бойцы»?)

Доктор исторических наук, профессор, Генеральный секретарь Международной федерации шаолиньского ушу, обладатель восьмого дэна по кунфу А.А. Маслов, обличая массовое халтурно-плагиаторское поветрие, в качестве наиболее «яркого» образца этого «жанра» прямо назвал вышеупомянутое «творение», отштампованное уже третьим изданием: «Такова работа А.Е. Тараса, по сути, прямой плагиат. Разные части его «Энциклопедии» списывались с различных и зачастую не самых достоверных источников, поэтому порой они полностью противоречат друг другу» (Энциклопедия восточных боевых искусств. Т.1. Традиции и тайны китайского ушу. М., «Гала пресс», с. 15-16)...

А весьма плодовитый «сенсей» А. Медведев умудрился издать толстенный пятисотстраничный том

«Как дрались (! - М.Л.) в НКВД», наивно не ведая даже о существовании трех засекреченных руководств В.А. Спиридонова и руководства В.П. Волкова, по которым только и обучали рукопашному бою в этом жутковатом ведомстве. Зато в качестве компенсации очень подробно поведал о содержании общедоступных армейских наставлений по преодолению препятствий, метанию гранат, штыковому бою и прочем.

Харьковчанин Г. Панченко совершенно безнаказанно оклеветал отличного специалиста тридцатых годов Н. Н. Ознобишина, облыжно обвинив в том, что он поначалу успешно обучал агентов царской охраны, а затем умело «перекрасился» и бросился «наставлять агентов тайной полиции уже советского образца...».

Я уже не говорю о публикациях, посвященных В.А. Спиридонову и В.С. Ощепкову, с которыми еще 40 лет назад мне довелось познакомить читателей. Вполне естественно, что материалы, только что введенные в научно-спортивный оборот, многократно пересказывались самыми различными авторами. Но, увы, делалось это с неистребимой неряшливостью, перевиранием фактов и даже высосанной из пальца «отсебятиной». Даже «Телестадия» программы ТВЦ удивил миллионы телезрителей фантастическим рассказом о некоем «Иване Спиридонове», который якобы еще в дореволюционные годы создал приемы самозащиты. Встречал я в прессе и «Владимира Спиридонова».

Последним, кто «порадовал» меня таким убогим и безграмотным пересказом на уровне школьного двоечника, стал С. Иванов-Катанский в двух своих абсолютно идентичных книгах, но со спекулятивно разными названиями: «Техника борьбы в одежде» (М., «Фаир-пресс», 2000) и «Джиу-джитсу. Базовая техника борьбы в одежде» (М., «Фаир-пресс», 2002). Сомнительное «историческое» повествование этого «ученого мужа» (в 2000-м году кандидата, а в 2002-м - уже доктора наук) назойливо пестрит моими заковыченными и расковыченными цитатами!..

И все это в то самое время, когда целые пласты истории нашего рукопашного боя продолжали оставаться в полной безвестности! Точно так же, как славные дела и даже сами имена его создателей: А. Демерта, И. В. Лебедева, И. Л. Солоневича, Г. Калачева, И. В. Васильева, В. В. Сидорова, А. М. Ларионова, И. Г. Маркотенко, В. Г. Кузовлева, В. П. Волкова, Н. И. Симкина, Г.Н. Звягинцева, не говоря уже о таинственном, прямо-таки «мистическом» немце Эрихе Ране, которого целых три десятилетия упорно именовали не иначе как «А. Буценко», и многих, многих других.

Издавна остается незаполненной, все еще пустует эта существенно важная ниша. А ведь знание о былых боевых системах - это не просто необходимый элемент профессиональной культуры, но еще и гарантия того, что современные специалисты будут избавлены от грустновато-смешной необходимости иной раз изобретать тот самый велосипед, который еще когда-то давным-давно уже лихо пылил на наших дорогах!

Как это ни печально, но за последнее нестабильное десятилетие к истории рукопашного боя успело сложиться совершенно незаслуженное, несерьезное отношение, как к чему-то явно третьестепенному и не слишком нужному. И, как это ни странно, приходится доказывать, что боевые искусства наших предков - это неотъемлемая часть национальной культуры. Конкретная историческая дисциплина, а вовсе не одно из направлений частнопредпринимательской деятельности отдельных доброхотов. Деятельности, которая принесла печальную необходимость не столько отыскивать и исследовать новые сведения, сколько помогать читателям отсеивать добросовестные и недобросовестные заблуждения некоторых обильно публиковавшихся авторов.

Почти полное отсутствие полноценных публикаций по истории отечественных боевых искусств провоцирует ошибки даже в самых капитальных и авторитетных наших справочных изданиях, которые вынуждены черпать исходные сведения по данной теме из многочисленных, но заведомо мутных источников. Так, давно и хорошо известное не только у нас, но и за рубежом научное издательство «Большая российская энциклопедия» в год своего 75-летнего юбилея выпустило «самое полное и новейшее справочно-энциклопедическое издание последнего десятилетия» - «Новый энциклопедический словарь», из которого можно узнать, что еще

1980 года борьба самбо... входит в программу Олимпийских игр!!!

В следующем, 2001 году увидел свет «Популярный энциклопедический словарь» того же известного издательства, не только повторивший эту скандальную ошибку, но добавивший к ней и еще одну. Автору соответствующей дефиниции, который утверждает, что дзюдо практикуется «в СССР с начала 1960-х гг.», осталось неизвестным, что

Ощепков начал преподавать эту японскую борьбу в Советском Союзе еще в 20-30-х годах. В связи с этим Федерации борьбы самбо пришлось даже обращаться к руководству издательства с протестующим письмом!

На этом фоне особенно приятно констатировать, что в Российском государственном

университете физической культуры данная дисциплина поставлена на строго научную основу, и там уже была успешно защищена не одна диссертация по тематике рукопашного боя.

А вот бесшабашно халтурные и откровенно невежественные измышления некоторых авторов, которым не хватает не только профессиональной, но зачастую и общей культуры, просто невозможно воспринимать иначе, как личное оскорбление. Уже очень много времени и сил довелось мне посвятить воссозданию подлинной истории отечественных боевых искусств, очищенной от глубоко въевшихся в нее несуразностей и фальсификата.

Одним из результатов этой работы стала настоящая серия книг. Насколько мне известно, подобного рода публикаций еще не издавалось ни у нас, ни за рубежом. В ней показаны все системы рукопашного боя, практиковавшиеся в России в первой половине XX века. С профессиональной точки зрения анализируются особенности каждой из них, разбираются отдельные приемы. Рассматривается процесс создания системы, особенности конструирования, ее истоки и исходные элементы, а также дальнейшее развитие, совершенствование, практическое использование и выросшие из нее школы.

Существенной частью темы является вопрос о преемственности, заимствовании, творческой переработке и влиянии более ранних систем на последующие как закономерном цикле постепенного, но постоянного совершенствования искусства рукопашного боя, в котором, разумеется, присутствовали не только достижения, но и неизбежные заблуждения и неудачи.

Кроме того, я привожу биографии авторов, большинство из которых прочно забыты, а об остальных в прессе даются ошибочные, надуманные и даже откровенно лживые сведения. И очень важным было по справедливости воздать истории неблагодарно забытые имена и дела наших замечательных старых специалистов рукопашного боя...

Материалы книги - результат моих более чем полувековых поисков, работы во многих, в том числе и закрытых, архивах (МВД, ФСБ, ГРУ), изучения спецруководств для служебного пользования и непосредственного общения с авторами или их лучшими учениками. Большинство материалов обнаружится впервые. Строгую научно-документальную фактуру серии книг я старался сочетать с популярным, увлекательным изложением, избегая официально-казенного стиля. Насколько это удалось - судить читателям. Сокращенные, журнальные варианты некоторых глав были апробированы публикацией в периодичес-

ком издании «Боевые искусства планеты» и встречены с интересом.

В качестве иллюстраций использованы редкие фотографии и рисунки из моего архива, многие из которых еще не публиковались.

Когда в семидесятые годы готовилась к изданию моя книга о В. А. Спиридонове, то завредакцией, суровая дама старого советского закала, явно в ущерб содержанию, беспощадно кромсала рукопись, максимально сокращая и безжалостно формируя ее в обязательном тогда «железобетонном стиле». При этом не уставала упрекать меня, как в чем-то совершенно недопустимом и даже криминальном: «Вы хотите написать все, что знаете!!!»

А я, грешный, и сегодня очень хотел бы рассказать обо всем, что успел познать за свои 77 лет. Слишком много еще неизвестных, но важных и интереснейших материалов у меня накопилось, и слишком мало времени остается для того, чтобы успеть их обнародовать...

Один известный искусствовед очень точно отметил, что старшие поколения, уходя, оставляют своих одиноких часовых. Таким вот часовым я сегодня себя и чувствую. Те, кто знал и тоже мог бы поведать «о делах минувших дней», давно лежат в могилах...

А наши славные мастера былых времен, которые еще много лет назад начинали прокладывать нелегкие пути к высокому совершенству современного рукопашного боя, по-прежнему остаются в обидно неблагоприятном, глухом забвении, все еще ожидая своей сильно припоздавшей очереди появиться, наконец, не в засекреченных наставлениях «Только для служебного пользования», а на страницах общедоступных публикаций...

Вот почему я считаю: написать эту серию книг - моя прямая моральная обязанность. Современные поколения молодых специалистов должны узнать - и только лишь чистую правду! - о славных первопроходцах - своих былых предшественниках!

Теперь остается только сказать несколько необходимых слов о классификации и терминологии, используемых в данной книге.

Сразу же после первых журнальных публикаций мне позвонил старый знакомый, мастер спорта по самбо, опытный специалист рукопашного боя, защитивший на эту тему кандидатскую диссертацию, Б. П. Корякин. Он положительно отзывался о моей работе, но вот в отношении нескольких терминов у нас с ним выявились некоторые расхождения. И я благодарен ему за то, что он поднял этот существенный и актуальный вопрос. Ведь в данной области мы все еще не располагаем единой обще-

принятой терминологией и классификацией. Хотя на этот счет и существуют различные предложения.

Мне представляются целесообразными следующие соображения. Разумеется, существует немалая разница между рукопашной схваткой солдат воюющих армий и дракой двух ревнивых обывателей или нападением грабителя на свою жертву и задержанием преступника милиционерами. Однако, при всем внешнем различии, каждый из подобных случаев несет определенный признак, объединяющий их в единую общность. Это - непосредственное противоборство определенных людей. А поэтому, абстрагируясь от конкретных обстоятельств, которые помешают увидеть всю картину в целом, имеет смысл воспользоваться универсальным, «широкоохватным» военным термином - «ближний бой». Понимая под этим любую схватку, при которой противников разделяет расстояние, не превышающее дальности действия метательного холодного оружия или заменивших его подручных предметов.

В зависимости от того, ведут ли противники схватку в непосредственном соприкосновении друг с другом или разделены каким-то расстоянием, можно говорить о контактном или бесконтактном ближнем бое.

Наличие или отсутствие оружия или заменяющих его предметов определяют понятия вооруженного или безоружного ближнего боя. При этом вооруженный бой охватывает противостояния как вооруженному, так и безоружному врагу.

Как вооруженный, так и безоружный ближний бой может иметь характер единоборства или массового боя, при котором с одной или с каждой из сторон участвуют двое или более бойцов.

Виды и принципы действия оружия или используемых вместо него средств поражения позволяют классифицировать бесконтактный ближний бой следующим образом.

Огневой бой - использование огнестрельного оружия для стрельбы на близком расстоянии или даже в упор.

Метательный бой - поражение противника на расстоянии с помощью броска (метания) обычного или специально приспособленного холодного оружия (центрированный нож, острие которого специально утяжелено; нож с рукоятью-стабилизатором; нож с залитой в клинок ртутью; стреляющий нож; сюрикэн и т.д.), а также подручных предметов. В особом положении находится здесь специальное ручное метательное оружие - лук, арбалет, праща и прочие, которые способны отправить свой метательный снаряд на расстояние, существенно превышающее дальность обычного броска

рукой. Как и в случае с огнестрельным, здесь действие специального метательного оружия имеется в виду только лишь в зоне ближнего боя. За ее пределами речь пойдет уже не о ближнем, а о дистанционном бое.

«Химический» бой - применение различного рода химических веществ для выведения противника из строя с помощью газовых пистолетов и револьверов, газовых баллончиков или простого обливания его лица кислотами и прочими едкими жидкостями.

Термический бой - использование подожженных бутылок с бензином («коктейль Молотова»), факела, головни, кипятка и других обжигающе горячих жидкостей и предметов. При этом если «коктейль» по своему воздействию на человека имеет чисто термический характер, то по способу «доставки» его к противнику вполне может быть отнесен и к средствам метательного боя.

Использование в схватке животных, обычно специально выдрессированных, как правило, собак, представит, своего рода, «биологический» бой. Когда-то кавалерийские лошади тоже помогали всаднику в бою, кусая и топча противников. А в наше время дельфины, обученные и снабженные прикрепленным к морде кинжалом, представляют для вражеских подводных пловцов смертельную опасность.

Последние научные достижения в области военной техники в виде создания лазерных пистолетов, которые были задуманы как оружие для космонавтов в «звездных войнах», и вполне земного, ручного электронного оружия, пожалуй, уже позволяют говорить о почти виртуальном лазерном и электронном бое.

Вероятно, следует также упомянуть и о «психологическом бое», то есть воздействии на противника гипнотическими методами и мимически-речевыми средствами. Сюда же будет относиться и боевое использование так называемой «внутренней энергии», если считать подобное воздействие вообще существующим.

Пожалуй, это все, что можно сказать о бесконтактном ближнем бое.

Что же касается контактного ближнего боя, то к нему следует отнести рукопашный бой, в точном смысле этого термина, и фехтовальный бой - бой холодным оружием на расстоянии, позволяющем поразить противника, не выпуская оружия из рук (контакт оружия, в отличие от метательного боя). В зависимости от разновидностей используемого холодного оружия такой бой может принимать форму сабельного фехтовального боя, штыкового, боя ножом, кинжалом, тростью, дубинкой и т.п.

Логично отнести сюда же и бой с помощью подручных предметов (палка, лопата, молоток, стамеска и прочее), учитывая, что применение их в схватке довольно близко технике действия соответствующим холодным оружием.

И еще одну форму контактный бой приобретает при использовании электрических средств поражения: электрошокер, «электрические перчатки» и прочее.

И, наконец, рукопашный бой - бой голыми руками с безоружным или вооруженным противником. Принятие этого термина именно с данным смысловым наполнением явилось бы возвратом к его первоначальному, исконному смыслу, который придавали этим словам наши далекие предки. Бой холодным оружием они называли «сеча», а схватку голыми руками - «рукопашная», «рукопашка», «борьба рукопашечная». Сейчас у нас, говоря о рукопашном бое, частенько называют его самозащитой. Это слово является калькой английского «self-defense». В терминологическом смысле это не совсем правильно. Так как приемы «самозащиты» предназначены не только для защиты, но и для нападения. Вместе с тем, слово это настолько прочно вошло в широкий обиход, что иногда я тоже позволяю себе использовать его в своих работах. Ведь бесконечное повторение одного и того же выражения «рукопашный бой» в стилистическом отношении крайне нежелательно. Однако при этом все-таки стараюсь говорить «самозащита», «самооборона» только там, где сами авторы именовали так свою систему или где речь идет о бытовых потасовках и понятие «защита» наиболее соответствует реальному положению вещей.

В заключение необходимо отметить, что отдельные формы ближнего боя могут сочетаться между собой и переходить одна в другую.

Существует и еще один немаловажный вопрос: на какие виды можно подразделить ближний бой и особенно его рукопашную форму? Что именно должно послужить здесь критерием?

М. Колесников на страницах журнала «Кэмпо» утверждал, что виды рукопашного боя определяют в зависимости от «профессионально решаемых ими задач». При этом перечислил все четыре существующие, по его мнению, вида, именую их почему-то стилями. А в их числе «спортивный стиль» и даже «оздоровительный» (вообще никакого контакта с противником). Против того, что в любом случае какие-то задачи решаются, не поспоришь. Только вот каким образом мальчишки из детских секций или старички, исповедующие «оздоровительный бесконтактный стиль», умудряются ре-

шать именно «профессиональные» задачи, автор классификации объяснить воздержался.

В действительности вид любого рукопашного боя определяется той социальной сферой, в которой он реализуется. Это позволяет выделить 7 видов рукопашного боя:

- 1) воинский (военный, армейский);
- 2) полицейский (милицкий);
- 3) спортивный;
- 4) криминальный;
- 5) бытовой;
- 6) сценический;
- 7) демонстрационный.

Чаше говорят не о «воинском», а об «армейском» виде рукопашного боя, но мне кажется, что такой термин менее точен, так как этот вид практикуется не только в армии, но еще в десантных частях военно-воздушных сил и военно-морского флота, а также в пограничных войсках и войсках Министерства внутренних дел.

Технико-тактические особенности каждого из видов рукопашного боя, естественно, имеют свою специфику, определяемую стоящими перед ними задачами. Хотя провести безупречно четкую границу здесь едва ли возможно, так как ряд приемов могут использоваться в каждом из видов. Однако степень опасности для противника приемов, доминирующих в любом из названных видов рукопашного боя, выявляется вполне очевидно и продиктована тем вредом, который необходимо и достаточно причинить врагу.

Так, воинский и полицейский бой довольно близки по своему техническому характеру, но в то же время являются как бы зеркальным отражением друг друга. В военной схватке главное - уничтожить врага или хотя бы надежно вывести его из строя, причинив серьезное повреждение. А подчинение своей воле живого и, желательно, «неповрежденного» противника - всего лишь частная, хотя и очень важная задача при взятии «языка». При милицкой акции - обратная картина: главное - захват живого преступника и только в самых крайних случаях его травмирование или даже уничтожение. Это, соответственно, и определяет особенности соотношения технического арсенала рукопашного боя милиции и вооруженных сил.

Криминальный бой - оружие преступного мира - не имеет, да и не может иметь того организованно-выстроенного характера и единообразия, как воинские, полицейские (милицкие) или спортивные системы, хотя и использует некоторые их приемы. Чаше всего наиболее простые и «испорченные», то есть утратившие технически правильный

рисунок и немаловажные детали. Обычно источниками подобных «познаний» служат телеэкран или наставления таких же «знающих» приятелей. Впрочем, за последние десять демократических лет в криминалитет было «выдавлено» и немало классных военных, милицких и спортивных специалистов рукопашного боя. Здесь уже свой и достаточно высокий уровень.

Кроме упомянутых приемов «общего употребления», уголовники располагают также рядом собственных специфических и нередко действенных приемов, перенимаемых в «тюремной академии».

В спортивном рукопашном бою обычно используется лишь определенный круг приемов (только броски и болевые определенного характера, только удары кулаком или кулаком и ногами и т.д.) при строгом соблюдении правил, исключающих серьезные травмы спортсменов. И даже рекламно-коммерческие «бои без правил» в действительности имеют пусть куцые, но, тем не менее, правила, запрещающие выдавливать глаза, бить по половым органам, использовать пальцевые удушения и прочие.

Сейчас можно услышать разговоры об устройстве коммерческих боев, в которых действительно не будет никаких запретов. В этом не слишком отчаянном случае придется предусмотреть еще один вид рукопашного боя - «гладаторский».

Бытовой бой характеризует крайняя пестрота боевых средств и столь же крайняя их неравноценность. Начиная с беспорядочного обмена неточными кулачными ударами и пинками до попыток использовать увиденные где-то настоящие боевые приемы. Но чаще всего повторяется лишь внешний рисунок «подсмотренного» приема, потерявшего большую часть своей эффективности. Так, апперкот может наноситься только усилием бьющей руки, без включения веса корпуса. Попытки уличных драчунов наносить каратистские удары ногой, особенно «верхние», замедленны, искажены и зачастую представляют большую опасность для наносящего их, чем для противника. Чистое исполнение приемов можно отметить только тогда, когда в бытовой бой вмешивается боец, подготовленный по какой-либо определенной системе. Нередко бытовая схватка принимает характер неумелой силовой борьбы, с целью свалить противника и, прижимая к земле, наносить удары.

Сценический рукопашный бой - имитация боя в рамках театральной или телевизионной постановки или в кинематографе. Используя общие характерные черты приемов определенной эпохи и стиля, имеет задачей не только воссоздать специфическое впечатление лихих и ярких схваток того времени,

но, главное, передать определенные нюансы режиссерского замысла. Так, сценический бой предоставляет отличную возможность показать мастерство, отвагу и высокое благородство или, наоборот, подлое коварство сражающихся персонажей.

Близким «родственником» сценического рукопашного боя является демонстрационный рукопашный бой - заранее оговоренный и отрепетированный публичный показ техники той или иной боевой системы, при котором приемы не доводятся до своего критического предела, грозящего травмой. Это как бы эстрадное проявление воинской, полицейской или спортивной системы, не имеющее ее боевых или спортивных задач, как и своих собственных технико-стилистических особенностей, а демонстрирующее особенности одной из трех упомянутых систем. Целью такого показа является ознакомление зрителей с определенной системой рукопашного боя, ее популяризация и пропаганда.

В заключение приходится коснуться еще одного существенного вопроса терминологии боевой техники. Сейчас утвердилось практика недифференцированного наименования болевых приемов. Любой из них перекрывается стандартным термином «рычаг». Нечто похожее уже существовало у нас в тридцатых годах, когда все болевые приемы именовались японским термином «гяку».

Мне кажется, что имеет смысл возвратиться к той терминологической системе, которую создавал В. А. Спиридонов. Он не «сваливал» болевые в одну общую кучу, а классифицировал в зависимости от характера воздействия на сустав.

Чрезмерное сгибание сустава в направлении естественного сгиба он назвал «дожимом». Выкручивание сустава - «вывертом». Перегибание сустава против естественного сгиба получило название «рычаг». При этом, в зависимости от направленности давления на сустав, Виктор Афанасьевич различал «рычаги вверх» и «рычаги вниз».¹

В отличие от практикуемой ныне, спиридоновская терминология дает максимум информации о болевом приеме, достаточно точно и понятно характеризуя его. В то время как принятая сейчас вполне способна дезориентировать недостаточно знающего читателя. Так, например, под термином «рычаг кисти» могут «скрываться» три совершенно различных болевых приема: рычаг, дожим и выверт кисти, да еще с несколькими своими вариантами. Вот почему я отдаю предпочтение старой спиридоновской терминологии и именно ее использую в настоящей книге.

¹ Вполне правомерными здесь могут быть и уже употребляемые: «рычаг внутрь» и «рычаг наружу», которые констатируют положение атакованной руки: пронацию или супинацию.

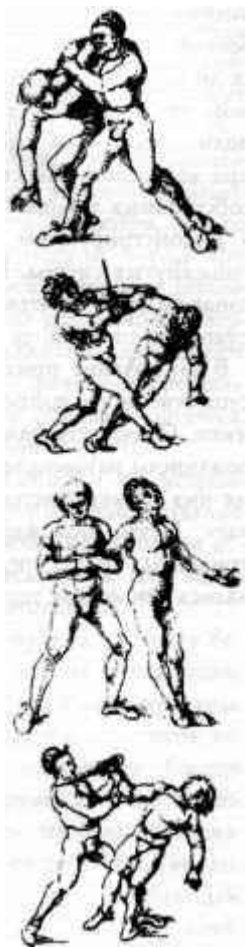
Глава 1

Системы, но... не рукопашного боя

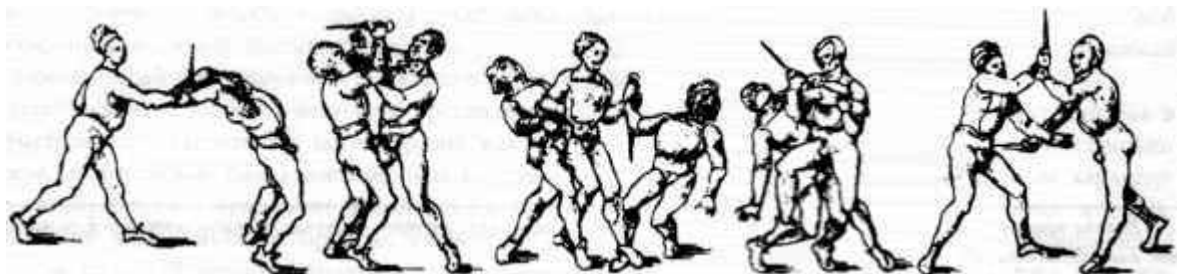
ДЛЯ ТОГО, чтобы в XIX веке возникла необходимость создания систем физического воспитания военной направленности и появилась реальная возможность сделать это, потребовалась определенная степень развития двух совершенно разнородных отраслей знания: военно-стратегической и медико-биологической. В течение нескольких столетий они существовали и развивались обособленно, имея свои собственные методы и задачи. И лишь на близких подступах к позапрошлому веку наглядно обозначилась необходимость их сотрудничества. При этом военный фактор, несомненно, являлся доминирующим, а физически-воспитательный, хотя и приобрел достаточно важное значение, оставался всего лишь служебным, подсобным.

Наполеоновские войны показали всему миру необходимость и превосходство массовых армий, каких до этого еще не бывало. Но такие армии требовали большого количества здоровых и физически хорошо подготовленных мужчин. Вместе с тем, к тому времени уже не только понимали благотворное влияние физических упражнений, но даже успели создать в этой области кое-какие научные предпосылки.

Если обратить ретроспективный взгляд на конец XIV - начало XV века, то в глаза бросится, как все более развивающееся искусство рукопашного боя начинает выплескиваться на страницы рукописных манускриптов - «кодексов» (сборников, объединяющих описания приемов), а затем и первопечатных книг. Практическая востребованность действенных приемов, от которых зависела жизнь бойца, породила целую библиотеку, весьма солидную и очень интересную. Блестящий парад авторов - таких великолепных мастеров, как Отт, Тальгофер, Ганс Вурм, Фабиан фон Ауэрсвальд, Иохим Мейер и даже сам великий художник Альбрехт Дюрер - продолжался более двух столетий. Но чем более совершенствовалось огнестрельное оружие, чем сильнее возрастала его огневая мощь и скорострельность, тем все меньше внимания уделялось в армиях обучению рукопашному бою. И во второй половине XVII века появляется всего лишь только одна яркая работа - «Искусный борец» голландского мастера Николаса Петтерса. Да и то, посвященная не военному, а спортивно-бытовому рукопашному бою. Казавшийся до тех пор неиссякаемым книжный рог изобилия явно оскудевал.

Рисунки Альбрехта Дюрера из его рукописи, посвященной фехтованию и искусству самозащиты

Постоянное развитие военного дела неумолимо диктовало свои непременные условия, сделав ставку на колонны слаженно марширующих стрелков и все заметнее отодвигая на задний план искусных бойцов-одиночек.

Народные состязательные единоборства тоже приобретали все более мягкий, спортивный характер, устрняя наиболее ценные в боевой схватке приемы, которые угрожали состязающимся повреждениями. Но даже и в таком, более цивилизованном, виде они постоянно подвергались гонению и осуждению как дело богопротивное, как варварское развлечение, простительное лишь простонародью, но никак не человеку образованному и уж особенно «из высшего света».

Европа все стремительнее продвигалась к вершинам промышленной цивилизации и все сильнее отставала от Восточной Азии в области старинных боевых искусств. Европейское мастерство рукопашного боя, стоявшее в XVII столетии столь же высоко, как в той же Японии, утрачивая свою актуальность, все более терялось, вырождалось, размывалось стремительно текущим временем и напроць забывалось.

В сочетании с пренебрежением к подвижным простонародным забавам может показаться противоречивым и странным тот интерес и внимание к здоровому физическому воспитанию, которые медленно, но неуклонно формировались в европейских странах. Эпоха Возрождения - Ренессанс - действительно стала временем возрождения неукротимого интереса к забытой было и даже проклятой католической церковью великой античной культуре. А в частности, и к богатой греко-римской атлетической практике. Почетная роль принадлежала здесь итальянскому доктору философии и врачу Иеронимо Меркуриарису. Один из образованнейших и передовых людей своего времени, свободно владевших древними языками, он годами работал в богатейших библиотеках Венеции, Вероны, Милана, изучал древнейшие рукописи Византии и дополнял свои книжные изыскания

обильными археологическими данными. Его благородным заветным желанием было разгадать все утраченные тайны античного физического воспитания, которое он именовал словом «гимнастика». Снова вдохнуть в него жизнь и подарить своим современникам «это высокое и благородное искусство, ранее процветавшее, а ныне умершее и позабытое».

Книга Меркуриалиса «Об искусстве гимнастики» была опубликована в 1569 году и в течение двух столетий оставалась основным руководством в области физического воспитания для европейских стран. Автор не просто описал античные упражнения, он проанализировал и классифицировал их, сделав самый первый шаг к созданию научно обоснованной системы физического воспитания. Все упражнения были подразделены на несколько соответствующих групп. Военные упражнения оценивались как «необходимые», то есть полезные для общества, но не очень нужные для здоровья. А вот упражнения, полезные для здоровья, Иеронимо считал наиболее важными и называл их «истинными». Разумеется, не мог он пройти мимо весьма популярных в древности борьбы и кулачного боя. Однако рекомендовал не сами кулачные схватки, а лишь своеобразный бой с тенью, так как он не может повлечь нежелательного «чрезмерного напряжения сил».

Четыре года спустя «Искусство гимнастики» было в первый, но далеко не в последний раз переиздано. Венецианский художник Кристофоро Кориолано, снабдивший книгу отличными гравюрами, изобразил и два сложных боевых приема в схватке панкратиона на земле.

На протяжении последующих трех столетий в различных европейских странах возникают свои системы, однако любая из них ставила целью только физическое развитие, но отнюдь не воспитание боевых навыков. И если даже в систему включалась борьба, как правило, незамысловатая и «бережливо мягкая», то только в качестве средства

физического развития, а не прикладного упражнения.

Одним из наиболее значительных новых направлений стала гимнастическая практика в германских государствах, возглавлявшаяся такими известными специалистами, как Фит (1763-1836) и Гутс-Мутс (1759-1836). Под гимнастикой тогда понимались любые физические упражнения. После сокрушительного разгрома прусской армии под Иеной в 1806 году Гимнастическое движение молодежи стало одной из форм протеста против наполеоновской оккупации. Лидером движения стал ярый националист и пруссамен Фридрих Ян (1778-1852). Слово «гимнастика» он заменил немецким словом «турнкунст» («искусство изворотливости»), а гимнастов стал именовать «турнерами». Ян не только обучал своих воспитанников работе на различных гимнастических снарядах, но и приучал к военному строю, проводил военные игры и устраивал «полувоенные-полутуристические» походы. Подготовка немецкой молодежи к будущей борьбе за национальное освобождение виделась во всем этом столь

прозрачно, что однажды Наполеон даже запретил аналогичное движение.

Одним из интересных и значительных моментов в деятельности Яна было, как мне представляется, то, что на службу своим освободительным целям он старался поставить еще и приемы старонемецкой борьбы, базируясь на боевой технике Ауэрсвальда и Дюрера. Тогда, в первых десятилетиях XIX века, немцы имели отличную возможность, возродив свое богатейшее средневековое наследие, создать прикладную борьбу и систему самозащиты, ни в чем не уступающие японским и даже превосходящие их. Но этот поистине уникальный шанс они неосмотрительно и досадно упустили.

Ян попытался создать правила борьбы, которые должны были смягчить ее жесткий боевой характер. Но то ли этот специалист гимнастики был не слишком искушен в вопросах единоборства, то ли его турниры оказались недостаточно сообразительными в отношении богатейших борцовских перспектив. Однако борьба по правилам Яна не только не вдохновила, но, сов-

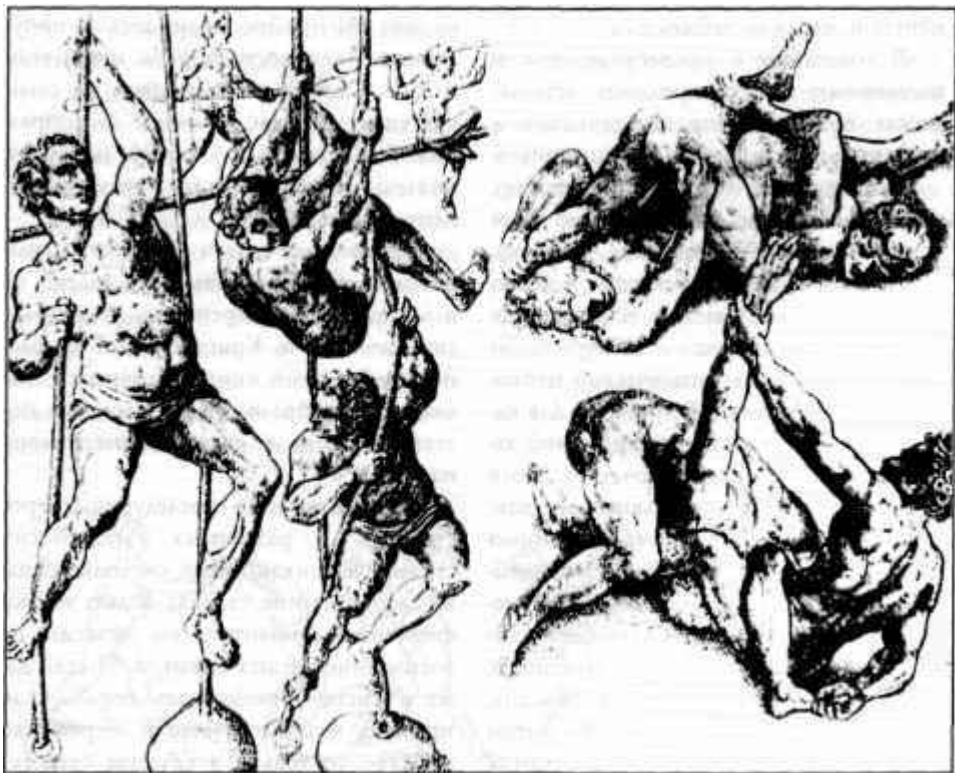

Рисунок Кристофоро Кориолано из книги Меркуриалиса «Об искусстве гимнастики»

Гравюры на дереве
Лукаса Кранаха
Старшего -
иллюстрации к
книге Фабиана фон
Ауэрсвальда «Искус-
ство борьбы. Восемьде-
сят пять приемов»

сем наоборот, решительно отвратила их от этого полезного занятия. Причем такое странное отторжение продолжалось очень долго. И даже уже в начале XX века известный немецкий цирковой борец, чемпион мира и Европы Якоб Кох сетовал «на один весьма важный недостаток немецкой гимнастики, а именно то, что она относится с пренебрежением к борьбе...».

В 1887 году в Берлине произошел случай, довольно редкий в мировой издательской практике: в свет была заново выпущена книга, имевшая уже трехсотпятидесятилетний возраст. За эти три с половиной столетия даже сам немецкий язык успел претерпеть существенные изменения, тем не менее, книга вышла в своем первоизданном виде: не только без перевода, но даже и без каких-либо пояснений и комментария. Впрочем, главным в ней был даже не текст, довольно-таки краткий, а отличные гравюры на дереве Лукаса Кранаха Старшего, во всех деталях запечатлевшего все восемьдесят пять приемов из боевого арсенала Фабиана фон Ауэрсвальда. Книга Фабиана, изданная в 1539 году, так и называется - «Искусство борьбы. Восемьдесят пять приемов».

Каким это ни покажется невероятным, но выпуск этой антикварной «новинки» вполне мог дать необходимый импульс в развитии европейского искусства самозащиты. Ведь английский бокс предлагал только технику ударов кулаками и две-три подножки. Французский бокс был еще не слишком развит и носил чисто локальный характер. Французская борьба уже приобрела условно-спортивный характер и обладала не очень большой прикладной ценностью. А с японскими приемами Европа тогда вообще еще не была знакома. Так что боевая техника неожиданно «воскресшего» средневекового мэтра являлась в те годы наиболее эффективной, хотя и требовала необходимой довольно тщательной доработки.

Расщедрившаяся судьба в лице анонимного издателя-мецената вторично попыталась подарить Германии возможность создания своей собственной отличной спортивно-боевой системы, но недалёковидные немецкие спортсмены и на этот раз бездумно и равнодушно прошли мимо этого поистине королевского подарка! На титуле книги меценат начертал: «На пользу и благо всем германским турнирам». Однако же, ни на пользу, ни на благо книга им так и не пошла! Не вдохновила на возрождение замечательного наследия своих предков.

«Турнфрейны» - союзы турнеров - появлялись и у нас, объединяя, в основном, российских немцев. Поначалу там, как и в частных гимнастических залах, занимались и некоторые русские, но затем, в 1883 году, они создали свое Русское гимнастическое общество, в числе учредителей которого были В.А. Гиляровский и А.П. Чехов. Кроме гимнастики практиковались в Обществе фехтование и борьба.

Однако значительно больше, чем немецкому турнкунсту, в России повезло шведской гимнастике. На Скандинавском полуострове национальную систему, которая, по мнению француза Демени, «обладает всей точностью науки», создал выпускник Лундского университета, известный шведский поэт и искусный фехтовальщик Пер Линг (1776-1839). Опираясь на немецкий опыт, а также практику древних греков и своих предков - викингов, он основывал то, что во всем мире стали называть «шведской гимнастикой». Пер выполнял заказ правительства и, главным образом, работал в области военной гимнастики.

Небезынтересно отметить, что через восемьдесят лет после смерти Линга немецкий специалист Дебонне обвинил шведа в том, что тот якобы тайно «позаимствовал свою систему, слово в слово, из древнейших китайских лечебных приемов Тонг-Фу». Впрочем, эти весьма сомнительные и бездоказательные обвинения в любом случае могли касаться только лечебного раздела гимнастики Линга, но никак не военного.

В отличие от немецкой гимнастики, шведской заинтересовался наш генералитет. И в 1838 году император Николай I отдал приказ ввести в гвардейских полках занятия гимнастикой, а для руководства этим новым делом в Петербург был приглашен де Паули. К счастью, этот выпускник шведского гимнастического института Пера Линга успел поработать во Франции под руководством полковника Франциско Амориса. Как ни странно, но именно этот испанец и офицер испанской армии явился основоположником фран-

цузской гимнастической системы, которая с самого начала получила военноприкладной характер. В отличие от шведов, французы непрерывно, в течение целой четверти века, провоевали, участвуя в самых больших и кровавых сражениях. Так что понимали кое-что и в рукопашном бое. К тому же, как утверждают, испанско-французский полковник не чуждался и известных суворовских указаний по боевой подготовке войск, вызывавших большой интерес на Западе. Между прочим, уже одно это доказывает, что русская армия, только что разгромившая сильнейшую в мире «всеевропейскую, великую армию Наполеона», еще с суворовских времен располагала собственным ценнейшим опытом боевой подготовки. И вполне могла бы обойтись в обучении своими силами. Только вот взгляды хозяев России испокон веку (да и доньше) устремляются лишь на Запад в полной убежденности, что в своем Отечестве пророков никак быть не может, да и не должно быть.

Впрочем, деятельность де Паули в России нельзя не признать полезной. Свои взгляды он изложил в работе «Военная гимнастика и фехтование на штыках и саблях верхом». Рекруты получали у него хорошую физическую подготовку и навыки преодоления препятствий различными способами. Краткую, но исчерпывающую характеристику его системы дал наш старый специалист, доктор медицины В. Е. Игнатьев: «При военной гимнастике имеет место фехтование и борьба, другими словами, учатся пользоваться своей силой и развивают умение владеть оружием». Творческое мышление в сочетании со смелостью подлинного новатора позволили де Паули поколебать общепринятые, но уже явно устаревшие каноны, отвергнув неоправданно усложненные традиционные шведские методы фехтования на штыках. О своих преобразованиях он сказал так: «Это составляет шесть маневров вместо прежних тридцати или даже пятидесяти, из которых один запутаннее другого».

Шведская гимнастика оставила заметный след в русской специальной литературе. Особенно заинтересовался ей и пропагандировал, посвятив описанию этой гимнастики две своих книги, один из учредителей Международного Олимпийского Комитета, представлявший в нем Россию, генерал А.Д. Бутовский.

Научно доказанная необходимость физического воспитания молодежи породила в позапрошлом веке и еще ряд специальных систем, призванных выполнять эту задачу. Их создатели ставили целью воспитание физически и психически здоровой, гармонично развитой личности, а подобная личность, разумеется, не могла существовать без умения защитить саму себя. И вот в системах физического развития начинают появляться разделы самозащиты. Первой из них, наиболее известной и популярной в России, стала чешская сокольская гимнастика.

В то время западными и частично южными славянами все еще повелевали австрийцы, и Сокольское спортивное движение явилось одной из весьма заметных форм протеста против чужеземного владычества. В Австро-Венгерской империи насаждалась немецкая гимнастика «турнер». Вот ей-то чехи и противопоставили свое сокольство. Оно стало славным движением людей, гордив-

шихся своим славянским происхождением и нипочем не желавших променять его на австрийскую чечевичную похлебку. Сокольство способствовало возрождению и развитию чешской культуры и несло национально-освободительные идеи. «Соколы» носили национальные костюмы, вводили в гимнастику движения своих национальных танцев, а кроме обычных гимнастических снарядов использовали еще пики, кии, палицы и цепи, которые когда-то были грозным антирыцарским оружием в руках восставших чешских «таборитов». Называли они друг друга «брат» или «сестра», а обращались только на «ты». И даже само название - «Сокол» - символизировало славянское понимание свободы и мужества.

Создана сокольская гимнастика была в шестидесятые годы XIX века. Ее автором, хотя и не единоличным, стал, как это ни странно, не спортсмен, а доктор философии Мирослав Тырш (1832-1884). Задачи своей системы он сформулировал так: «Укрепить и сохранить человеку здоровье, сделать его неуязвимым, дать ему отвагу и хладнокровие, силу и ловкость, проворство, решительность, смелость...». При конструировании своей гимнастики Тырш использовал наиболее удачные элементы других гимнастических систем, но при этом сумел создать достаточно самостоятельную систему, привнеся немало нового, самобытного и оригинального. Так, в наше время ни одно из крупнейших международных состязаний не обходится без того, чтобы на его открытии не демонстрировались массовые гимнастические выступления. А они, как и многое другое, пришли в мировую гимнастику именно из сокольства. Такие выступления, собиравшие до 20 тысяч участников, имели не только чисто зрелищное, но еще воспитательное и политико-пропагандистское значение, позволяя гимнастам ощутить сплоченность и приверженность общей идее. И не случайно Всесокольские слеты, проводившиеся с 1882 года, всегда проходили с огромным успехом и собирали не только чешско-моравских

«соколов», но и «соколов» из других славянских стран, в том числе и из России. На одном из таких слетов лучшим - «наибольшим витязем» - был признан знаменитый русский журналист и си-
лач В. А. Гиляровский.

Сокольская гимнастика состояла из четырех отделов, и четвертый, последний, отдел был посвящен «боевым упражнениям». В него входили фехтование эспадромом, рапирой или шпагой, посохом и тростью, которая тогда зачастую дополняла мужской костюм и использование ее в качестве оружия имело прикладной характер в рамках бытовой самозащиты. Кроме того, «соколы» овладевали приемами французской, а иногда и некой древнегреческой борьбы «с хватами за все тело» и французского бокса, который в те годы являлся наиболее эффективным из известных в Европе способов рукопашного боя. Однако у «соколов» это был весьма своеобразный бокс. Тырш признавал нежелательной любую спортивную состязательность. И даже в физкультурной терминологии «спорт» и «гимнастика» существовали тогда в качестве двух противоположных понятий, так как соревнования в сокольской гимнастике не проводились.

И вот, в соответствии с этими Сокольскими принципами, сформировалась своеобразная разновидность французского бокса. Своего рода «бокс с тенью», в котором удары и защиты только разучивались и отрабатывались, но никаких спаррингов - «ассо» - не проводилось. И хотя это избавляло от ушибов, разбитых носов и синяков под глазами, отсутствие непосредственной практики боя, как реального контакта с соперником, снижало ценность получаемых «соколами» боевых навыков, негативно влияло на них.

Впоследствии подобные упражнения стали фигурировать даже в виде самостоятельной дисциплины - «гимнастического бокса». Именно под таким названием выпустил свою книгу тифлисский преподаватель сокольства А. Лукеш. Она явилась единственной работой по данной теме и выходила

тремя изданиями, последнее из которых увидело свет в Петрограде в военном 1914 году.

В конце двадцатых годов у нас еще помнили о «гимнастическом боксе», хотя уже едва ли практиковали его. Известный историк спорта и старейший спортивный журналист Б. М. Чесноков привел в своем «Энциклопедическом словаре по физической культуре» (1928 год) следующую дефиницию: «За основу гимнастического бокса взят французский бокс, с его приемами нападения и защиты не только руками, но и ногами. Цель гимнастического бокса - обучить занимающегося всевозможным приемам нанесения ударов противнику, а также способам защиты от ударов, но главная ценность гимнастического бокса - в равномерном физическом развитии, так как при гимнастическом боксе в равной степени упражняются как правой, так и левой рукой, как правой, так и левой ногой».

Российские реформы второй половины XIX века коснулись и физического воспитания учащейся молодежи, правда, только лишь из привилегированных сословий. Новый школьный устав предусматривал введение гимнастики в гимназиях и прогимназиях. Однако же катастрофическая нехватка знающих преподавателей оттянула воплощение этих благих намерений на долгие годы. Те из гимназий, которые располагали достаточными финансовыми средствами, стали приглашать для преподавания чешских специалистов Сокольской гимнастики. Некоторые из них обучали не только гимнастике в полном объеме, но, в частном порядке, и отдельно только французскому боксу, войдя в число пионеров этого боевого вида спорта в России.

Одним из первых и наиболее известным из них стал видный деятель пражского «Сокола» Ф.И. Ольшанник. Когда члены Московского клуба велосипедистов соблазнились боксерской практикой своих соседей из Атлетического кружка под управлением барона Кистера, они тоже надели перчатки, а одним из преподавателей стал у них

Ф. И. Ольшанник демонстрирует для сокольского журнала технику французского бокса

Ольшанник. Не ограничиваясь всего лишь обучением, летом 1896 г. он даже сам вышел на ринг в показательном матче на московском «Циклодроме» (как именовали тогда велодром). Репортер журнала «Циклист», писавший под велосипедным псевдонимом «Руль», вот так, не без ехидства, прокомментировал это, еще не привычное в России, зрелище: «Перед началом гонки господ Олшанник и Смоленский демонстрируют бокс. Хорошо боксируют!.. Я думаю, самому Расплюеву не пришлось такого бокса испытывать!.. Погрозив друг другу кулаками и смазав друг друга по несколько раз подошвами, уступили место велосипедистам».

В моем архиве сохранились уникальные и сегодня уже слегка комичные фотографии, где этот ветеран демонстрирует для сокольского журнала начала XX века технику французского бокса. Его перчатки с длиннейшими, чуть ли не по локоть, крагами столь же забавно-архаичны, как и удары с фехтовальным выпадом и повернутыми ногами вверх кулаками.

Тот же Ольшанник, придя в Русское гимнастическое общество, преобразовал его по чешскому образцу в Первое Русское Гимнастическое Общество «Сокол» в Москве, где занятия проводились по всем разделам, в том числе и по боевому.

В начале века сокольство прочно утвердилось у нас как основной вид гимнастики и не только оставило заметный след в терминологии, но и вообще стало основой современной спортивной гимнастики. В России выпускался специальный журнал «Сокол». А в 1912 году штабс-капитан Марков выпустил в Петербурге «Руководство для изучения сокольской гимнастики и постановки ее в войсках».

В первые послереволюционные годы сокольские общества еще продолжали существовать в ряде городов, а Сокольская гимнастика была обязательным предметом даже в Главной военной школе физического образования трудящихся. Но очень скоро эта «подозрительная иностранка» оказалась под яростным огнем критики как буржуазная система, идеологически вредная и проповедующая патриотические убеждения. А патриотизм тогда был таким же точно подозрительным и гонимым, как и у нас в течение всех десяти последних лет. Только тогда ему противопоставляли не «западные, общечеловеческие ценности», а железный пролетарский интернационализм и братский союз трудящихся всех стран и народов!

Бывший член Олимпийского Комитета Российской империи, крупнейший деятель физической культуры дореволюционной, а затем и советской России Г. А. Дюперрон в своем популярнейшем и очень ценном труде сказал об этом очень смело для тех лет и осуждающе резко: «За последние годы в СССР Сокольская гимнастика не пользуется любовью тех, кто ею не занимается. Если откинуть соображения шкурного свойства, чаще всего на Сокольскую гимнастику нападают не как на гимнастическую систему, а как на явление слишком тесно связанное с сокольством, то есть с идеологическим направлением. В наших целях нужно раз навсегда откинуть эти соображения, и нужно решиться смотреть на сокольскую гимнастику только как на определенную систему физического развития».

Нет нужды объяснять, что это так и осталось всего лишь гласом вопиющего

в пустыне. Дни «буржуазного и идеологически чуждого» сокольства *были* уже сочтены. Ведь на подходе уже маячили родные советские и «свои в доску» пролетарские поделки. Впрочем, при этом, как ни странно, все еще продолжали пользоваться у нас признанием и успехом целых две известных во всем мире французских и заведомо «буржуазных» системы - Дементи и Эбера.

Что касается вообще французских систем, которые начали формироваться еще в революционном 1795 году в рядах «юношеских батальонов надежды», то они являлись наиболее продвинутыми в интересующем нас смысле. Между прочим, ряд специалистов считает, что де Паули преподавал не столько шведскую, сколько французскую военную гимнастику. Именно Франция в 1852 году организовала первое в мире специализированное военно-спортивное учебное заведение в Жуанвиль ле Понт. В Жуанвильской фехтовально-гимнастической школе преподавали не только военную гимнастику и фехтование, которое в то время еще было вполне реальной воинской дисциплиной. Школа также являлась одним из основных центров французского бокса. И именно выпускник этой школы Эрнест Лустало стал основоположником как французского, так и английского бокса в Петербурге в конце XIX века.

Однако до этого французские новации долгое время игнорировались у нас по чисто политическим причинам: наша дремучая монархия с истеричной нервозностью прямо-таки на дух не принимала любые «республиканские» достижения. Только в середине XIX века в Москве открылся частный гимнастический зал француза В.Я. Пуаре, пользовавшийся определенной популярностью. Пуаре перевел и в семидесятых-восемидесятых годах дважды опубликовал капитальный труд «профессора гимнастики в Париже Наполеона Лэнэ». Разумеется, в этой, более чем пятисотстраничной книге совсем нетрудно отыскать вполне понятные недочеты, с современной точки зрения.

Но, думаю, что тому, кто освоил все приведенные там упражнения, было бы не так уж сложно постигнуть и нынешние спецназовские премудрости. В числе «упражнений, которыми может заниматься юношество», рекомендовались «Бокс (кулачный бой)», «Драка ногами (la savete)», «Фехтование. Бой на палках». Скорее всего, Пуаре тоже преподавал все это своим ученикам.

Однако странным диссонансом здесь выступает то, что старый национальный французский вид спорта - борьба - решительно отвергнут. В предисловии к книге Варфоломей Сент-Илер категорически утверждает: «Во всяком случае, должно стараться, чтобы это соревнование не заходило слишком далеко, и вот почему я пропустил почти все борьбы, особенно борьбы в обхват, с целью повалить друг друга. Эти последние опасны по чрезвычайным усилиям, которые для них требуются, и потому что, обыкновенно, борцы слишком разгораются, и борьба часто превращается в ожесточенный бой. Вместо состязаний борьбою, можно с большим успехом исполнять приступы и состязания в бегании, прыганий и т.п.».

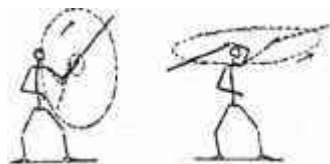
Лэнэ, написав несколько уважительных слов о славном прошлом борьбы, тут же решительно присоединяется к мнению уважаемого Сент-Илера: «По всему, что я заметил в школах, у меня

и везде, где я видел занятия гимнастикой, я скажу, что борьбы, в которых противники должны схватываться телом к телу, всегда опасны: порождают задор и мало благоприятствуют порядку, который должно соблюдать при всех упражнениях; и так как есть много других средств, чтобы достигнуть цели, то я их совершенно уничтожил во всех местах, куда я был призываем, чтобы давать уроки».

Я думаю, что разгадка подобной нелогичности лежит в словах Лэнэ: «...Цель моя - говорить только о тех упражнениях, которые более подходят к нашим нравам...». Хотя борьба уже успела переключаться из ярмарочных балаганов юга Франции в такие фешенебельные парижские заведения, как «Фоли Бержер» или «Мулен Руж», борцы оставались малопочтенными циркачами, а борьба - грубым занятием простолудинов. Стоит вспомнить, что даже в 1900 году сами французы не сочли возможным включить ее в программу парижских Олимпийских игр...

Заметным, хотя и весьма запоздалым признанием французских успехов стало в 1909 году учреждение в Петербурге Главной гимнастически-фехтовальной школы по образцу Жуанвильской с перенесением основных ее методов. А ровно через год открылась в Москве и вторая такая школа, где известный фехтовальщик Александр Люгарр преподавал не только классическое фехтование, но еще штыковой бой и французский бокс.

А несколько ранее, в конце XIX - начале XX века, во всем мире приобрели известность и первостепенное значение две системы французских ученых - Демени и Эбера. Наши специалисты старой школы, свободно владевшие иностранными языками, знакомились с их трудами прямо по мере публикации в оригинале на французском языке. А уже в 1899 году в Петербурге был издан первый русский перевод одной из работ Демени, положивший начало обширной библиотеке его переводов, продолжавших выходить и в советское время вплоть до 1930 года.

Такими схематическими «человечками» Ж. Демени обозначал свои боевые упражнения: удары палкой (тростью), кулаками ногами - из французского бокса

Ту же самую судьбу разделили и публикации лейтенанта французского военного флота Эбера. Однако главная его работа - «Естественный метод физического воспитания» - пришла к русскому читателю с некоторым опозданием из-за Первой Мировой, а затем Гражданской войны. Но уже в 1923 году эта книга появилась на советских книжных прилавках. Спрос на нее был столь велик, что всего за два последующих года вышли в свет еще два издания, во всех подробностях излагавшие этот новый метод француза.

По сравнению с системой его учителя Демени, методика Эбера получила у нас более широкое практическое использование из-за своей новизны и благодаря массовому развитию физической культуры с первых же лет Советской власти. Хотя их использование имело несколько своеобразный, я бы сказал, плагиаторски-пролетарский характер. Признавая бесспорную ценность обоих методов, особенно естественного, наши ортодоксальные идеологи от физкультуры сильно смущались их «буржуазным происхождением». Поэтому пролетарские умельцы «творчески» вдыхали в эти классово чуждые системы истинно революционный дух и уверенно публиковали их под своими фамилиями. Но об этом я поведаю в следующей книге. А сейчас самое время рассказать о самих этих двух специалистах, оказавшихся в центре внимания всего физкультурного мира.

Жорж Демени (1850-1917) - ученый-физиолог, вдумчивый исследователь, ставший основателем «новой французской школы физического воспитания». Для своего времени гимнастика Демени явилась наиболее научно обоснованной. Он преподавал в знаменитой Жуанвильской военной фехтовально-гимнастической школе, и под его руководством составлялись наставления по физической подготовке для французской армии. Главным в методе Демени было использование не искусственно надуманных, а чисто утилитарных движений, необходимых в реальной жизни. Именно он ввел термин «суплес», то

есть гибкость, ловкость, и придавал этому качеству большее значение, чем наращиванию мускулатуры. Первый раздел его системы состоял из подготовительных упражнений, развивающих такую гибкость, а второй давал прикладные упражнения, в числе которых были приемы защиты и нападения. В качестве таковых предлагалось фехтование палкой (тростью) и наиболее действенные удары руками и ногами из французского бокса. В эту же группу, как и в других системах, входили парные упражнения с сопротивлением.

Ученик Демени Жорж Эбер (1875-1957) был одним из наиболее талантливых выпускников Жуанвильской школы. Его «естественный метод физического воспитания» тоже делится на две части: воспитательную и прикладную. Одна из задач прикладной части состояла «в выработке умения выпутаться из тяжелых условий». А перечисляя «жизненно необходимые упражнения», Эбер называл знание приемов бокса и борьбы, умение пользоваться ими в случае внезапного нападения. Еще в воспитательной части им давались элементы самозащиты, а прикладная уже предусматривала вольные схватки по французскому боксу и двум видам борьбы. Кроме того, ученики овладевали фехтованием холодным оружием, посохом и тростью, а также стрельбой из револьвера и винтовки.

Из всех названных систем «естественный метод» Эбера был наиболее насыщен боевыми видами спорта, но он явно хватил через край, утверждая, что уже десятилетний ребенок «должен уметь... выполнять простые приемы борьбы и бокса» и «привести в беспомощное состояние вредного или опасного субъекта».

Французский бокс Эбер преподносил как две отдельные части: «бокс руками» и «бокс ногами». Это не могло не повлиять на оптимальное освоение комбинаций этих двух видов ударов. Довольно большим количеством приемов была представлена французская борьба. Но, вероятно, Эбер понимал не слишком большое значение этого, в

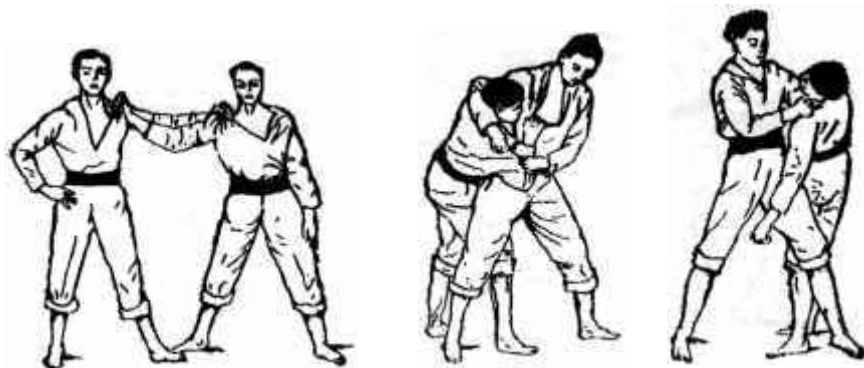
значительной степени условного, единоробства и поэтому ввел в свою систему еще один вид борьбы - бретонскую. Эта национальная борьба в одежде, малоизвестная за пределами Франции, нашим специалистам не известна вообще. Между тем, она заслуживает того, чтобы с ней познакомиться поближе.

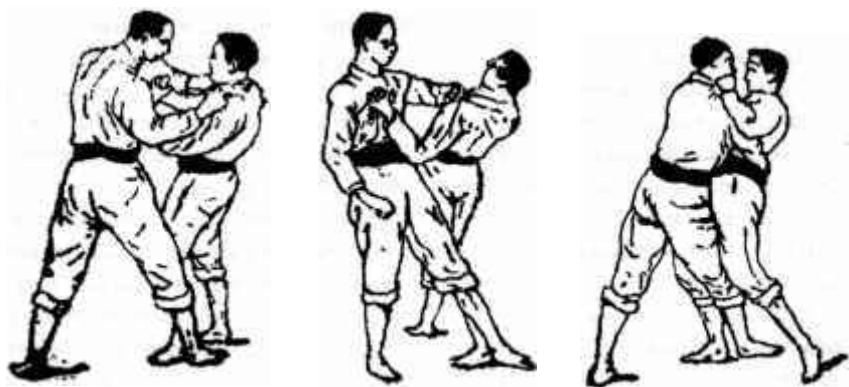
Бретонскую борьбу обычно считают национальной борьбой французов, но это не совсем правильно. Бретонцы - действительно граждане Франции, но считать себя этническими французами нипочем не желают и на самом деле таковыми не являются. Бретонцы - последние сохранившиеся в континентальной Европе потомки кельтов, как именовали их древние греки, или галлов - в латинском варианте. Сегодня о них справедливо говорят, как о вымирающем племени Европы. Но когда-то это был великий народ, владевший землями, разбросанными от Британских островов до Карпат и от Пиренейского полуострова до Ближнего Востока. Внушавшие страх всей Европе и даже взявшие однажды великий Рим воинственные племена, чьи боевые топоры с узким лезвием археологи так и называют - «кельты», умели не только воевать, но и создали еще замечательную, во многом загадочную культуру. Даже уже в Средние века у прославленных бретонских сказителей и бардов французы заимствовали многие сюжеты для своих популярнейших романов о рыцарях Круглого стола, волшебниках, коварных злодеях и прекрасных дамах. Да и сам институт рыцарства с его высочайшим понятием чести, рыцарскими

турнирами и культом прекрасной дамы сердца тоже пришел в средневековую Европу из глубин кельтской истории. Мистические хэллоуины современных англичан и американцев тоже имеют кельтские корни.

Смертельные удары железных легионов Юлия Цезаря, а затем нашествие германских племен не только разрушили бывшее кельтское могущество, но и почти уничтожили этот древний народ или привели к его полной ассимиляции.

Бретонцы, или бритты, издавна обитали на Британских островах, что отражено в самом географическом названии. Но в V - VI вв. под неудержимым натиском германоязычных англосаксов они были вынуждены навсегда покинуть свои родные земли: Уэльс и Корнуолл. Переплыв Ла-Манш, бритты подчинили себе такую же кельтскую, но уже романизованную Арморикю, принеся и на этот полуостров свое племенное имя - Бретань. А еще через тысячу лет эта последняя на континенте кельтская земля, в силу династических браков, оказалась поглощенной соседней и более могущественной Францией со всеми вытекающими из этого тягостными последствиями. Бретонцы, так же, как и их кельтские братья - шотландцы и валлийцы, на своей собственной земле превратились в национальные меньшинства, а ирландцы, и того хуже, - в колониальный народ. Новые английские и французские хозяева, не стесняясь в средствах, навязывали свои порядки и свои, чуждые кельтам, обычаи. А старинные кельтские традиции беззастенчиво и грубо попирались. Доходило даже до запретов изучения родного языка.

Ирландский профессор Маиртин О'Марчу по горькому опыту своего народа хорошо знал, о чем говорит, когда выдвинул обвинения англичанам и французам в традиционной враждебности к кельтской самобытности, этноциде и уничтожении национальных культур. На этом малопочтенном поприще великие державы - Англия и Франция - весьма преуспели. И, пожалуй, одним из сравнительно благополучно сохранившихся островков кельтской культуры остается спорт. Здесь они вполне успешно могут поспорить в древности не только с римлянами, но даже и с греками. Во французской прессе мне встретилось утверждение, что кельты еще в XVIII веке до новой эры уже проводили свои «Таильтианские игры» - более чем на целое тысячелетие раньше первых достоверно известных нам Олимпийских игр! Стоит ли верить подобному смелому утверждению или нет, трудно сказать, но остается фактом, что состязания в силе, ловкости, выносливости и скорости издревле являлись доброй традицией это-

го народа. И дело было вовсе не в развлекательно-зрелищной стороне, а в насущной необходимости боевой подготовки молодежи.

Еще девятьсот лет назад шотландский король Мальком III приказал своим подданным состязаться в беге. В гористой местности это было совсем не легким испытанием, и Мальком наградил победителя высокой должностью королевского посла. Можно много говорить о старинных состязаниях кельтов, но я ограничусь всего лишь одним, но очень показательным примером.

Во втором десятилетии XIV века в кровавой битве при Баннокберне шотландцы наголову разгромили напавшую на них английскую армию Эдуарда II. А в 1332 году десятки шотландских кланов, как обычно, съехались в тогдашнюю столицу Инвернесс. На таких народных собраниях, подобных нашему вечу, издревле сообща обсуждались наиболее важные вопросы, и принятые решения обретали неколебимую силу закона. А по окончании собрания непременно устраивались моло-

дежные состязания. Но теперь было решено, что отныне будут это не обычные, рядовые соревнования, а своего рода торжественный спортивный праздник в честь и в память одержанной важнейшей победы. Так было положено начало Севершотландским играм, которые не случайно называют еще «кельтскими Олимпиадами». Впоследствии их перенесли в близлежащий городок Бреймар, и название его означает для шотландцев то же самое, что и Олимпия для греков.

Наверное, это не очень легко представить, но вот уже почти семь столетий подряд из года в год в первую субботу сентября в эту почти безлюдную горную местность съезжается множество людей - участников игр и азартных зрителей.

Точно такие же, но более скромных масштабов, народные олимпиады - Горские игры - можно увидеть еще и в Абоине, и в Кирримьюре, где тоже собираются сильнейшие атлеты шотландских городов и поселков. И любое из таких состязаний непременно начинается с традиционного красочного парада горных кланов. Потомки знатных родов Шотландии с торжественной неторопливостью проходят перед зрителями, и те по расцветке и характеру клетчатого узора короткой - до колена - юбочки-кильта и небрежно наброшенного на плечо пледа сразу же узнают, какой именно клан вышагивает по стадиону. И только после этого под продолжающийся аккомпанемент шотландских волюнок начинаются сами состязания. Однако по весьма своеобразной программе, резко отличной от того, к чему мы с вами издавна привыкли. Впрочем, стоит напомнить, что и вполне привычные нам такие номера легкой атлетики, как тройной прыжок и метание молота, тоже оставались непривычными до тех пор, пока их в позапрошлом веке не позаимствовали у шотландцев. Этот кельтский метательный снаряд был прямым потомком боевого молота с деревянной рукоятью и каменным наконечником. И это не удивительно: любое упражнение было так

или иначе связано с военным делом. Переноска больших валунов и метание тяжелых камней тоже были полезным боевым навыком. Особенно в горной местности, богатой камнями, которые всегда можно было обрушить на вражеские головы.

Есть в программе и такое совсем уже уникальное упражнение - метание с разбега листовидного бревна длиной до 6 с половиной метров и весом до 72 килограммов. Бревно, описав в воздухе плавную дугу, должно удариться о землю тяжелым толстым концом и лечь строго по направлению бега метателя. При этом броски менее чем на двенадцать с половиной метров просто не засчитываются. А предания утверждают, что легендарный кельтский герой Кухулин мог швырнуть такое бревно на пятьдесят метров. Когда-то в древности кельтские воины таким необычным способом наводили переправы через пропасти и горные реки.

Прыжки с шестом тоже служили для преодоления подобных препятствий, а шестом вполне могло служить древко копья. Это отложилось в программе игр в виде прыжков с шестом, но не в высоту, а в длину.

И, конечно же, непременным видом состязаний является кельтская борьба. Чтобы участвовать в таком единоборстве, на ежегодные соревнования в Эдинбург собираются не только шотландцы, но еще и ирландцы, и валлийцы. И хотя скептики острят, что кельтского в этой борьбе остались всего-навсего лишь юбочки-кильты, в действительности она располагает эффективной техникой, сохраненной народом на протяжении многих столетий, а может быть, и тысячелетий.

Как показательный пример можно привести древнюю боевую практику одного из ирландских племен. Воинскими премудростями там начинали овладевать с младенческих лет. Нужно было не только точно метать дротик, но еще уметь уклониться и даже поймать дротик врага и тут же отправить его обратно. Воины, сумевшие обзавестись дорогостоящим мечом, умели сра-

жаться, держа его как в правой, так и в левой руке. Ирландские хроники говорят о героях, «работавших» двумя мечами одновременно.

А вот основой обучения безоружному бою являлась именно борьба, в которой использовались не только броски, но и такой болевой прием, как рычаг локтя.

Когда говорят о различных видах английской национальной борьбы, которых насчитывается целых шесть, то среди них непременно упоминают и корнуоллскую борьбу «корнишхью». Здесь, однако, возникает необходимость проверить подлинность ее английской генеалогии. Корнуоллская борьба, как говорит само ее название, зародилась и доныне практикуется на земле современного английского графства Корнуолл. Но давайте припомним, что именно Корнуоллский полуостров был родиной бретонцев, которую они вынуждены были покинуть пятнадцать веков назад. Так вот, захватив их земли, англосаксы «приватизировали» и такое кельтское наследие, как «корнишхью», которое заметно отличается от других английских видов борьбы в смысле техники и правил.

Корнуоллская борьба имеет и еще одно название - «за рубашку». В отличие от английской ланкаширской борьбы, где борцы выходили с обнаженным торсом, корнишхью - это борьба в одежде. Там облачались в подпоясанные рубахи из прочной грубой материи. Еще два вида старинной английской борьбы - кумберлендская и вестморлендская, хотя и велись в одежде, но там боролись в обхват. А в корнуоллской захваты делались именно за одежду - «за рубашку». Сопоставляя корнишхью с бретонской борьбой и обнаруживая в них много общего, можно утверждать, что это не просто «родственники», а что древняя коренная корнуоллская борьба являлась архетипом бретонской, тем древним кельтским корнем, из которого выросла бретонская ветвь.

Небезынтересно отметить, что еще один зеленый побег старинной борьбы

Кельтская борьба

умудрился проклянуться даже и по другую сторону Атлантического океана - в США. Известный специалист двадцатых-тридцатых годов Н. Н. Ознобишин сказал об этом в своей книге: «Американской национальной системой самозащиты является «кэтч-эз-кэтч-кэн» (поймай, как сумеешь), представляющий один их типов свободной (вольной - М. Л.) борьбы... Немалое влияние на образование американского стиля борьбы оказала и завезенная в Штаты из Англии система борьбы «подножками», так называемая «корнишхью», родившаяся в Корнуэльсе».

По принятой тогда классификации бретонская борьба, как и корнуоллская, в отличие от классической, греко-римской, считалась одним из видов вольной борьбы, поскольку там допускались броски, исполняемые с помощью ног. Такой более широкий технический диапазон, а также ведение схватки в одежде, а не в условном спортивном трико, давали бретонской борьбе значительно большую прикладную ценность по сравнению с ее французской сестрой. Это не мог не оценить автор «естественного метода» Эбер.

Его ученики, как и настоящие бретонцы, боролись босиком, но просторные бретонские рубахи заменили более доступными им короткими и узкими матросскими курточками. Здесь, несо-

Французская
почтовая марка с
изображением
бретонской борьбы

менно, повлияло то, что Эбер вел работу именно в военном флоте. По своему техническому характеру бретонская борьба напоминала старую русскую борьбу «не в схватку», «за вороток». Боролись только в стойке, и победу приносило касание партнера обеими лопатками земли.

Многолетнее соседство с французской борьбой не могло не повлиять на бретонскую в способах захватов не только за одежду. Но ее основой являлись именно захваты за одежду и пояс в следующих шести вариантах: одной рукой за одежду на плече; обеими за одно и то же плечо; одной за одежду у локтя, другой - у плеча; одной за ворот или за шею сгибом локтя, другой - за одежду у локтя; одной за пояс, другой - за одежду на плече или локте; обеими за пояс.

Для большей прочности, захватив одежду, следовало повернуть кисть большим пальцем вверх, как бы нагнув захваченную ткань на кулак.

В качестве бросков использовались различные варианты подножек: задняя, боковая и даже «внутренняя» с подставлением ноги, проноса и ставя ее между ногами соперника; подсечки и обвивы изнутри и снаружи, называвшиеся «крючками». Бросковая техника, хотя и достаточно разнообразная, по степени отработанности заметно уступала японской. Но в то время, когда Эбер создавал свой «естественный метод», дзюдо еще не было известно в Европе, а еще только появлявшееся жестокое джигитсу было едва ли пригодно для использования в рамках массовой европейской системы физической культуры.

«Естественный метод» имел большой успех не только во Франции, но и в других странах, где использовался в целях допризывной подготовки юношей. Разработанная Эбером система специальных физических упражнений нашла применение также и во французском военном флоте.

Глава 2

Шумный мировой триумф джиу-джитсу

За последнее десятилетие о джиу-джитсу было написано, пожалуй, даже побольше, чем о «юбилейном» Александре Сергеевиче. Но я что-то не припомню, чтобы хоть кто-нибудь смог сказать, когда и в связи с чем в России появились самые первые сведения об этом боевом искусстве Востока.

У филологов принято определять время появления в языке нового слова, ориентируясь на словари. Год издания словаря, впервые зафиксировавшего новое слово, признается и годом рождения этого слова. Понятно, что при таком довольно условном способе неизбежен разрыв между реальным появлением слова и его словарной фиксацией. Поэтому филологи особенно ценят весьма редкую возможность уловить действительный «день рождения» слова, а не всего лишь его словарную тень. И хотя я был очень далек от специальных языковых исследований, мне выпала удача отыскать то самое - первое употребление слова «джиу-джитсу», точнее - его начального варианта. Это не просто появление еще неизвестного слова, но и весьма своеобразная попытка описать то, что стояло за ним. И случай этот не только примечательный, но и довольно забавный. Связан он с именем старинного и полузабытого писателя и большого японофила Лафкадио Херна.

После того, как в середине XIX века правительство Мэйдзи под военным давлением Запада было вынуждено открыть доступ в свою страну «белым варварам», одним из первых смельчаков, воспользовавшихся этим, стал Лафкадио. Живя в Стране Восходящего

Солнца, он настолько хорошо познал местные предания о нечистой силе, что написал сугубо мистические новеллы, в которых повествуется о трагических встречах людей с привидениями, духами, женщиной-оборотнем. Новеллы оказались столь близки японским сердцам, что вольная их экранизация - фильм «Квайдан» стал классикой японского кино, был номинирован на Оскара и удостоен специального приза жюри Каннского фестиваля.

Писал Херн, точнее: пытался писать, и о японских боевых искусствах, несмотря на то, что здесь его познания не шли ни в какое сравнение с тем, что было ему известно о фольклоре. Так или иначе, но его книга «Очерки неизвестной Японии», вышедшая в свет в Лондоне в девяностых годах позапрошлого века, стала одним из первых свидетельств о джиу-джитсу на Западе, а у нас - самым первым. Книга попала в поле зрения популярной петербургской газеты «Новое время». Это был 1895 год, и в России уже функционировали первые спортивные кружки, насчет которых газеты не скупилась состязаться в насмешливом дешевом остроумии («У отца было три сына. Двое - умные, а один - спортсмен». - Это плод как раз такого юмора «высоколобых» заморышей и слабаков!). Особенно доставалось наиболее успешному и известному атлетическому кружку «отца русской тяжелой атлетики» доктора В.Ф. Краевского.

И вот один из присяжных редакционных остряков, скрывшийся под рафинированно-манерным и многозначительным псевдонимом «Петербургец»,

посмеиваясь над спортивной молодежью, не смог не «подковырнуть» своим критическим пером и «старого доктора».

«Петербургец», со слов Лафкадио, поведал читателям о «замечательных достоинствах японской атлетической борьбы, называемой «юютсу» (*yo-yu-yutsu*)» в таких словах: «В противоположность французской и римской борьбе, а также английскому боксу, японский «юютсу» есть как бы борьба в поддавки, но только кажущиеся, с девизом «выжидать, чтобы победить». В то время как тренировка всех прочих атлетов направлена к развитию мускулов и устранению жира, тренировка японских атлетов, наоборот, ведет к безобразному ожирению и к увеличению веса атлета. Но это не все. Постепенно жирея, японский атлет должен прилежно изучать анатомию, дабы под жиром противника уметь нащупать слабое место его сложения и в него противника поразить. Жир, таким образом, - броня, оборонительное средство борца, анатомия - наступательное. Выступив на арену, японские борцы не сразу начинают бороться: сперва они очень долго и, по-видимому, без всякого насилия ощупывают друг друга, проводя своими толстыми пальцами по жирному телу противника, пробуя сквозь толстый слой жира его связки и мускулы, нащупывая кости. Решительный момент борьбы наступает только тогда, когда один из борцов, более счастливый или более сведущий в анатомии, нащупает какой-нибудь недостаток в противнике: он тогда сразу бросается на него и, пустив в ход свои сильные руки, ломает ключицу, раздробляет пальцами позвонок или производит вывих плеча. Если же, что тоже случается, борец в своем анатомическом диагнозе ошибся или не так рассчитал, то напрасная трата сил при нападении из победителя превращает его иногда в побежденного. Вот что такое «юютсу», который рекомендую вниманию кружка атлетов г. Краевского».

Вы, конечно, уже поняли, что Херн, вероятно, весьма далекий от спорта, живописуя ужасающие кровавые и даже смертоносные повреждения борцов, безбожно путает боевое джиу-джитсу с доволь-

но безобидной борьбой чудовищно толстых мужчин - сумо, в котором вообще запрещены болевые приемы. Тем не менее, именно в таком надуманном и пугающе кровавом облике предстало японское джиу-джитсу при первом знакомстве с ним русских читателей.

Впрочем, справедливости ради, стоит отметить, что уже в 1894 г. в своей книге «Взгляд на Восток со стороны», познакомившись с Кано Дзигоро, Лафкадио Херн написал о японской борьбе очень достоверно и интересно...

Исход сражений уже давным-давно перестал решаться в рукопашной схватке, но, как это ни удивительно, японской системе самозащиты джиу-джитсу выпала поистине необычайная судьба... На рубеже XX столетия джиу-джитсу начало свой шумный триумфальный марш по Европе и Америке, привлекая к себе всеобщее внимание, завоевывая признание во всем мире. Его беззастенчиво расхваливали, приписывая прямо-таки фантастические достоинства, которыми оно, естественно, никогда не обладало. Столь же бездоказательно критиковали, отрицая какую бы то ни было пользу и даже в полной запальчивости объявляя японскую самозащиту всего лишь хитроумной мошеннической фальсификацией.

Разумеется, поначалу джиу-джитсу было всего лишь криком моды, и этим без труда объясняется его неумеренно громкий успех. Но проходили годы, десятилетия, а эту систему так и не постиг горький удел любой вчерашней моды - неминуемое и прочное забвение. Какими-то неведомыми путями джиу-джитсу удалось удержать изрядную долю былой популярности. Даже сейчас, через сто с лишним лет, это жестко звучащее экзотическое слово все еще сохраняет свою притягательную магию, свой ореол таинственного «невидимого оружия». И разве сегодня слабосильный обиженный подросток, точь-в-точь как когда-то в начале века его прадед, не мечтает раздобыть книгу секретных и, конечно, совершенно неотразимых японских приемов?

При ретроспективном взгляде на первые годы европейского триумфа джиу-джитсу представляется, что его раздутая

рекламой популярность вспыхнула внезапно, как лесной пожар. Но так только кажется, потому что яркий успех неизбежно затеняет предшествовавшие ему будничные годы, исподволь подготовившие для него благоприятную почву. К тому же предыстория появления джиуджитсу в Европе и Америке совсем не привлекала к себе внимания и осталась почти неизвестной.

Первые по времени сведения, которые европейцы и американцы получили о японской самозащите, имели характер довольно плачевного опыта. А в качестве подопытных лиц выступали подвыпившие моряки, сошедшие на японский берег, или хулиганы, пытавшиеся позабавиться над низкорослым «желтым» в многонациональных американских городах. Но так как джиу-джитсу - все-таки не волшебная палочка, победа в таких конфликтах могла оказаться как у одной, так и у другой стороны. Если одолевал более рослый и крепкий европеец, это воспринималось как само собой разумеющееся. Но вот когда низкорослый и слабый на вид японец ловким броском опрокидывал здорового детину или болевым приемом приводил его в совершенно беспомощное состояние, это производило впечатление чего-то необъяснимого. Надолго запоминалось и рождало первые образы легенды о неотразимости таинственных японских приемов. Испытавшие первыми на себе силу джиу-джитсу были, однако, заведомо не теми людьми, которые могли бы его разгадать и, изучив, принести своим соотечественникам. Для своего «наступления» джиу-джитсу ждало других, более благоприятных, обстоятельств и совсем других людей.

Как это ни удивительно, особый интерес к японской самозащите возник в Старом и Новом Свете в связи с военными успехами Японии. Строго говоря, он явился, так сказать, «побочным продуктом», всего лишь следствием, небольшой частью пристального внимания Запада к вооруженным силам Японии - молодого, но потенциально опасного империалистического конкурента. Страна Восходящего Солнца проводила уско-

ренную европеизацию во всех сферах, и особенно в армии и флоте, меньше всего желая разделить грозившую и ей судьбу соседних колониальных и полуколониальных народов. Совсем наоборот: припоздавший японский милитаризм спешил занять свое место среди колониальных держав, стараясь наверстать упущенное в дележе колониальных земель.

В 1894 году японцы затевают войну с Китаем, чтобы обеспечить свое влияние в Корее и на части китайской территории. Результат военных действий стал настоящей политической сенсацией: небольшая Япония наголову разгромила войска огромной полуфеодальной Поднебесной империи. Сейчас это кажется всего лишь комичным, но тогда сенсационную, с точки зрения соотношения сил, победу всерьез пытались объяснить только тем, что японская политика проникнута «коварным духом джиу-джитсу».

Тот же Лафкадио Херн, силясь хоть как-то осознать и разгадать такой ошеломляюще непонятный военный успех, на правах старого знатока Страны Восходящего Солнца растолковывал: «Борьба Японии с Китаем... была таким же «юютсу», в увеличенном только масштабе. В свою дипломатию и политику, в свое войско и флот японцы с успехом перенесли все приемы юютсу; в военных действиях и внешних сношениях японцы усвоили себе тактику терпеливого ожидания и кажущейся уступчивости, чтобы вернее добиться победы; отменно прилежными анатомами изучили они... административную и военную организацию Китая. Они нашли и тщательно отметили все слабые места Китайской империи. По этому огромному рыхлому телу японцы, проведя ряд сильных ударов, искусно подготовленных и ловко нанесенных, одолели противника».

Херн был всего лишь дилетантом в политике, но ему вторили и профессионалы. Такие, как опытный немецкий ученый Эрнест фон Гессе-Вартег, который в своей книге «Япония и японцы» посвятил джиу-джитсу специальную главу, говоря: «Японское слово джиуджитсу знакомо, наверное, очень немногим... Но это странное, незнакомое слово очень

скоро станет, вероятно, известным и в Европе, потому что джиуджитсу - это ключ к уразумению характера японского народа в его отношении к чужим странам; в этом слове - тайна успеха этой удаленной за тысячи миль от Европы страны. Джиуджитсу - значит: «победить подчинением»».

Какими заумными ни казались бы эти квазиполитические элоквиции, но рост интереса к джиу-джитсу по мере японских военных успехов был очевидным фактом.

И снова рекламе японской системы самозащиты и физического воспитания служит очередной военный конфликт. Выплата непомерно большой контрибуции победителю усугубила и без того тяжелое положение нищего Китая. И в самом конце девяностых годов там яростно вспыхнуло народное Ихэтуаньское восстание, несколько неожиданно названное европейскими историками «Боксерским». Случилось так, потому что восстание возглавили общества Ихэцюань («Кулак во имя справедливости и гармонии») и Дацюаньхуэй («Общество большого кулака»). И изображение кулака украшало знамена повстанцев, а в английском сознании кулак твердо ассоциировался только лишь с боксом. Они и нарекли восстание «Боксерским». Вероятно, по аналогичной причине китайские боевые искусства тоже поначалу получили неточное европейское название «китайский бокс». Однако поднятый на знамена кулак был отнюдь не боксерским, а чисто китайским - символизирующим древнее национальное боевое искусство.

Руководящее общество Ихэцюань считалось прямой наследницей старинной религиозной секты Байляньцзяо («Учение Белого лотоса»), прославившейся своей борьбой за независимость Китая с маньчжурскими завоевателями.

Фанатичные ушуистские главари, идеологи восстания, внушали своим приверженцам, что с помощью магических заклинаний те обретут сверхъестественные способности, в первую очередь - неуязвимость не только от холодного, но и от огнестрельного оружия. Эта слепая фанатичная вера очень дорого стоила до-

верчивым повстанцам. Считая виновниками всех своих бед иностранцев - «белых дьяволов», они начали беспощадно убивать их. Шесть европейских держав, США и Япония немедленно направили свои войска в Китай и жестоко подавили восстание. И вот тогда-то на китайской земле военные специалисты обратили серьезное внимание на отличную физическую подготовку и большую выносливость японских солдат по сравнению с европейскими и американскими.

Дело в том, что европейцы понимали джиу-джитсу не только как самозащиту, но как экзотическую и совершенно неизвестную в Европе систему физического воспитания, составлявшую некий здоровый образ жизни. Именно так джиу-джитсу и рекламировалось: «источник японской силы», «система физического развития и атлетики», «наука о здоровом человеке, методическое укрепление тела и атлетические приемы японцев». Действительно, в издававшихся руководствах приводились некоторые рекомендации о рациональном питании, элементарной дыхательной гимнастике на свежем воздухе («глубоком дыхании»), своеобразном осторожном закаливании и прочих гигиенических элементах.

Однако, несколько забегая вперед, можно утверждать, что здесь ничем особо новым удивить европейцев японцы не смогли, так как сами являлись всего лишь учениками тех же европейцев и в области физического воспитания. Вполне естественно, что все эти гигиенические рекомендации отпали сами собой. А вот боевые приемы безоружной борьбы оказались весьма к месту и в Старом, и в Новом Свете.

Но все это наступит позднее, а тогда, во время подавления «Боксерского восстания», западных военных специалистов не могла не удивить поразительная выносливость низкорослых и на вид слабых японских солдат, живущих, в основном, на скудном рисовом пайке. Однако же в походе на Пекин эти «слабосильные» японские пехотинцы с полной боевой выкладкой без труда одолевали в полтора раза большие расстояния, чем их «белые» коллеги. Именно

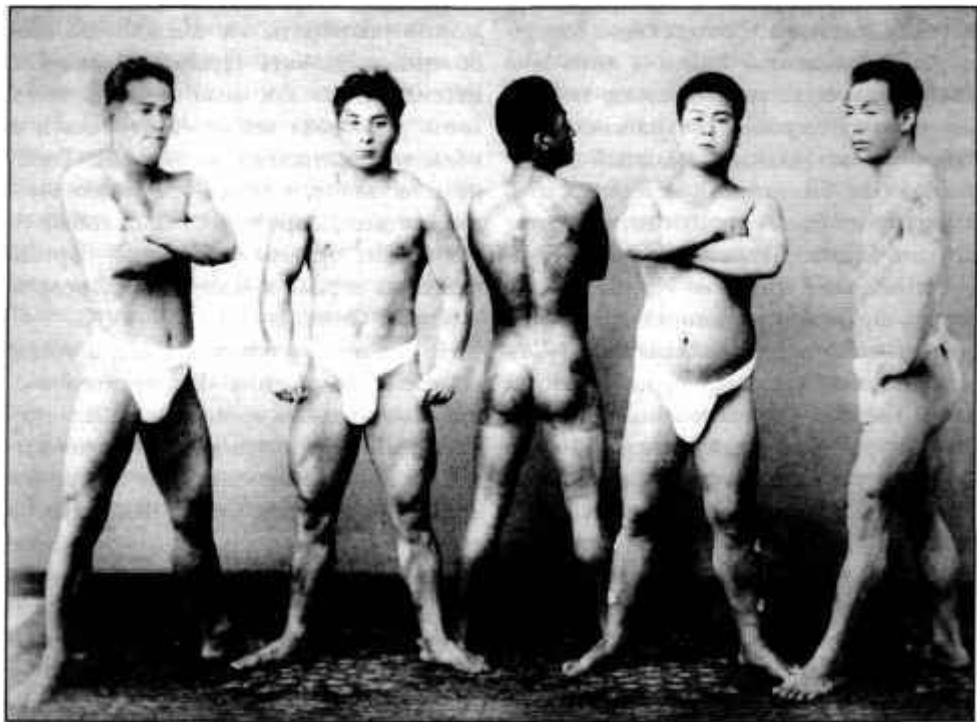
это и стало причиной того, что интерес к японской системе физического развития и самозащиты получает практическое разрешение.

В один из сырых и туманных сентябрьских дней 1899 года на дебаркадер шумного лондонского порта сошли с парохода два молодых низкорослых, но коренастых японца: Тани Юкио и его брат, которым довелось стать пионерами европейского джиу-джитсу. Японская система начинает преподаваться в Главной военно-гимнастической школе и учебном заведении Королевского военно-морского флота. Одна за другой открываются в Лондоне и респектабельные частные школы: на площади Пикадили, на Оксфорд-стрит, в Политехническом институте. И очень скоро вслед за братьями двинулись на Британские острова и другие сэнсэи.

Новый вид физического воспитания и, главное, единоборства привлекает внимание не только военных, но и штатских лондонцев. Стремясь удовлетворить любопытство спортивных от природы соотечественников, Лондонское общество изучения Японии в своих «Трудах» за 1902 год помещает небольшую, всего четырехстраничную, статью Э. Бартон-Рай-

та «Джиу-джитсу и дзюдо». Тогда же аналогичную статью публикует и «Субботное обозрение». Заморская система возбуждает все больший интерес. Особенно подогрели его эффектные победные выступления японцев против боксеров и борцов в одном из лондонских мюзик-холлов.

Отлично понимая значение рекламы, американско-английские менеджеры японцев - Э. Бартон-Райт, У. Бэнкир и др. - стремились как можно шире распространить убежденность в неодолимой мощи джиу-джитсу и, не ограничиваясь всего лишь сравнительно узким кругом учеников, постарались увеличить количество очевидцев впечатляющих побед джиу-джитсеров. Газеты опубликовали вызов считавшегося чемпионом мира по джиу-джитсу Раку Уиениши (правильнее Уэни-си) любому боксеру, независимо от его веса. Боксеры, однако же, отмолчались, но сэнсэй никак не унимался и следующий вызов бросил уже не только боксерам, но и «силачам». В те годы в Британии завоевали популярность состязания в поднимании тяжестей, и одним из «силачей» был тяжеловес Томас Инч, чемпион и рекордсмен мира. Спортсмен-универсал, он также успешно выступал на

Японские борцы, гастролировавшие в Европе, демонстрируют свое атлетическое сложение. Фото из немецкого спортивного журнала. 1901 год

ринге. Кроме того, у него в активе было хорошее знание кумберлендской борьбы и курс борьбы на поясах, пройденный у чемпиона мира Артура Саксона.

Для того чтобы вы могли явственно представить себе самые первые эффектно-победные шаги джиу-джитсу по европейской земле, я ознакомлю вас с еще не публиковавшимся на русском языке отрывком из воспоминаний Инча.

«Я встретился с Раку Уиениши в Голден Сквере. Вес Уиениши был 63,5 кг, а мой - 95 килограммов, и я был в наилучшей форме... Когда я увидел перед собой крошечного японца, я заранее торжествовал победу. А зрители, увидев нас, так хохотали, что едва не падали со стульев... Борьба началась с того, что я пролетел по воздуху, как метеор, когда Уиениши начал атаку броском, который в то время был новинкой, а теперь хорошо известен каждому. Он упал на

спину, уперся мне в живот ногой и сильным толчком перебросил меня через себя. Я не учился правильно падать, и одним из приемов джиу-джитсу он опять бросил меня на ковер. Затем он играл со мной как кошка с мышкой, делая все, что только хотел. Чем сильнее я старался оказать сопротивление, тем чаще он бросал меня на ковер. Оказалось, что я никак не мог использовать свое преимущество в силе. Он следил за положением моих ступней и, немедленно применяя нужный прием, заставлял меня терять равновесие и падать. Вскоре я уже потерял счет своим падениям. Это было совершенно не похоже на ту борьбу, которую я изучал раньше. Нужно сказать, что Уиениши и Тани Юкио победили всех лучших европейских борцов, а Тани был еще меньше, чем Уиениши».

Уже став известным специалистом и тренером по боксу с пятидесятилетним стажем, Инч написал ценную книгу о боксерском искусстве, которую абсолютный чемпион мира по боксу Джин Тани предложил назвать не иначе как «Искусство побеждать». Помимо детального описания чисто боксерской техники и тактики, Инч включил в нее ряд приемов джиу-джитсу, которые, по его мнению, должны непременно дополнять бокс в уличной драке.

В ногу с Лондоном, а кое в чем и опережая его, идут Соединенные Штаты.

Популярность джиу-джитсу достигает апогея к концу русско-японской войны 1904-1905 годов, ставшей как бы символической и особо наглядной иллюстрацией к таинственным и ловким приемам, с помощью которых слабенький японский лилипут сумел одолеть могучего русского гулливера. (Разумеется, никто не понимал, что Япония закончила войну на последнем издыхании, а еще полная сил Россия была вынуждена заключить мир из-за угрожающей волны революционных событий).

Теперь уже любой мужчина жаждал познать тайны неодолимо могучего джиу-джитсу, но далеко не любой мог выложить из своего кармана ту кругленькую сумму, которую требовали все прибывавшие в Англию сэнсэи. Это предо-

Интересное соревнование было недавно организовано в Японии. Боксер (английский бокс) сражался с равным ему по классу специалистом по «джиу-джитцу» (верхний рисунок) и специалистом по японской борьбе «смо» (нижний рисунок). И в том, и в другом случае победа осталась за боксером.

пределило рождение обширной литературы самоучителей японской системы. Поначалу только на английском языке.

Уже в 1904 году в США и Англии выходит в свет более дюжины книг и статей различных авторов. Среди этих пионеров джиуджитсуйской литературы я хочу особо выделить американского офицера Ирвинга Ханкока, чьи работы неоднократно переводились на ряд европейских языков, в том числе и на русский. В 1904-м он публикует в Нью-Йорке свои первые две книги: «Джиу-джитсу. Боевые приемы» и «Джиу-джитсу. Боевые приемы японской ловкости в нападении и защите при единоборстве», а также большую статью «Японская атлетика для американских парней» в журнале «Святой Николай». В следующем году выходит всего одна его статья «Японское искусство джиу-джитсу» в газете «Обозрение обозрений». Почти одновременно японский специалист Хигаси Кацукума в соавторстве с неким Леоном публикует статьи «Замечательное джиу-джитсу» и «Американская борьба и джиу-джитсу: чья возьмет?». Эти публикации стали последними, которые американский офицер и японский сэнсэй писали не в соавторстве друг с другом. В том же 1905-ом они образуют отличный творческий тандем и создают первый в американо-европейском мире капитальный, более чем пятисотстраничный и, я бы сказал, классический, труд по джиу-джитсу. Труд, который стал объектом множества переводов на различные языки. Не устарев даже двадцать лет спустя, он выйдет вторым изданием в 1926 году, и, что еще более удивительно, его третье пересмотренное издание увидит свет уже в 1961 году! Более полувека спустя его написания!

В Ливерпуле выходит известное четырехтомное руководство Кара Ашикага «Джиу-джитсу. Японский метод нападения и защиты», которое тоже активно переводилось на европейские языки.

В победный для японцев 1905 год на книжные прилавки Англии и Штатов ложится новая партия литературы: всего только одно прошлогоднее переиздание (Джон О'Брайн. Полный курс джиу-джитсу), остальное - оригинальные работы.

В том же году французы уже успевают перевести Ханкока, который затем переиздается. А в 1906-м в галантном Париже выходит уже даже «Джиу-джитсу для женщин» с излишне восторженным предисловием доктора Ф. Лагранжа, утверждавшего, что джиу-джитсу на много столетий опередило шведскую гимнастику Линга.

Немного отставая от французов, возможно, из-за громкой критики японской системы, раздававшейся в Германии, немцы в 1906 году не только переводят Ханкока, но еще печатают руководство Цуцуми и Хигаси «Самозащита джиу-джитсу». У них выходит также «Искусство самозащиты Джиу-джитсу» Такуи Ходзо, книга, которая дожила до 1922 года, когда она отметила свое рекордное, четырнадцатое издание.

Пионер европейского джиу-джитсу Тани Юкио немного припозднился и только в 1906 году издал в Лондоне небольшую книжку с заглавием «Состязание в Джиу-Джитсу», написанную в соавторстве с Мияки Таро. Тогда же увидело свет и первое японское издание на английском языке: в Токио выпустили неплохую книгу Арима Сумитомо «Дзюдо: японская физическая культура», которая была два года спустя переиздана, а позже переведена на немецкий язык.

Следует сказать, что именно по этим разноязычным самоучителям, часть из которых я перечислил, а отнюдь не с помощью дорогостоящих преподавателей, особенно японских, постигало основы джиу-джитсу подавляющее большинство любителей во всех странах. А это давало разные, и далеко не всегда хорошие результаты.

Всю эту весьма обширную для тех лет библиотеку по японским единоборствам составляли самые различные и нередко резко отличные друг от друга издания. Прежде всего, там были представлены не только различные школы джиу-джитсу, но и дзюдо, «маскировавшееся» под эти же старые боевые системы.

Кроме того, заметно сказывалась разница в квалификации и добросовестности авторов. Далеко не всегда они были склонны делиться с читателем секретами

Открытка из набора,
показывавшего
технику джиу-джитсу
(здесь - рычаг локтя)

своих наиболее действенных - «фирменных» приемов. Подробность изложения определялась также и объемом самоучителей, который варьировался от много-томных и пятисотстраничных экземпляров до скромных брошюр в несколько десятков страниц. Так или иначе, свое дело литература по джиу-джитсу при активнейшей поддержке периодики сделала! Причем существование столь широкого круга учебных пособий позволяло выбирать из них лучшие и наиболее полезные.

Проходит всего лишь несколько лет, и экзотическая система становится невероятно модной. Ей уже служит исконная столица мировой моды - Париж. Под яркий фейерверк беззастенчивой рекламы начинается победное шествие джиу-джитсу по странам Европы и Америки, не минуя даже самые маленькие и захолустные из них. Японской самозащитой увлекаются спортсмены, офицеры и мюзик-холльные примадонны, полицейские и скучающие аристократы, артисты цирка, литераторы и, конечно же, всегда шагающие в ногу с модой вездесущие обыватели. О джиу-джитсу пишут, говорят, спорят. О его приемах, таинственных и «неотразимых» рассказывают своим читателям даже самые далекие от спорта издания. И поют при этом восторженную хвалу.

Используя интерес ко всему японскому, в Европу завозят небольшую труппу сумоистов, но об их хотя бы самой скромной конкуренции с джиджитсерами не приходится даже и говорить. Стокилограммовые толстяки-сумотори воспринимаются всего лишь как забавное и экзотическое шоу...

В Европе работает уже целая команда японских преподавателей. Имена лучших из них называет в своей книге Н.Н. Ознобишин, побывавший за границей с цирковой труппой велоэквилибристов. Это уже знакомый нам основоположник европейского джиу-джитсу «знаменитый Юкио Тани, один из лучших японских чемпионов», и еще «Миаки, Хирано, Хигаши, Койама, Минами, Цуцуми (Тсутсуми), Диабусту и Раку Уиениши».

Школы японской самозащиты функционируют в Париже, Берлине, Вене и Стокгольме.

Самые заядлые и достаточно обеспеченные любители восточного единоборства отправляются в Страну Восходящего Солнца, чтобы там, на родине джиу-джитсу, познать все его тайны под руководством лучших сэнсэев страны.

Между тем, умиленная пресса с восторженным придыханием доводит до всеобщего сведения, что «джиу-джитсу получила права гражданства в салонах!..». Хотя, откровенно говоря, «салоны» являлись весьма сомнительным критерием. Куда как ценнее и важнее внимания этого собрания аристократических пижонов и разжиревших нуворишей был тот большой интерес, который проявляли к японской самозащите действительно знаменитые и талантливые люди.

Еще в девяностых годах XIX века, по воле своего создателя Артура Конан Дойля, несравненный Шерлок Холмс овладел приемами «японской борьбы баритсу», которые так помогли ему в смертельной схватке с преступным профессором Мориарти.

Чуть позже «обучил» джиу-джитсу героев своих произведений Джек Лондон. Я хорошо помню, как впервые встретил это незнакомое слово в его «Сердцах трех». И, вероятно, слово было не знако-

мо не только мне, еще ребенку, но и взрослым читателям, так как значение его специально объяснялось в подстрочном примечании.

Отдавал свои симпатии японской борьбе и президент Соединенных Штатов республиканец Теодор Рузвельт. (Уж не потому ли он поддерживал Японию в период русско-японской войны?!)

С доброжелательным вниманием отнеслись к японской системе и «короли ринга». Абсолютный чемпион мира Джеймс Джеффрис, исходя из требований джиу-джитсу, «сконструировал» свою знаменитую низкую боевую стойку «крауч», которая и после него широко использовалась боксерами как позиция ближнего боя. Другой абсолютный чемпион Томми Бернс еще более усовершенствовал «крауч» и выгодно использовал эту стойку при своем низком росте. О практическом интересе к полезным приемам джиу-джитсу Томаса Инча я уже упоминал выше.

Не следует, однако, думать, что джиу-джитсу везде и всюду принимали на «ура». Были у японской системы и непримиримые, агрессивные противники. Почему-то это достаточно существенное обстоятельство остается в тени, не находя отражения ни у одного писавшего о джиу-джитсу автора. А европейское сопротивление азиатской системе было достаточно сильным и широко поставленным. Особенно в Германии.

Доктор Мартин Фогт с чисто немецкой педантичностью «перерыл» всю богатейшую Мюнхенскую библиотеку и в старинных рукописях, хрониках, манускриптах и средневековых книгах отыскал сотни изображений приемов старонемецкой борьбы и рукопашного боя. И вот, в начале века выходит в свет его книга с необычным и «наступательным» названием: «Японское джиу-джитсу - старая германская вольная борьба». В ней он подобрал и разместил попарно фотографии японских приемов и изображения точно таких же или очень похожих приемов, которые использовали в Европе еще более пятисот лет назад.

В начале двадцатых годов профессор повторил издание этой книги под но-

вым названием «Старое и новое искусство драки». В этих своих работах он со всей ученой компетентностью доказывал германский приоритет и производный, заимствованный характер джиу-джитсу. Надо сказать, что книги Фогта очень интересны и ценны, но, конечно, только для истории европейского рукопашного боя, а вовсе не для установления происхождения японской системы.

Естественно, что особенно решительными были высказывания европейских профессионалов самозащиты. Так, прославленный мэтр французского бокса профессор Шарлемон публично заявил о неоригинальности японских приемов и недобросовестном заимствовании их у европейцев.

Возражения оппонентов вовсе не были продиктованы всего лишь их корыстно-шкурными, чисто профессиональными интересами, борьбой против удачливых конкурентов. В действительности, это были донельзя возмущенные голоса знающих людей, искренне разгневанных тем, что на их глазах нагло, словно на рыночной «лотерее», облапошивают «почтеннейшую публику». Это, конечно, трудно было понять с высоты нашей «информационной обеспеченности» начала XXI века. Но все было именно так в этой интереснейшей исторической дискуссии, если можно назвать дискуссией односторонние обвинения. Обвинения, которые казались японцам настолько нелепыми, что они даже не считали нужным отвечать на них.

Особенно большой интерес представляет исчерпывающее и детально аргументированное, хотя и излишне эмоциональное выступление признанного немецкого знатока греко-римской борьбы и автора многих публикаций доктора Георга Цадига.

Этот уникальный документ, публикуемый впервые за истекшие сто лет, позволяет нам, людям XXI века, непосредственно познакомиться с развернутой аргументацией «антиджиуджитсеров», оценив ее фактологическую обоснованность. Вникнуть в самую суть исторического противостояния мэтров рукопашного боя Запада и Востока. Окунуться в

боевую атмосферу начала XX века, почувствовать былое кипение страстей и «в живую услышать» возмущенный голос одного из наиболее видных и агрессивных предводителей оппозиционеров.

Начав с того, что джиу-джитсу никак не может быть японской борьбой, так как подлинная японская борьба - сумо выглядит совершенно иначе, он продолжил: «В совершенно никакой или же очень слабой связи с японской борьбой стоит так называемое «джиу-джитсу». Оно отличается от нее весьма существенно уже тем, что при ней борются не обнаженными, но в полном одеянии, и при ней играет даже большую роль верхняя одежда, которою пользуются для различных важных приемов. По недостатку знания японского языка я не могу установить никаких положительных данных о происхождении джиу-джитсу. Но при тщательном изучении литературы о джиу-джитсу, которая существует на английском, французском и немецком языках, мое мнение обратилось в уверенность, что джиу-джитсу основано на смелом и широком обмане; что джиу-джитсу не есть именно национально-японская борьба, но сводка практических указаний для драки, которая изобретена в новейшее время в целях широко поставленной спекуляции или, скорее, в большей части своей не изобретена, но набрана из всевозможных систем борьбы.

Что в Японии борются обнаженными, установлено вне всяких сомнений на основании различных абсолютно достоверных рассказов и изображений. Уже отсюда без всего дальнейшего вытекает основное различие техники обеих систем.

В Японии, как это установлено также вне сомнений, признаются годными для борьбы лишь чрезвычайно толстые и тяжелые мужчины. Литература же о джиу-джитсу утверждает, что с помощью ее средств маленький, слабый, легкий, как перышко, человек в состоянии победить самого сильного и тяжелого. Напротив, вопрос, существует ли в Японии, наряду с профессиональной борьбой, система приемов самозащиты и система приемов полицейских, и положены ли они

частью в основу джиу-джитсу, я должен оставить нерешенным.

Что джиу-джитсу, которое представлено в его молодой, но уже объемистой литературе, а также в профессиональных представлениях в цирках есть ничто иное, как чисто материальное предприятие, которое служит цели использовать этот вид спорта и те колоссальные симпатии, которые возникли в Старом и Новом Свете к Японии, для приобретения денег посредством представлений и борьбы в цирках, посредством литературы, обучения, основания академий джиу-джитсу - об этом я в состоянии судить. Что эта спекуляция, благодаря хорошей конъюнктуре и широко поставленной чисто американской рекламе, удалась в больших размерах, общеизвестно. В Соединенных Штатах, в Англии и во Франции успех был поразительный, тогда как Германия, во всяком случае, держалась неизменно отклоняющим образом. Вопрос - должна ли заслуга быть приписана критике составителя (Цадиг имеет в виду себя - М.Л.) и именно в «Berliner Tageblatt» - мы должны оставить нерешенным.

Вывертывание руки, переломы рук, кисти и пальцев нам, «греко-римским» борцам, также хорошо известны, но только они у нас запрещены. Это переняло джиу-джитсу от французской борьбы, но только оно выпустило, чтобы сохранить вид оригинальности, некоторые самые характерные и вместе с тем лучшие приемы. По этой причине из элементарных приемов борьбы на ногах переняты только немногие. При этом некоторое изменено: например, парадом (т.е. защитой - М.Л.) против переднего пояса вместо упирания рук в горло или лицо является выгибание назад головы с нажимом больших пальцев на глаза. Искусство тут не велико; что нажим пальцев на глаза очень неприятен, для этого нам не нужно указаний из Америки или Японии. Техника подставления ноги взята из Catch as catch can.

Средневековой немецкой литературы о борьбе первые авторы джиу-джитсу, очевидно, не знали; иначе они могли бы развить гораздо содержательнее технику подставления ноги и многое другое. На-

против, замечается весьма сильное влияние на джиу-джитсу последнего отпрыска древнегерманской литературы, который находится с истинной старогерманской борьбой в весьма слабой связи: от Николая Петтера взяты захват за рукав куртки, вывертывание руки назад при борьбе на ногах, защита от удара кинжалом «подножкой» или без нее, вывих ноги и, наконец, особенный прием защиты джиу-джитсу, несомненно, большого практического значения: перебрасывание через голову посредством упирания ногою в живот и двойного захвата куртки, причем самому следует броситься наземь на спину. Я могу указать и самого себя в качестве источника новейшей литературы о джиу-джитсу. Своего собственного, существенного изобретателя джиу-джитсу прибавили только бессмысленную замену толчка кулаком на удар краем руки и различные весьма нелепые комбинации захватов ноги и руки, пригодные только для акробатов; при этом нужно заметить, что японцы являются лучшими в мире акробатами и эквилибристами.

Джиу-джитсу утверждает, что оно является наилучшим учением защиты и наилучшим спортом. И то, и другое - неправда. Как спорт оно уже потому непригодно, что состоит в значительном большинстве из опасных приемов. Во всяком случае, цель выдается таковою, что входит в рамки спорта: одною угрозою причинения вреда принудить противника к добровольной сдаче. Одно уже это явило бы опасность, так как при практическом выполнении никто не мог бы удержаться на границе между угрозою и действительным приведением ее в исполнение. Прежде всего, однако, несогласно с правдой, что эта цель может быть достигнута средствами джиу-джитсу. В большинстве случаев скорее наступает невозможность и безнадежность дальнейшего сопротивления лишь тогда только, когда вред - перелом кости или вывих суставов - уже причинен. Очень большую роль в этой системе играет обратное выгибание руки. Последнее же может принудить к сдаче под угрозою причинения вреда лишь в одном единственном случае: при вывертывании руки

назад (*retournement de bras*), которое хорошо знакомо греко-римским борцам, но только по правилам последней, в виду опасности, установлены точные границы между дозволенным и запрещенным. Но как раз самые страшные приемы, которые находятся за этой границей и хорошо известны греко-римским борцам, джиу-джитсу не знает; например, пользование «ключами» при вывернутой назад руке, с помощью которых можно ломать мужские кости, как кости какого-нибудь цыпленка. Но в этих случаях фактически еще возможно, чтобы побеждаемый при приготовлении к перелому руки просил о пощаде. Напротив, остальные приемы, которым обучает джиу-джитсу, действительны лишь в том случае, если перелом будет сделан немедленно: они состоят, как, например, так называемое «чертово рукобитие», в том, что одной рукой выворачивают кисть противника кверху и вытягивают руку в длину, другой же рукой нажимают снизу на руку. Если этот нажим внезапен, т. е. является ударом, то он может переломить руку и вывихнуть локтевой сустав. Если же применяется медленный, постоянный нажим, то противник легко может повернуть кисть снова книзу, так что давление будет действовать в направлении естественного сгиба. Не говоря уже об этом, все эти приемы имеют очень малую надежду на успех, так как нападаемый может помешать его выполнению согнутием руки вовнутрь. Кроме того, у него другая рука свободна для принятия репрессивных мер.

Вторая группа приемов борьбы - это приемы удушения. Они, во всяком случае, могут вести к тому, что нападаемый сдастся раньше, чем будет совершенно задушен. При этом замечательно то, что джиу-джитсу самых действительных приемов удушения: *casse noisette*, *crante*, *collier de force* не знает. Вместо того, оно имеет целую массу совершенно недействительных и практически лишенных значения приемов удушения. Но зато действительны захваты шеи, делаемые руками, и комбинированные с «подножкой», и захваты, выполняемые ногами, подспорьем которым служит вывертывание ру-

ки. Для выполнения этих приемов требуются, однако, совместные способности атлета, акробата, прыгуна и человека-змеи.

Третья группа включает в себе захваты и подставления ноги. Эта часть джиу-джитсу далеко не ровняется весьма содержательной и остроумной немецкой борьбе Средневековья. Японскую особенностью является выкручение ноги. Оно играет важную роль для победы приведенного в партер противника. Главным образом, достигается это посредством ножных ключей, которые служат тому, чтобы вывернуть пятку из сустава и сломать или вывихнуть ее. Другие ножные захваты служат той же цели, а также для перелома голени. Вся эта группа приемов в самых редких случаях достигает цели принудить к добровольной сдаче до наступления соответствующего вреда. Жилы и кости ног крепки, и часто одно пассивное сопротивление приводит к результату; если же этого не случается, то можно перелом или вывих заметить лишь после того, когда он уже совершен.

Из приемов греко-римской борьбы известны лишь очень немногие, да и те выполняются большею частью в извращенном виде, так, например, захват правой руки через плечо продлевается через левое плечо, вместо правого. Тем не менее, существует целый ряд приемов, в высшей степени пригодных для достижения конечной цели джиу-джитсу, а именно все те, при которых противника можно так подмять под себя, что грудь будет соприкасаться с грудью. В таком положении лежащий внизу совершенно беззащитен и подвержен всяким репрессиям, так что для него является наилучшим немедленно сдаться.

Джиу-джитсу в большей своей части, касающейся борьбы, гораздо беднее содержанием и искусством, чем французская борьба, которая должна быть признана как раз самым изобретательным и остроумным спортом. По этой причине оно также совершенно непригодно для спортивных целей. Ведь не является же это спортом, когда при обучении уже с первого раза ломают руки и ноги.

Именно это и является незаменным и превосходным преимуществом греко-римской борьбы, что испытывается превосходство в форме телесной борьбы, и, тем не менее, поскольку даны достаточные гарантии правильного исполнения, устранена всякая опасность для жизни и здоровья, что совершенно разделены случаи серьезного и безвредного падения, каковое обстоятельство римская борьба знает уже вперед, имея в том преимущество перед другими видами спортивной борьбы. При обучении фехтованию употребляется тупое оружие и предохранительные приспособления, при обучении боксу применяются мягкие перчатки. Поэтому обучение дает всегда неполную и неверную картину серьезного случая. И от этого фундаментального преимущества, от этого положения, достигнутого путем неимоверного труда и искусства, снова отказаться? Не потому ли (что еще даже не оправдалось), что джиу-джитсу приспособлено для целей самозащиты? Должна ли служить критерием спортивной пригодности непосредственная приспособленность для драки? Но именно тогда-то греко-римская борьба и является наилучшим средством. Так, ее сторонники могут применить в серьезных случаях, кроме подставления ноги, приемов удушения и вывертывания рук, которые им, если и запрещены, то, во всяком случае, известны, также приемы поясов, борьбы на крест и поднятие на бедро, что джиу-джитсу не знает. Полный имели бы мы, если бы был принят в основу этот масштаб, и гораздо более идеальный спорт в боксе. Последний, в свою очередь, значительно уступает фехтованию на палках, а это - состязанию на кинжалах, и, наконец, таким путем дошли бы мы до стрельбы из револьверов как к самому идеальному спорту.

Остается еще опровергнуть утверждение, что джиу-джитсу соединяет в себе преимущества бокса. Сравнение с боксом оканчивается еще плачевнее для джиу-джитсу, чем сравнение с борьбой. Принципы джиу-джитсу таковы: удар краем руки и толчок концом пальца. Удар краем руки может оказывать действие лишь на немногих, особенно чувств-

вительных и опасных местах, удар же кулаком имеет гораздо большую область применения. Во всяком другом отношении также надо отдать преимущество удару при боксе. Он короткий, удар же краем руки длинен, что значит: он требует большего протяжения и дугообразного размаха и берет, вместе с тем, больше времени. Поэтому невозможно, чтобы при ударах джиу-джитсу и его парадах был достигнут тот же темп, как и при боксе, который определяет почти одну и ту же меру ударов между обоими борцами. Прежде всего, однако, удар при боксе оказывает несравненно большее действие, чем удар краем руки, так как ему содействует выпад всего тела и, кроме того, кулак имеет большую тяжесть. Затем является явно противоестественною и несообразною вещь, наносится удар, не сжимать руки в кулак. С этим связано и то обстоятельство, что удар при боксе, если он не попадет в предназначенную цель, скажем, например, в шейную артерию, в надлежащее место за ухом, то он все-таки оказывает достаточное действие, тогда как удар краем руки, если он не приходится точно, лишен совершенно всякого действия. Затем, также неправда, что ударом краем руки можно переломить ключицу, парализовать руку или ногу, причинить умопомрачающую боль в области почек, вызывать ударом по концу затылочной кости потрясение мозга и сотрясение спинного мозга. Джиу-джитсу имеет, таким образом, небольшую ценность, если исходить даже с точки зрения, что целью служит причинение противнику повреждения, опасного для жизни. В большинстве случаев не выходит так, что его приемы приводят противника к добровольной сдаче, благодаря одной угрозе причинения вреда. В доказательство действительности и несомненности своего превосходства при джиу-джитсу, победитель, напротив, должен причинить побежденному в большинстве случаев тяжелое повреждение здоровья. По этой и другим причинам оно является для спортивного упражнения настолько непригодным, как это только можно вообразить. По сравнению с боксом и еще в боль-

шей степени с греко-римской борьбой оно лишено искусства и остроумия. В греко-римской борьбе мы имеем идеал искусного, остроумного и здорового спорта. Благодаря ее бесконечно ценным преимуществам в настоящее время констатируется весьма радостное увеличение интереса к этому идеальному спорту в различных слоях населения. Едва ли может еще существовать опасение, что этот интерес может исчезнуть, благодаря джиу-джитсу с его чисто американской рекламной шумихой».

Сегодня слишком смелые докторские утверждения, точно так же, как и утверждения его единомышленников, способны вызвать только недоумение: как эти образованные, умные люди могли взять на себя совершенно неоправданную смелость судить о предмете, о котором они заведомо не располагали достаточными сведениями? Но еще более поразительно, что они даже представить себе не могли возможность вполне самостоятельного создания одних и тех же приемов людьми самых различных стран и континентов. Единственное, что казалось им возможным - это заимствование, в том числе и недобросовестное.

Все подобные выпады, конечно, не смогли переломить рост интереса к джиу-джитсу в Европе, хотя несколько замедлили его в Германии.

«Антиджиуджитсеры», конечно, кругом были не правы, но их атаки, все-таки, слегка надломили прежнюю, почти религиозную веру в абсолютное совершенство японской системы. Позволили более трезво взглянуть на нее и даже допускать возможность каких-то недостатков, которая до этого была просто-напросто немыслимой.

Сейчас среди «романтиков» довольно широко распространено убеждение, что когда-то в старину восточные единоборства были особенно искусными и эффективными, располагая ценными, ныне утраченными тайнами. Мне же кажется, что за последние полстолетия небывалой мировой активности в данной области уже наработано так много эффективнейших приемов, что боевые искусства набрали такую мощь и высоту, каких еще

никогда и ни в какие легендарные времена не достигали.

Поэтому, объективно оценивая тот до- нельзя разрекламированный вариант джиу-джитсу, который пытались крити- ковать доктор Цадиг «со товарищи», нельзя не сказать, что при всей своей по- пулярности это была весьма примитив- ная система. Наряду с действительно ценными приемами, которые сэнсэи не очень спешили обнародовать, существо- вало множество устаревших, явно со- мнительных, бесполезных. Таких, какие представляли большую опасность для тех, кто применял их, чем для объекта атаки. Однако авторы обычно бережно сохраняли в своих книгах всю эту му- сорную архаику и примитив. И даже всячески расхваливали свой «товар», то ли стараясь увеличить объем своего «произведения», то ли не имея за душой ничего иного.

При всей этой критике джиу-джитсу все еще продолжало весьма успешно на- ступать. Когда читаешь такое вот сооб- щение в печати тех лет, то невольно вспоминаешь взбалмошную героиню пьесы Бернарда Шоу «Миллионерша», искалечившую японскими приемами своего неудачливого поклонника: «Жен- щинам нелишне будет взглянуть на джиу-джитсу. В Лондоне прежде всех на- пали на эту мысль, и японские учителя атлетики сразу вошли в моду и стали браться нарасхват. Вскоре мода эта пере- плыла через океан, и в настоящее время в Соединенных Штатах можно видеть массу последовательниц искусства джиу- джитсу из числа представительниц пре- красного пола...».

Азиатский новичок откровенно заста- вил потесниться и старое «благородное искусство самозащиты» - английский бокс, и его гальского собрата - бокс французский.

В атмосфере небывалого ажиотажа под спекулятивным девизом «что луч- ше?» околоспортивные дельцы устраи- вают единоборства джиуджитсеров с бок- серами, борцами вольного и классичес- кого - «французского» стиля. Эти глади- аторские состязания, лишённые какого бы то ни было спортивного и имевшие

только коммерческий смысл, вызывают огромный интерес и собирают множест- во зрителей.

В самой Японии к этому времени уже прочно утвердилась созданная доктором Кано Дзигоро тридцать лет назад борьба дзюдо. В жестокой конкурентной войне она разгромила своих почтенных, но ар- хаичных предков - школы джиу-джитсу. Одержала победу над ними их же собст- венным оружием, включив в свой об- ширный арсенал, наряду с другими при- емами, и лучшие достижения старинной самозащиты. Оттесненное полным сил молодым конкурентом куда-то на самые задворки, джиу-джитсу в Японии откро- венно захирело.

Тем курьезнее было, что в Европе и Америке джиу-джитсу решительно брало у дзюдо сильно запоздавший реванш. Там никто не хотел воспринимать дзю- до как самостоятельный вид спортивной борьбы, в нем видели только разновид- ность джиу-джитсу. Избалованные евро- пейцы уже видели и тоже не приняли всерьез исландский и кумберлендский, турецкий, швейцарский, индийский и вестморлендский стили борьбы. Место в их сердцах было уже надолго и прочно занято. В континентальной Европе без- разделно царствовала доведенная до ак- робатической виртуозности, искусно теа- трализованная французская борьба - ве- личайший спортивно-цирковой аттрак- цион прошлого столетия. В Англии и Америке столь же истово поклонялись борьбе вольно-американской. Этого бы- ло более чем достаточно, и никакой иной спортивной борьбы не требова- лось. Другое дело - самозащита! Каждый жаждал познать «смертоносные» приемы несравненного джиу-джитсу. Стать неуяз- вимым суперменом!

И если в те годы в Британии преподавал ученик Кано Дзигоро опытный Оно Акитаро, имевший высокий чет- вертый дан, то считалось, тем не менее, что обучал он своих воспитанников именно приемам джиу-джитсу, и ниче- му другому. Преподавая ученикам бо- лее совершенные приемы дзюдо, тренер был вынужден именовать их приемами джиу-джитсу.

Тем временем на Западе уже вырастали свои неплохие специалисты. Во Франции это был, прежде всего, Эмиль Андрэ. В Германии - Эрих Ран, которого считают основоположником джиу-джитсу и дзюдо в этой стране. Англичанин Эрнест Джон Харрисон, который уже в 1897 г. обосновался в Японии в качестве токийского корреспондента лондонской газеты «Ежедневная почта», во время русско-японской войны прошел полный курс дзюдо у известного Ёкояма Сакудзиро, став первым европейцем, получившим черный пояс первого дана. Позднее он активно работал на родине и много публиковался. Когда в 1932 году вышла его очередная книга «Искусство джиу-джитсу», Эрнест получил уже третий дан и тоже первым из европейцев. (Вспоминая основоположника нашего дзюдо и самбо Василия Ощепкова и его второй дан уже в 1917 году, я думаю, что он, имея соответствующие условия, вполне мог «обойти» мистера Харрисона!) Когда после Второй Мировой войны во всем мире снова проснулся интерес к японским секретам, Эрнест уже носил редкий для неяпонцев четвертый дан Кодокана и считался европейским патриархом восточных боевых искусств. С этого времени он очень часто печатается, не оставив без внимания, кажется, ни одной дзюдоистско-джиуджитсуйской темы. Едва ли не самым первым, он еще в 1959 году ознакомил западных читателей с окинавским каратэ.

Во Франции и некоторых других европейских странах появляются теперь не только переводы с английского, но и первые, конечно, компилятивные, но уже свои руководства по джиу-джитсу. Кажется, что японская система по-прежнему прочно стоит на европейской и американской земле.

Правда, после столь обильного выпуска англоязычной литературы в 1904-1905 годах в 1906-м отмечается его значительный количественный спад. Можно было бы объяснить это пресыщенностью книжного рынка за первое двухлетие, но и последующие годы дают весьма скромные показатели в этой области. Как и к любой моде, интерес к джиу-джитсу на-

чинает постепенно охладевать. И это особенно заметно по сравнению с недавними годами победного вступления японской системы на европейскую и американскую землю.

На исходе первого десятилетия XX века в Европе уже явный спад былого ажиотажного увлечения джиу-джитсу. Мода начинает проходить. Уж очень капризная и недолговечная эта вещь - мода, в том числе и спортивная...

Джиу-джитсу довелось стать величайшей спортивной или, если хотите, околоспортивной сенсацией первых лет XX века, но теперь былой его ореол тает прямо-таки на глазах. На спортивном небосклоне, затмевая все остальное, уже сияет новая сенсация: абсолютным чем-

Первые шаги джиу-джитсу в германской полиции. Два приема конвоирования

Конвоирование, взяв на рычаг локтя на предплечье

Нападение сзади
с захватом за шею
и упором колена
в поясницу

пионом мира по боксу становится чернокожий боксер Джек Джонсон. Для американских расистов такой сюрприз был просто невыносим, к тому же упрямый негр нипочем не хотел уступать свой «престол» представителям «вышей» белой расы и безжалостно развенчивал своими быстрыми и тяжелыми кулаками самые радужные «белые надежды». Мощный аппарат американской прессы поднял такую невероятную шумиху, что сообщения о «прискорбных» победах Джонсона волей-неволей выдвинулись в ранг первополосных мировых новостей,

Связывание
пиджаком

вытеснив все остальные. Для японской системы оставалось теперь все меньше и меньше места на страницах книг, газет и журналов, которые еще вчера так восторгались ей.

В конце концов, спрос на джиу-джитсу в Европе и Америке упал столь заметно, что даже квалифицированные японские тренеры были вынуждены складывать чемоданы и возвращаться домой. В достоинствах японской самозащиты все чаще сомневаются, и сомнения эти живут еще долгие годы, периодически выплескиваясь на страницы спортивной литературы.

Однако тот неизбежный и повсеместный «отлив» уже отхлынувшей моды совсем не задел тех, кто изучал джиу-джитсу не из желания угодить этой ветреной капризнице, а под давлением профессиональной необходимости. Западно-европейские и американские полицейские ведомства уже оснастили полисменов очень нужными в их беспокойной работе наиболее действенными японскими приемами. Отнюдь не отказываясь при этом от таких своих традиционных национальных систем, как английский и французский бокс или вольно-американский «кэтч». Так закладывались основы «работающих» и сегодня «полицейских систем».

Армия несколько отставала от полиции, но тоже о джиу-джитсу не забывала. Кое-где в армейских учреждениях оно преподавалось, но ввести в уставы приемы безоружного боя еще не успели. Военных окончательно «раскачала» только уже начавшаяся война. Та самая война, которую на Западе называли «Великой», у нас в Советском союзе - империалистической, а сейчас все именуют Первой Мировой. Война, которая почти полностью ликвидировала «цивильное» джиу-джитсу, одев его в военную форму воюющих держав. Заметно заявив на штатской почве, японская система прочно закрепилась в воюющих армиях. Рукопашный бой, построенный на отобранных и усовершенствованных приемах джиу-джитсу, занял свое место на страницах уставов, наставлений и руководств армий, ведущих четырехлетнюю смертельную борьбу на тысячеки-

лометровых фронтах Европы. Но это уже тема одной из следующих глав моей книги.

А вот о западноевропейском дзюдо, восстановившем свои попорченные, было, позиции, следует сказать еще несколько слов. Заслуга в его укоренении сначала в Британии, а затем и во всей Западной Европе принадлежит Коидзуми Гундзи. Человеку, который с двенадцатилетнего возраста начал осваивать боевые искусства, а затем прошел жесткую науку нескольких школ джиу-джитсу в Японии и в Корее. В 1906 году, когда японская система стала повальным увлечением в Европе, приехал в Ливерпуль, чтобы работать инструктором в школе джиу-джитсу Кара Ашикага и в ряде других школ. Но очень скоро Коидзуми решил стать инженером-электриком и отправился на учебу в США. Однако три года изучения электрических премудростей пропали даром. Несостоявшийся инженер возвращается в Англию и, несмотря на войну, когда, казалось, было совсем не до спорта, открывает свой зал «Будокай Додзё» - любительский спортивный клуб, культивировавший различные виды японского боевого искусства. Вероятно, он, не без помощи Эрнеста Джона Харрисона, уже понял, что будущее все-таки принадлежит не отцветающему джиу-джитсу, а дзюдо с его спортивным уклоном. И в 1920 году, воспользовавшись визитом в Англию профессора Кано Дзигоро, испросил разрешение о присоединении к Кодокану. Создатель дзюдо, который уже давно, но совершенно бесполезно пытался внедрить свое детище в спортзалы Европы, разумеется, согласился. В качестве первого инструктора дзюдо в Будокае Кано назначил сопровождавшего его Аида Хикоити, а опытейшим джиуджитсерам Коидзуми и его коллеге Тани Юкио после обязательной стажировки в Кодокане присвоил всего лишь не слишком высокий второй дан.

Тем не менее, Коидзуми развил такую бурную деятельность, что его Будокай сделался признанным центром не только английского, но и всего европейского дзюдо. В 1934 году был даже проведен

первый чемпионат Европы по дзюдо, сегодня окончательно забытый...

Вот теперь, уже имея необходимое представление о появлении и функционировании джиу-джитсу в Европе и Америке, мы сможем перейти и на родную почву, куда, конечно, тоже было занесено это поветрие.

Хотя Россия непосредственно граничит с Японией, являясь одним из ее ближайших соседей, первые материалы по джиу-джитсу, для того чтобы поступить к нам, должны были совершить почти кругосветное путешествие - с Японских на Британские острова, а уже оттуда в Россию. Так что, пришло к нам джиу-джитсу не с Востока, а с Запада. Точно так же, как это испокон веку происходило с модными иностранными новинками.

Два наших крупнейших специалиста прошлых лет - В.А. Спиридонов и В.С. Ощепков в один голос утверждали, что преподавание джиу-джитсу «для определенной категории лиц» началось в России еще в 1902 г., но окончилось неудачей. Это, правда, вовсе не означает, что приемы восточных единоборств не приходили к нам иногда какими-то частными, неофициальными путями еще в XIX в. Однако факты эти специально никем, разумеется, не фиксировались, и сведения о них сохранились лишь чисто случайные, отрывочные и крайне скудные.

Так, известно, что в 1864 году сын Гошкевича, первого русского консула в Хакодате, брал уроки японского фехтования у бывшего самурая Кувадзу, ставшего синтоистским жрецом под именем Савабэ. До этого Кувадзу странствовал по стране, зарабатывая уроками кэндо. Не исключено, что самурай мог показать своему русскому ученику и какие-то приемы безоружной борьбы: уж очень близко все это «лежало» в самурайских навыках, где джиу-джитсу становилось продолжением вооруженной схватки.

К тем же шестидесятым годам относятся известия о силаче Василии Югове, жившем в вологодской деревне и владевшем... приемами джиу-джитсу. Об этом рассказал в своих мемуарах замечатель-

ный журналист прошлых лет В.А. Гиляровский, к которому в отрочестве Югов был приставлен в качестве «дядьки». Эта отчаянная голова, не выдержав издевательств помещика, бежал от своего крепостного «душевладельца», но был пойман, и после жестокого наказания ему «забрили лоб» - сдали в рекруты. Оказался он в экипаже корабля капитана Владимира Фофана, о зверствах которого ходили рассказы по всему флоту. Но сбежать с боевого корабля было не так просто, как из родной деревни. И Василий годами бороздил моря и океаны, пока не представился случай распространиться и с крутым Фофаном. Довелось ему жить и в Японии, и в Китае, за что получил он деревенское прозвище «Китай» или «Китаев». «Дядя Китай» обучил своего юного воспитанника не только гимнастике, борьбе и английскому боксу, но и еще, по словам Гиляровского, «некоторым невиданным тогда приемам, происхождение которых я постиг десятки лет спустя, узнав тайны джиу-джитсу».

Есть сведения, что кое-кто из живших на нашем Дальнем Востоке японцев тоже обучал желающих джиу-джитсу, а некоторые из них «по совместительству» занимались и шпионажем, особенно накануне русско-японской войны.

Как и любая западная мода, джиу-джитсу никак не могло миновать Россию. Катализатором моды, у нас особенно мощным, тоже стало невероятное, совершенно необъяснимое поражение от низкорослых и, конечно, слабосильных первобытных «макак», как с глуповатым высокомерием и сомнительным остроумием называли поначалу «патриотичные» газетчики наших противников. В японской победе чудилась какая-то сверхъестественная, мистическая тайна, могущество которой подсознательно переносилось обывателями, да и не только ими, также и на «секретные» «неотразимые» и «смертоносные» японские приемы. Максимально поработала и неумеренно громкая реклама: сперва как дань искреннего восхищения пирующей братии японским феноменом, а затем - как «яркое творчество» книжных коммерсан-

тов, бессовестно «надувавших» своих доверчивых читателей-простаков.

В принципе, у нас все происходило примерно по тому же сценарию, что и на Западе, хотя и в значительно более скромном, менее эффектном и не слишком результативном варианте. Было поначалу фанатичное увлечение, невероятный интерес, самоучители, цирковые единоборства, крикливая реклама, споры об истинных достоинствах джиу-джитсу и, в конце концов, заметное охлаждение к бывшему предмету своих вождений.

Но если в Лондоне все начиналось с приезда опытных преподавателей, и лишь несколько лет спустя хлынул поток самых разномастных самоучителей, то у нас все складывалось иначе. Ни в 1905 году, когда у нас начиналась «джиу-джитская эпидемия», ни в последующие годы приезд японских преподавателей был невозможен или крайне затруднен из-за только что закончившейся войны.

Наиболее рациональным было бы культивировать джиу-джитсу в рамках спортивной системы. Но то, что представлял собой наш спорт на рубеже веков, меньше всего заслуживает названия «система». Спортивное движение делало еще только свои самые первые, неумелые шаги, а спортивные кружки, общества, клубы в буквальном смысле можно было сосчитать по пальцам. Еще более сузили, если вообще не свели спортивное движение на нет, революционные потрясения 1905-1907 годов и столыпинская реакция, когда созданию любых общественных объединений, особенно «опасно-молодежных», чинились серьезные препятствия, вплоть до прямого запрещения. Так что время, когда джиу-джитсу ступило на русскую землю, было не самым благоприятным для спорта.

Однако в последние годы первого десятилетия века и вплоть до начала Первой Мировой войны наметилось весьма активное развитие российского спорта во многих его видах. Уже успели проклюнуться первые ростки спортивной периодики, активно создавались новые спортивные объединения.

Вполне естественно, что многие спортсмены интересовались джиу-джитсу и, не

имея иных возможностей, старались овладеть им, старательно штудировав самоучители. Культивировать японскую систему как самостоятельную дисциплину было затруднительно, и она становилась как бы необязательным приложением к уже практикующимся в обществе видам спорта. А руководили занятиями не наемные преподаватели, а наиболее преуспевшие в джиу-джитсу спортсмены, так сказать, «на общественных началах». Точно так же, как традиционно делились знаниями с товарищами лучшие во многих видах спорта, поскольку платить преподавателю далеко не всегда позволяли скудные средства, складывавшиеся из членских взносов.

Значительное количество «неспортивной публики» пыталось познать джиу-джитсу самостоятельно тем же «книжным способом», нередко ограничиваясь всего лишь чисто теоретическим изучением самоучителей. Об этих беззастенчиво саморекламных и пустоватых книжках я специально скажу несколько позже.

Самодетельность приносила довольно сомнительные результаты, но спрос рождает предложение, и довольно скоро у нас появились профессиональные преподаватели или те, кто считал себя таковыми. Состав их был весьма пестрым: здесь были и те же самоучки, и люди, прошедшие подготовку самого различного уровня. (Впрочем, обучение у них далеко не всегда гарантировало получение полноценных знаний.)

Еще с конца XIX века в столичных городах начали открываться так называемые «атлетические арены», то есть частные платные школы, специализировавшиеся на борьбе, тяжелой атлетике и боксе. Теперь некоторые из них стали включать в свои программы и джиу-джитсу. И даже в 1910 году, когда на Западе увлечение японской самозащитой заметно спало, в журнале «Русский спорт» можно было прочесть уведомление о том, что «в Москве открылась новая атлетическая арена под названием «Арена физического развития» (Грузины, Сенная площадь, дом Калинина, № 18). Занятия ежедневно от 7 до 10 часов. Плата общедоступная». А кроме тради-

ционных спортивных дисциплин названа еще, как особо «завлекательная», джиу-джитсу. Да еще с обучением такому не кем-нибудь, а самим господином Фрелихом, «преподавателем московской полиции».

Один критически настроенный современник, вспоминая время наивысшего увлечения японской системой, написал: «В Западной Европе и у нас в России нашлось, конечно, много людей, пожелавших использовать тот шумный успех, который выпал на долю «джиу-джитсу». И несколько лет тому назад открывать школу японской атлетики и джиу-джитсу означало открыть хорошее, весьма прибыльное коммерческое дело. Публика настолько охотно записывалась в эти школы, что «японцев-профессоров» не хватало, и их с успехом заменяли американцы, немцы, англичане, величавшие себя если не «профессорами японской атлетики», то, во всяком случае, «знатоками» джиу-джитсу. Вера в джиу-джитсу тогда была настолько сильна...»

Понятно, что японские школы были окружены волнующей и страшноватой тайной. О них ходили легенды: и о секретных «смертельных» приемах, и даже о самой процедуре зачисления - малопривлекательной и даже опасной. В моем архиве сохранилась запись рассказа офицера, который увлекался фехтованием и гимнастикой, но решил познать и джиу-джитсу. Очень может быть, что он и старается чрезмерно нагнетать напряжение, но, при всем том, его повествование интересно тем, что очень точно отражает тот «зловеще-мифический» дух японского единоборства, которым старались окружить его заинтересованные люди: «Пришел по указанному адресу. Меня встретил пожилой японец, он дал мне костюм и приказал надеть его. Я оделся. Затем пришел еще японец невысокого роста. Руководитель сказал, что это будет мой учитель джиу-джитсу, и сам ушел.

Начались занятия. Приема мне не объяснил, а просто применил его, и я оказался на полу. Сколько продолжалось - не помню, только очнулся на полу. В комнате было темно, в углу горел небольшой светильник. Встал, оделся. Уви-

дел на столе записку, в которой было сказано: «Приходите завтра в 12.00».

Назавтра я пришел в 12.00. Вошел преподаватель, и началось все сначала. Очнулся я так же - на полу, в комнате никого не было. На столе лежала записка: «Приходите завтра в 12.00».

На третий день я долго думал - идти или не идти, но желание научиться приемам джиу-джитсу перебороло, и я пришел. Меня встретил тот, кто принимал в первый день. Спросил: «Как вы себя чувствуете? Не пропало ли желание учиться»? Я ответил, что занятия желаю продолжать. Посмотрев на меня долгим взглядом, сказал, что я в школу принят, экзамен окончен, и что джиу-джитсу осваивают люди только с твердым характером. В школе учился один год.

В качестве пояснения хочу сказать, что подобный жестокий и явно антипедагогический метод определения пригодности новичка для обучения практиковался также и у дореволюционных «профессоров бокса»: на первом же «занятии» его нещадно избивали. И если, несмотря на это, он приходил на второе, считалось, что располагает психологическими качествами, которых требует ринг.

И даже уже в советские годы В.А. Спиридонов, один из основоположников самбо, считал необходимым «пропустить» через свои сильные руки каждого из своих новых учеников.

Само собой разумеется, что возникает и спортивная «оппозиция» из борцов и боксеров-профессионалов. Известный мариупольский спортсмен и преподаватель А.А. Таушев, специализировавшийся, в основном, на борьбе и боксе, в своей книге «Сила и здоровье» (1911 год) писал: «Приемы же обороны и нападения по методу «Жиу-Житсу»... В виду того, что они помещены в брошюрах, мы должны сказать и о них. Многие из них не новы и известны французским боксерам, некоторые на практике не имеют положительно никакого результата, да и вообще на практике знание этих приемов сводится к нулю, раз человек не имеет запаса силы». Что касается самообороны, то автор считал, что она должна состоять из бокса, вероятно, француз-

ского, но не только, а еще и из «других элементов», скорее всего, приемов французской и вольной борьбы, с которой Таушев был тоже знаком. Как вы понимаете, он уже успел прочитать и Шарлемона, и Цадига, изданного в России.

Особенно проникся ниспровергательскими идеями «известного знатока всех видов борьбы доктора Г. Цадига» спортивный журналист А. Роддэ, писавший о единоборствах в различных журналах. В 1910 году в журнале «Русский спорт» он публикует острокритическую, «разоблачительную» статью «Одна из спортивных авантур (Джиу-джитсу - «японская борьба»)», где пересказывает Цадига и утверждает: «Успех, выпавший на долю джиу-джитсу, менее всего объясняется ее действительными достоинствами, как метода нападения и обороны. Мы имели здесь дело с одной из спортивных авантур, к сожалению, до самого последнего времени не разоблаченной. Американская сногшибательная реклама и доверчивость публики - вот, где кроется причина «успеха» «японской» борьбы, само же по себе ее значение совершенно ничтожно, да и происхождение ее далеко не оригинально... (Кавычки, в которые берет автор слово «японская», должны подчеркнуть именно сомнительность происхождения этой борьбы. - М. Л.) К сожалению, этот обман удался блестяще и послужил поводом ловким дельцам к «ловле рыбы в мутной воде». Во всяком случае, давно пора сказать о джиу-джитсу ту неприкрашенную правду, которая положит конец этой мировой спортивной авантуре!»

Насчет ловких дельцов Роддэ был абсолютно прав, а вот сказать «неприкрашенную правду» он решил только полтора года спустя, и уже не в «Русском спорте», а в его конкуренте - «К спорту», где давал оценку различным видам самозащиты: «Приемы джиу-джитсу употребительны при самозащите, наиболее действительны, но и наиболее опасны по своим последствиям для нападающего. Для выполнения их совершенно не требуется физической силы (каково было это читать Таушеву! - М. Л.), и они доступны поэтому даже для женщин».

Подобная метаморфоза особенно показательна, так как в первой своей статье многоликий Роддэ клеймил «японскую» борьбу именно за ее беспощадность, стремление «бить лежащего».

В отличие от подобных поверхностных или даже откровенно ангажированных мнений, дискуссия, развернувшаяся в журнале «Русский спорт» на рубеже 1912-1913 годов, велась на хорошем профессиональном и, я бы даже сказал, неожиданно высоком уровне, для того объема информации, которым располагали тогда в России о японской системе.

Автор, подписавший свою статью инициалами «И.В.», толково и с удивительным знанием дела рассказал о джиу-джитсу, его свойствах и определенном преимуществе перед французским боксом. Против его доводов выступили два известных петербургских спортсмена-универсала М.М. Антонович и В.П. Крестьянин, которые незадолго до этого писали о савате как о лучшем способе самозащиты. Наиболее известны они были как «гимнастическая пара» (сегодня их, скорее всего, назвали бы партерными акробатами), но оба владели знанием французского бокса, а Крестьянсон даже преподавал его.

Агрессивные гимнасты утверждали, что французский бокс значительно практичнее японской самозащиты, так как дает возможность покончить с противником, находясь от него на определенном расстоянии и не вступая в тесный контакт так, как это необходимо в джиу-джитсу. При этом они игнорировали возможность схватки на земле, где сават оказался бы бесполезным, а джиу-джитсу работало в полную силу. А свою странную позицию обосновывали весьма сомнительным и откровенно легковесным доводом, что «такие случаи редки».

«Разоблачая» оппонента, соавторы говорили, что на самом деле джиу-джитсу «не может спасти против ножа или револьвера». Но «И.В.» и не утверждал этого, а говорил лишь «о некоторых частных случаях», то есть о ситуациях, когда можно обезоружить противника, находящегося достаточно близко. Свою статью «Еще несколько слов о японской борьбе.

Ответ г.г. Антоновичу и Крестьянсону» «И.В.» заканчивал так: «Наконец, г.г. Антонович и Крестьянсон указывают, что японскую борьбу приходится изучать «понаслышке», так как японцы будто бы берегут ее секреты национальных интересов ради, а также по своей «скрытности и хитрости».

На это можно ответить, что на всех европейских языках имеется много недурных руководств японской борьбы, кроме того, сами японцы преподают ее в Париже и Лондоне, а европейцы могут совершенно беспрепятственно изучать ее в Японии в академиях японской борьбы, например, в Токио и Киото.

Что касается скрытности и хитрости японцев, то я знаю, что они на многих производят такое впечатление, но, побывав лично в Японии, я пришел к заключению, что это впечатление объясняется скорее их чрезвычайной деликатностью и, может быть, чрезмерной осторожностью. Но, конечно, не приходится спорить там, где вопрос лишь в субъективном впечатлении.

В результате, однако, г.г. Антонович и Крестьянсон «не отрицают пользы и интереса японской борьбы» и «не умаляют достоинств японской борьбы», я же готов повторить, что вполне уважаю и высоко ценю на своем месте французский и английский бокс.

Так в чем же наши разногласия?»

Самым интересным в этой статье являлось, конечно, то, что она констатировала факт пребывания и обучения непосредственно в Японии еще одного, кроме В. С. Ощепкова, русского человека. Неизвестно, что заставило его скрывать свое имя. Но очень может быть, что причиной явился тот характер работы, которую аноним исполнял в Стране Восходящего Солнца. Нужно заметить, что говорит он, вероятно, не только и даже не столько о джиу-джитсу, сколько о дзюдо. Дело в том, что тогда слово «дзюдо» еще не успело войти в русский язык, и, говоря о нем, использовали то же самое название «джиу-джитсу».

Точно так же, как и за границей, устраивались у нас цирковые выступления джиджитсеров самого разного уровня:

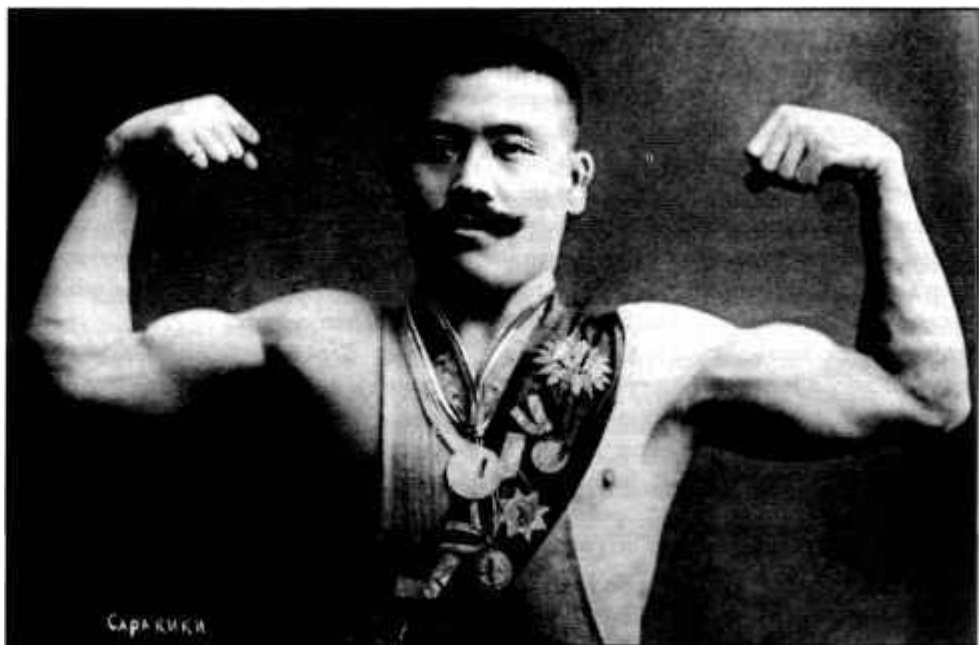
как в демонстрациях, так и в матчевых встречах.

Конечно, к нам приезжали не самые лучшие и знаменитые сэнсэи, были откровенные шарлатаны различных национальностей, и, разумеется, не обходилось без договорных матчей. Все это не могло не компрометировать джиу-джитсу, и притом самым серьезным образом.

Но вот, наконец, петербуржцы с радостным душевным трепетом прочитали, что из Англии к ним приехал и будет выступать в цирке сам знаменитый Оно Акитаро - обладатель высокого для тех лет четвертого дана. Но, как это ни странно, все-таки не он оказался в центре внимания восхищенных столичных жителей. Этой чести удостоился совсем малоизвестный японский борец «Жандарфу Саракики»...

В Санкт-Петербургском летнем саду с поистине символическим названием «Фантазия» проходил «международный чемпионат французской борьбы». Антрепренер чемпионата, замечательный атлет и ловкий беспринципный делец эстонец Георг Лурих - «Чухонский бог», отлично понимал: чтобы как можно дольше удерживать публику, необходима какая-то необыкновенная новинка. А был это пик увлечения джиу-джитсу: 1907-1908 годы. И вот по всему Петербургу запестрели

огромные афиши чемпионата, а поперек каждой выделялась большущая и яркая цветная наклейка анонса: «Саракики! Сила грифа - как железо!!!». (Немецкое слово «гриф» у борцов означало «захват», «хватка».) Лихо заработала и команда присяжных рекламистов во главе с бульварным литератором Брешко-Брешковским, зарабатывавшим на бесчисленных романах и повестях о цирковых борцах, в которых узнавали вполне реальных атлетов. Из газет и журналов читатели узнавали, что японец долгие годы тренировал силу кисти, выдергивая гвозди, специально забивавшиеся в толстые доски, и теперь его руки обладают нечеловеческой силой. Стоит ли говорить, что сбор у «Чухонского бога», как тогда говорили, был «битковый». Все, что только можно приспособить под зрительские места, было набито битком. Ажиотаж - небывалый. Но когда японец в строю борцов вышел на обязательный в начале каждого представления «парад», в публике послышались невольные вздохи разочарования. У черноусого Саракики были довольно мускулистые руки, но уж очень он был невысок ростом и худощав. Рядом с рослыми мускулистыми атлетами, гордо выпятившими свою богатырскую грудь, он выглядел явным слабаком и смешным заморышем. Но

теперь, при всем разочаровании, зрителей сильно интриговало: как же этот заморыш-джиуджитсер сможет показать себя в строгих рамках непривычных ему правил борьбы «а la francaise»?

Но вот арбитр громко и с подчеркнутой значительностью произносит их фамилии, сопровождая традиционным хвалебным комментарием, и навстречу японцу идет его первый соперник - могучий рослый атлет и один из лучших борцов эстонец Алекс Аберг, по сравнению с которым Саракики кажется просто подростком. Сблизившись, Алекс протягивает руки вперед, пытаясь захватить соперника, но тот опережает его и сам быстро захватывает оба запястья эстонца.

У борцов в большом ходу был такой даже не прием, а подсобное действие, которое они в шутку именовали «массаж рук». Руки соперника захватывались за запястья и удерживались с максимальной силой. Это, хотя бы на короткое время, лишало партнера возможности активных действий. А внезапно отпустив руки, можно было попытаться и провести неожиданный бросок. Освободить руки из такого захвата было очень простым делом. Несложный прием защиты от него новички осваивали в первую очередь. Но многократный «массаж» не только утомлял руки соперника, но еще и болезненно натирал запястья. Этим и решил воспользоваться коварный японец, почти не знавший «французских» бросков, но обладавший «железным грифом». Пораженные зрители увидели, что Аберг с гримасой боли на лице старается освободить руки от захвата, но никак не может это сделать. Когда же ему, наконец, ценой невероятных усилий все-таки удалось освободиться, Саракики тотчас снова схватил его руки. Эта хитрая игра японца продолжалась до тех пор, пока, освободившись в очередной раз, Алекс не подошел к столу жюри и не показал стертые в кровь запястья. Публика ахнула. Жюри совещалось, недоуменно пожимая плечами: правила борьбы нарушены не были: ни один из их пунктов не ограничивал ни количество захватов запястий, ни времени «массажа». «Мученику» пришлось возвращаться на ковер.

О том, чтобы сделать японцу бросок, не могло быть и речи, но Аберг выдерживал эту пытку в течение всех двадцати минут, когда, наконец-то, была объявлена ничья, так как и Саракики не смог положить соперника...

А афиши надрывались:

«Саракики - Циклоп. Японский гриф против медвежьей силы!»

«Саракики - чемпион Мира Поль Абс!»

«Саракики - Лурих. Решительная схватка! Тайна самурайского грифа или непревзойденная техника Луриха?»

Но никто из них: ни мрачный немец Абс, ни поляк Беньковский, прозванный за свою феноменальную силу «Циклопом», ни «настоящий африканский мавр» Хаджи Мурзук, ни даже сам блестящий техник и хозяин чемпионата «Чухонский бог» - никто так и не смог одолеть японца. Лучшее, что некоторым из них удалось добиться, это ничьей, так же, как и Абергу.

Околоспортивная публика стольного Питера была потрясена и повергнута в глубочайший шок! Газеты во всех подробностях расписывали страшные картины борцовских схваток. А мальчишки на улицах распевали: «Что за шум и что за крики: Саракики, Саракики?!»

А тот продолжал «злодействовать», буквально терроризируя своих соперников. Те метались по коврам; дергались, корчась от нестерпимой боли (говорили, что Жандарфу надавливал еще и на пульс как на болевую точку!); вырывались, но уйти из стальных наручников самурайского грифа не могли. Одни из них, не вытерпев страданий, сами покорно укладывались на лопатки, только чтобы избежать невыносимой боли, другие объявляли о том, что сдаются.

Иногда Саракики использовал, кажется, единственный «французский» бросок, которым владел - «тур-де-бра». Быстро повернувшись спиной к сопернику, забрасывал его «измученную» руку себе на плечо и с резким наклоном вперед бросал через голову спиной на ковер. Тот, кто побывал в руках самурая, на следующий день выходил на ковер с забинтованными запястьями и не мог оказать

сопротивления даже заведомо слабейшим. Иных приходилось под руки уводить с арены, другие прямо на ковре падали в обморок...

Наконец, разразился скандал. Сильный боец Твардовский во время парада подошел вдруг к жюри и, возбужденно жестикулируя, стал что-то им доказывать. А потом, так и не добившись понимания, вышел на середину ковра, протянул руки вперед и взволнованно заявил:

- Господа! Этими руками я зарабатываю на жизнь и не хочу, чтобы Саракики искалечил их. Бороться с ним не буду. Пусть мне запишут поражение без схватки...

Но чемпионат, конечно, как ни в чем не бывало по-прежнему продолжался.

Впрочем, только до тех пор, пока Лурих не приказал уволить немецкого борца Гофмана, срок договора с которым закончился. Но немец, который и из Берлина был выслан как сутенер, уже нашел в Петербурге весьма состоятельную «поклонницу» и нипочем не желал покидать гостеприимную Россию. Рассвирепев, Гофман пообещал, было, отомстить Луриху, «испортив» доходного Саракики, но потом образумился и пообещал быть «паинькой». Но, оказавшись на арене, легко стряхнул с запястий «страшный самурайский гриф» и всего за полторы минуты разложил на ковре «непобедимого» Саракики. Казалось, хитроумная затея Луриха разоблачена и «страшная» месть немца удалась. Но он слишком рано торжествовал. Не так-то легко было пошатнуть «Чухонского бога». Он тут же приказал «японцу» выпить полный стакан водки и вытолкнул его в сад. Трезвенник «Саракики» едва добрался до садовой скамейки, как его окончательно «развезло» и даже вырвало у всех на виду. А уже на следующий день страшно возмущенный Лурих объяснил журналистам, что вчера у японца был день рождения, он свински напился и, несмотря на это, осмелился выйти на ковер. И опять все было благополучно, и целых сорок семь дней «Саракики» «держал» зрителей. Первого августа чемпионат в саду «Фантазия» завершился, а уже второго, в другом летнем саду, тоже с сим-

волическим названием - «Фарс», начался еще один чемпионат Луриха с не переменным участием того же «непобедимого самурая»...

А объяснялось все очень просто. В действительности, «непобедимый самурай Саракики» не был ни «Саракики», ни самураем, ни даже японцем. Безвестного китайского кули из Владивостока в поисках работы занесло в Сибирь, где во время гастролей его и «завербовал» то ли сам Лурих, то ли кто-то из его людей и, в соответствии с требованиями времени, превратил в столь необходимого «японца». А когда были нужны «кровавые повреждения рук», «Саракики» натирал ладони канифолью, а сам его партнер, якобы сияясь освободить руки из «страшного» захвата, делал ими вращательные движения в одну и в другую сторону, раздирая кожу до крови. И в общем, «самурайская» карьера китайского кули протекала успешно и довольно благополучно.

Однако вернемся к анонсированному в том же Петербурге выступлению знаменитого Оно Акитаро, о которых упоминал несколько ранее. По сравнению с завидной судьбой «бравого самурая» Саракики, участь этого, специально прибывшего из Лондона, знающего сэнсэя оказалась совсем незавидно. Журнал «Спорт и наука» гневно писал: «Японский боец Оно, морочивший публику японскими приемами в петербургском цирке, переехал в Лондон. Там Лоран ле Бокеруа (известный французский боец греко-римского стиля - М. Л.) будто бы не мог положить его в сорок семь минут». Трудно сказать, кого удивило бы больше это коротенькое гневное сообщение: самого Оно Акитаро, который из Лондона и не думал отлучаться, продолжая там преподавать, или Лорана, впервые узнавшего о своей «неудаче в сорока семиминутной безрезультатной борьбе». Но, пожалуй, самое сильное изумление испытали бы, узнав правду, сами «спортивно-научные» умы, легковерно принявшие наглого афериста за известного японского сэнсэя. Тем более, что столь неприлично поспешное «возвращение в Лондон» стало прямым следствием скандала в Атлетиче-

ском обществе, где «непобедимый японец» всего в течение семи минут был трижды повергнут молодым атлетом-любителем.

Москвичи, разумеется, нипочем не ждали отставать от своих вечных соперников-петербуржцев, и на ковре «международного чемпионата по французской борьбе» в Зоологическом саду (!) можно было видеть, как два здоровяка в борцовских трико, а один из них - еще и в красной маске, неумело выламывали друг другу руки и ноги, кряхтя и фальшиво громко стоная, как бы от невыносимой боли. Это антрепренер «Дядя Ваня» (И.В. Лебедев), чтобы публике не приелась слишком затянувшаяся «французская» программа, разнообразил ее номерами модного японского единоборства.

Словом, каждый, кто мог и как только мог, беспардонно эксплуатировал популярность джиу-джитсу в своих корыстных целях. При весьма низком уровне знаний у нас о японской системе и значительном количестве ее не слишком действенных приемов подобная профанация и даже откровенно жульнические махинации серьезно дискредитировали джиу-джитсу, в первую очередь, в глазах спортивной общественности. Скорее всего, это и стало причиной подчеркнутого отмежевания от него спорта. Никаких клубов, а уж тем более объединений, союзов или ассоциаций клубов джиу-джитсу, как это было, например, в Англии, в России не возникло. Да и не могли возникнуть подобные опорные базы для широкого и делового развития японской системы при существовавшем тогда положении дел. Она так и не смогла стать ни органичной частью российского спорта, ни самостоятельной, основательной и независимой дисциплиной.

Отсюда и неизбежные результаты. Я приведу две оценки нашего джиу-джитсу, данные двумя знающими специалистами с промежутком в четверть века.

Офицер полиции, с которым нам с вами еще предстоит встретиться (1909 г.): «К сожалению, у нас не только нет еще школ, но даже существующие руководства переведены варварским языком и далеко не удовлетворительны».

А это ретроспективный взгляд Н.Н. Озонишина уже из 1930 года, когда он опубликовал книгу «Искусство рукопашного боя»: «К сожалению, среди этой бессовестной и невежественной рекламы вряд ли найдется хотя один небольшой конспект, систематично и ясно излагающий принципы японской системы. Такое явление наблюдалось не только в России, но и в других странах, как, например, Франции, Англии и Америке. Они тоже завалены подобным бессодержательным хламом с той разницей, что заграничные издания роскошнее изданы и снабжены великолепными фотографиями практически невозможных, фантастических приемов. Объясняется это рядом причин. Из них главнейшие следующие: во-первых, книги эти написаны совершенно некомпетентными людьми (литераторами-профессионалами) после небольшой беседы с каким-либо преподавателем самозащиты; во-вторых, хороших преподавателей джиу-джитсу так мало, что их можно перечесть, буквально, по пальцам. Они большей частью работают не в самой Японии, а, прельстившись большими заработками, выступают в качестве бойцов-демонстраторов в крупнейших центрах Европы и Америки. В-третьих, преподаватели эти, вполне естественно, как профессионалы, не желают отдавать литературе всех секретов своего ремесла».

Не могу не привести еще и третьей оценки, хотя и явно профессионально зависимой, но данной столь известным лицом, к тому же непосредственно, в буквальном смысле, «приложившим к джиу-джитсу руку», что умолчать об этой оценке просто невозможно. Широко известный в тридцатые годы спортивный журналист, корреспондент единственной тогда у нас спортивной газеты «Красный спорт» Михаил Ромм рассказывает: «Однажды ввалился в редакцию Иван Поддубный, огромный, медлительный, слишком громоздкий для редакционных комнатух...»

Кто-то из нас спросил его, что он считает более надежным средством самозащиты - борьбу или джиу-джитсу.

- Тут и гадать не надобно, - ответил Поддубный. - Дело проверенное. Приехал

как-то в Париж, когда там шел чемпионат борьбы, ихний профессор, худенький такой японец, самый что ни на есть знаток по части джиу-джитсу. «Давайте, говорит, мне любого борца из чемпионата, я его за пять минут изломаю». Ну, мы собрались, посоветовались. Выбрали меня с японцем бороться.

Происходило это дело на боксерском помосте, в канатах, чтобы, значит, ни мне, ни ему никуда податься нельзя было. Стал профессор вокруг меня крутиться и прыгать, норовит поймать на какой-нибудь ихний прием, руку или ногу выкрутить, захват какой сделать. Ну, и я за ним из стороны в сторону кручусь, стараюсь все время к нему лицом стоять. Наконец попробовал он меня ногой ударить. Я его за ногу-то и поймал. Тряхнул - перелом бедра. Унесли на носилках...

Поддубный на минуту замолчал, а затем мрачно произнес:

- На этот раз я боролся бесплатно...

Чувствовалось, что он никак не мог примириться с этим тяжелым воспоминанием. Борец неподкупной честности... он все же оставался профессионалом».

Сообщение это я целиком и полностью оставляю на совести покойного Ивана Максимовича, хотя и должен добавить, что ни тогда, ни сейчас джиу-джитсу не является волшебной палочкой, способной обеспечить победу в любом случае. И уж особенно над феноменально сильным тяжеловесом мирового класса, высокотехничным, тактически умным, опытным и тренировавшимся специально к этой схватке...

Представляется довольно странным, что, даже при такой незавидной постановке дела, в России, тем не менее, смог вырасти целый ряд отличных специалистов и знатоков джиу-джитсу. Это напоминает мне наше первоначальное «дикое», самодеятельное - «по книгам» - каратэ, которое сформировало совсем неплохих бойцов международного класса. О джиу-джитсу говорить, конечно, значительно сложнее, не только из-за уже разделяющего нас почти столетнего времени, но и «благодаря» кровавым войнам, вспыхнувшим в 1914-м и длившим-

ся до начала двадцатых годов. Слишком много выкосили они мужчин цветущего возраста, среди которых было множество самых различных специалистов...

Тем не менее, можно назвать Виктора Афанасьевича Спиридонова, который поначалу сумел построить свой действенный вариант джиу-джитсу, а впоследствии стал одним из создателей самбо; киевлянина А.К. Анохина («Россия»); вице-чемпиона Лондонской олимпиады по борьбе доктора А. Петрова; Нила Николаевича Ознобишина, оставившего нам свою ценную книгу; основоположника болгарского джиу-джитсу русского эмигранта Владимира Кузулакова; таинственного «И.В.», отстаивавшего достоинства японской системы на страницах «Русского спорта»... Особо хочу отметить столетнего спортсмена Я.П. Гамза-Гурди.

Изредка и нерегулярно любители джиу-джитсу даже проводили импровизированные соревнования. И я, разумеется, не могу не рассказать о самом необычном и удивительном из них. Упомянутый мной Гамза-Гурди, скорее всего, по политическим причинам, зимой 1912 года вместо столицы оказался в занесенном снегом городке Канске Енисейской губернии. И там, в сибирской глуши, неунывающий «бывший петербуржец», как его уклончиво называет спортивный журнал, умудрился устроить «закрытые состязания местных любителей по некоторым отделам тяжелой атлетики. Записалось пятнадцать любителей, из них девять от города и шесть от уезда». Я. П. Гамза-Гурди также выступил «в числе состязающихся».

И как вы думаете, в каких именно «отделах тяжелой атлетики» могли состязаться сибиряки в забытом Богом уездном городке? Французская и русско-швейцарская борьба на поясах - это повсеместный, самый обычный, так сказать, дежурный репертуар. Английский бокс - в те годы еще редкость даже для обеих столиц, а уж джиу-джитсу - вообще какая-то диковинка! Еще замечу, что наряду с французской почему-то упоминается также и некая «греко-римская борьба». (Ошибка корреспондента, не знающего, что это два названия одной и той же

борьбы?) В этих «двух видах», как и в русско-швейцарской борьбе, первенствовал П. Арташев из села Конторское, имея шестьдесят шесть побед и только четыре поражения. «Первенство в японской борьбе джиу-Джитсу и английском боксе взял Я. Гамза-Гурди, имевший тридцать две победы и ни одного поражения».

Джиу-джитсу было профессионально необходимо для армии и особенно для полиции. Так как же обстояли дела в этой области?

В.А. Спиридонов оценивал их резко отрицательно. Однако за последние годы на этот счет появилось немало диаметрально противоположных, весьма оптимистических высказываний.

Пытаясь понять причины такой странной и совершенно безосновательной метаморфозы, я, кажется, все-таки докопался до ее первоисточника. «Родоначальником» ее стал А. Долин, который в годы неудовлетворенного интереса к восточным боевым искусствам опубликовал, по иностранным источникам, более двух десятков статей в различных журналах. Одна из них появилась еще в 1984 году в журнале «Азия и Африка сегодня» и затем была тут же воспроизведена в периодическом издании «Спорт за рубежом». Именно там можно было прочесть такое вот совершенно произвольное и абсолютно ничем не обоснованное заявление: «После русско-японской войны о достоинствах джиу-джитсу серьезно задумалось командование царской армии. (Следует понимать, что громкое военное поражение не дало командованию более важных тем для «серьезных» раздумий, чем джиу-джитсу - М.Л.) В Петербург были выписаны японские специалисты, которые в течение нескольких лет преподавали в Академии Генерального штаба. Стараниями их учеников создавалась база той системы рукопашного боя, которая впоследствии оформилась как самбо со всеми его ответвлениями».

Этот сомнительный долинский пассаж «творчески» развил известный специалист джиу-джитсу Иосиф Линдер в своем интервью «Московскому комсомольцу» 18 мая 1989 г.: «Джиу-джитсу появилось у нас еще в конце прошлого века...

В России сильные мастера были в Третьем отделении полиции, в генштабе».

Буквально через год бравший интервью у Линдера И. Оранский утилизировал это ценное, но уж очень коротенькое и сухое сообщение мастера в своей брошюре «Восточные единоборства», в свою очередь, тоже творчески развив, обогатив и сделав его значительно ярче: «Кстати, очень сильные мастера джиу-джитсу были в Генеральном штабе русской армии, в армейской разведке и контрразведке, а также в Третьем департаменте полиции, где оно использовалось, в основном, для разгона демонстраций без применения оружия... Борьба дзю-до входила в программу первой рабочей Спартакиады 1926 года».

С печальной традиционностью один автор пересказывал слова другого, не только не давая себе труда проверить достоверность, но еще и приукрашивая их сомнительной отсебятиной. Не уверен, что мне удалось проследить все этапы этой заманчивой «научно-фантастической» темы, но в книге «Джиу-джитсу» обладателя целой коллекции черных поясов разнообразнейших данов С.А. Гвоздѣва я недавно все-таки опять встретил полный «оранский» перечень главных очагов российского джиу-джитсу и тоже с небольшой, но ценной, чисто авторской разработкой: «В России джуисты-японцы натаскивали специалистов Генерального штаба, армейской разведки и контрразведки, Третьего департамента полиции. Это уже потом, разбавив технику, стали называть «французским стилем», «русским стилем», самбо, САМОЗ и т.п.».

Я пишу обо всем этом только потому, что абсолютно уверен: с подобными опасными и слишком многочисленными ошибками необходимо разбираться в неотложном порядке, прямо сейчас, иначе при таких лихих темпах они уже завтра станут бесспорной и само собой разумеющейся «истиной».

Только поэтому я вынужден несколько подробнее и доказательнее остановиться на данном вопросе. Ни в коем случае не подвергая сомнению высокий профессиональный уровень, как минимум, двух из упомянутых авторов, мне приходится

констатировать их досадный пробел в узкоисторической сфере. Незнание ими не только конкретных, документально подтвержденных фактов, но даже наиболее важных реалий тех лет, о которых они берут на себя смелость судить, придает их суждениям безжалостно юмористический характер.

Я не буду останавливаться на том, что «самбо» и «САМОЗ» - названия одной и той же боевой системы В.А. Спиридонова, а «Рабочая Спартакиада 1926 года» в действительности была Всесоюзной, проходила в 1928 году и дзюдо в своей программе не имела. Хотя это и не самые неприятные пробелы в знаниях. Вот генералитет Генерального штаба, их превосходительства и высокопревосходительства, которые бодро выходят босиком на татами, дабы дружно выращивать хорошие семена будущего самбо - это уже потяжелее. Но и на этой идиллической картине не стану заострять внимание, поскольку в дальнейшем вы найдете документальный рассказ о подлинном «сотворении самбо». Что же касается точного времени появления у нас джиу-джитсу, то об этом вы уже успели прочитать.

Но вот следующие грубейшие ошибки я уже никак не могу не отметить. «Третьего отделения полиции» просто-напросто в природе не существовало. Было Третье отделение личной канцелярии императора, ведавшее, в частности, корпусом жандармов и существовавшее... с 1826 по 1880 год. В силу чего иметь к джиу-джитсу какое-либо отношение оно никак не могло, как не могло и вырастить «сильных мастеров» в этом виде единоборства.

Точно так же не существовало и «Третьего отделения департамента полиции», которое якобы специализировалось на безжалостном разгоне демонстраций с помощью жестоких японских приемов. Имелся просто департамент полиции, в который было преобразовано Третье отделение личной канцелярии императора в 1880 году.

Если «посоветоваться» с В.И. Далем, заглянув в его знаменитый словарь, то там можно прочитать: «Генеральный

штаб, квартирмейстерская часть армии, прежде называвшаяся свитой, вожатые, съемщики (топографические - М.Л.)». В 1905 году образовано Главное управление Генерального штаба, в ведение которого передавались только дела по мобилизационной части, организации перевозок войск и военно-топографической части. Но, увы, никакого джиу-джитсу!

Точно так же ни в истории, ни в предистории самбо не обнаруживается никаких следов работы офицеров, обучавшихся в Академии Генерального штаба (точнее в Императорской Николаевской военной академии). Готовили там отнюдь не сэнсэев, а военных специалистов для высших командных, штабных и военно-административных должностей...

Ну, скажите, можно ли квалифицированно и достоверно судить о каких-либо навыках (в частности, в области джиу-джитсу) должностных лиц старинных государственных учреждений, не зная даже ни реального времени существования таких учреждений, ни возложенных на них официальных функций?!

Состоянию дел с джиу-джитсу в российской полиции специально посвящена следующая глава, а здесь закончим армейскую тему, приведя факты, показывающие, как далеки упомянутые выше благостные «самодеятельные» мифы от действительной обстановки того далекого времени.

Журнал «Русский спорт» в специальной статье «Джиу-джитсу в армии» в мае 1910 года сообщал: «В последнее время в поисках лучшей системы физического воспитания нашего солдата на страницах военной печати появляются статьи, посвященные разным системам такого воспитания. Между прочим, раздаются голоса, восхваляющие японскую гимнастику, так называемое «джиу-джитсу», причем некоторые из поклонников ее идут так далеко, что даже «желают от всей души, чтобы наша армия основательно изучила джиу-джитсу».

Редакция журнала протестовала против принятия в армии японской системы физического воспитания, и вполне справедливо, так как это явилось бы вопиюще искусственной операцией. Но,

объективности ради, взяла интервью у Владислава Пытлясинского, которого сегодня называли бы не иначе, как «экспертом». Это был прославленный не только у нас, но и в центральной Европе ветеран ковра, в совершенстве владевший несколькими стилями борьбы, да к тому же опытный преподаватель, выросший не одно поколение борцов. Обучал он и полицию приемам самообороны без оружия. «Пытляс» согласился с мнением редакции. Как специалист, он, скорее всего, уже не раз беседовал на эту тему с армейским начальством и полностью разделял его мнение о непригодности японского физического воспитания и джиу-джитсу для армии.

В те годы у нас, как и во всем мире, уже сильно давала себя знать «устремленная в будущее» уверенность, что начавшийся XX век - это время всесильной военной техники, а отнюдь не архаичного рукопашного боя. Были даже такие горячие головы, которые вообще уже требовали снятия штыка с вооружения. Чтобы развеять подобное суперфутуристическое мировое поветрие, потребовался кровавый ураган уже близкой Первой Мировой войны, которая наглядно доказала все значение не только штыкового, но и рукопашного боя...

А пока Пытлясинский сообщал, что в Париже английский боксер, «легковесный и не из первоклассных», «форменно избил» японского профессора джиу-джитсу, и вопрошал: «Где же тут то высокое значение джиу-джитсу как средства самообороны, о котором так трубят поклонники ся?» А затем, видимо, повторяя слова своих высоких военных знакомцев, рассуждал так: «Если джиу-джитсу имело применение в японской армии, то это можно объяснить лишь тем, что японцы поздно усвоили европейский способ ведения войны. (Трудно поверить, что это говорится после японской победы над нами! - М.Л.) Во время самураев и стрельбы из лука, в рукопашном бою, джиу-джитсу могло принести большую пользу, но в наше время, когда усовершенствованная боевая техника, с применением дальнобойного оружия, держит врагов на дальнем расстоянии

друг от друга, джиу-джитсу менее всего нужно для армии. Для членов полиции, при условии умелого пользования, джиу-джитсу может быть применимо с большим успехом».

Вот подобными пустопорожними обсуждениями, да еще и не на слишком высоком уровне, все и закончилось. Не существует абсолютно никаких следов озабоченности нашего генералитета такой «мелочью», как рукопашный бой. Нет, отнюдь не задумывались наши высокие «генерально-штабные» умы о разработке наиболее эффективных способов рукопашного боя и использования в нем усовершенствованных японских приемов безоружной схватки и обезоруживания. Не задумывались ни после позорного пораженческого синдрома 1905 года, ни даже уже в годы Первой Мировой войны: нетрудно убедиться, что ни один дореволюционный устав или наставление подобных приемов просто-напросто не содержит. Считалось, что русский солдат достаточно хорош в штыковом бою без всякого джиу-джитсу. И так все четыре года войны!

Было всего-навсего одно приятное исключение, да и то вовсе не в армии, «разведке и контрразведке», а только в «пограничной страже». Конкретно - в тех ее подразделениях, которые откомандировывались в Харбин «для несения полицейского надзора на территории Китайско-Восточной железной дороги». Там, конечно, не раз приходилось сталкиваться с китайским уголовным миром, где совсем не редкостью были боевые навыки ушу. И существует даже документальное подтверждение, что солдаты этой «стражи» действительно обучались джиу-джитсу, а точнее, вероятно все-таки, дзюдо, и даже должны были сдавать «экзаменационные испытания». Журнал «Русский спорт» в 1912 году опубликовал фотографию, запечатлевшую такие испытания: босоногие здоровяки - «стражники» в долгополых, почти до колена, кимоно с коротковатыми рукавами и коротеньких нескладных панталонах схватились в японской борьбе.

Вообще же впервые у военных боевые приемы появились только уже при Совет-

книга с подробным названием «Физическое воспитание у японцев. Система упражнений, диеты и образа жизни вообще, которая сделала этот народ самым здоровым, крепким и жизнерадостным на свете». В самом заголовке этого, переведенного с английского оригинала и достаточно полного, двадцатистраничного, издания, снабженного семнадцатью фотоиллюстрациями, точно отразилась новая, послевоенная российская оценка японского народа.

Этот невероятно возросший интерес к Стране Восходящего Солнца уловил тогда же и петербургский журнал «Новый мир», ознакомивший читателей со статьей «Спорт Джу-джитсу», за которой вскоре последовал и рассказ о сумо. Не отстал от коллег и другой столичный журнал - «Современная жизнь», опубликовав тогда же статью «Джу-джитсу». Известный киевский специалист физического воспитания А.К. Анохин, под псевдонимом «Б. Росс» предложивший свою систему «психофизиологической» гимнастики, в 1907 году двухтысячным тиражом выпустил небольшую, всего в сорок три странички, брошюру, в которую умудрился втиснуть целых три вида гимнастики: «Систему Мюллера», «Систему Росса (гимнастика для женщин)» и, в переводе с немецкого, «Японскую систему упражнений (джиу-джитсу)».

Большинство издателей, не сразу уяснив заманчивые размеры «японской золотой жилы», поначалу боязливо «держали паузу». И только с года 1908 начинается настоящий издательский ажиотаж, которого хватило лет на пять. И кто только не издавал тогда! Даже самые далекие от спорта, мало-мальски заметные издательства торопятся снять свою порцию «джиуджитсных пенек». Издатели А.Ф. Сухов, А.Я. Озеров, Ю.К. Гаупт, М.П. Петров, книгоиздательства «Сотрудник», «Основа», «Здоровье и сила» и прочая, прочая, прочая... Иные из которых и родились только лишь благодаря экзотическому восточному гостю. Так, в Москве проклюнулось вдруг не какое-нибудь, а «Японское издательство «Жиужитсу»», которое, в пику конкурентам, сообщало, что директор их издательства

якобы преподает японскую самозащиту в московской полиции. Однако фамилию его, не иначе как из скромности, предпочло не называть.

Торопливый и доходный книжный конвейер одну за другой выбрасывает книжки на любой вкус: от «лучших и самых полных» - дорогих, в две с половиной сотни страниц, до «сильно сокращенных и удешевленных» - тридцатипеечных, «толщиной» всего в двадцать страниц.

Издания и переиздания. Небывалые для тех лет тиражи подобной литературы: 2000, 2400, 5000 экземпляров! Продажа непосредственно в магазинах и с пересылкой по любому адресу...

Не говоря уже о специальной спортивной периодике, рассказывать о японской борьбе считают необходимым различные журналы - от официозного «Журнала народного просвещения» и популярного «Природа и люди» до легкомысленного «Синего журнала», редактору которого А.И. Куприн как-то гневно заметил: «В вашем гнусном канкане я больше не сотрудничаю!» Даже бульварные «выпуски», как называли тогда самые дешевые, тетрадного формата, тоненькие брошюры анонимных борзописцев, не отставали от моды и в серии «Похождения знаменитого сыщика Ника Картера» преподнесли читателям «за-

Удар в нос ладо;
при попытке об

Удар локтем в голову
при обхвате за талии

хватывающее повествование» «Чемпион джиу-джитсу»!

В ход идут не только приемы джиу-джитсу, но и вообще «все японское»: водные процедуры, гигиена, сумо...

Лучший литературно-художественный журнал России «Нива» в 1910 году печатает небольшую статью по технике джиу-джитсу для женщин «Новый способ самозащиты». Не очень удачная статья была раскритикована, и в следующем году на страницах журнала появляется перевод классического труда по джиу-джитсу для дам француза А. Шерпилльо, в отличие от «массовой» джиуджитсистой литературы, переведенного отличным литературным языком уже знакомым нам киевлянином А.К. Анохиным.

Оригинальных изданий, как и переводов непосредственно с японского, разу-

меется, не было и в помине. Существовали только переводы уже переведенных на французский и немецкий англоязычных оригиналов. Сложнее обстояло с переводами непосредственно с английского, который известен был у нас в меньшей степени, чем немецкий и французский, в обязательном порядке преподававшийся в гимназиях. А Михалковские юнкера, так свободно изъясняющиеся по-английски, - это всего лишь реверанс перед англоязычным зрителем, который в первую очередь должен был понимать «Сибирского цирюльника». В действительности же, тогда английский учили только в военно-морских училищах. Знакомые нам, тоже только по кинематографу, гардемарины.

Спорт так и не принял джиу-джитсу в свою семью. Поставщиками необходимых знаний почти монопольно стали коммерческие структуры со своим извечным законом: как можно больше взять, дав как можно меньше. У нас, как обычно, это приобрело особенно лихие формы. На Британских островах, разумеется, тоже не занимались благотворительностью и брали чистоганом, но предоставляли читателям широчайший выбор самоучителей, среди которых были и совсем неплохие, написанные известными специалистами. У нас же то, что преподносилось в качестве перевода, обычно таковым не являлось. Это был весьма произвольный пересказ, сделанный человеком, знающим язык, но не знающим джиу-джитсу, к тому же, как угодно сокращенный по усмотрению издателя и переполненный рекламной отсебятиной. Ее мыльные пузыри вздувались обильной пеной, суля превратить даже самого немого читателя в неуязвимого богатыря-супермена: «Тщательно изучив все приемы Жиу-Житсу, вам нечего будет бояться ни отдельных людей, ни толпы. Все схватки кончатся позорным поражением противника! Вас никто не ударит! Вам не причинят вреда! Из робкого вы превратитесь в смелого, из нервного в хладнокровного, из слабого в сильного человека. Даже у атлетов, ломающих подковы, нет ни малейших шансов победить вас. Исход всегда будет одинаково неблагоприятным».

Лжиу-джитсу для
дам француза
А. Шерпилльо

гоприятен для противника. В лучшем случае потерпевший на всю жизнь останется хилым и болезненным. Последствия могут быть ужасны! Он свалится, как пень, становится беспомощным, как младенец, и смиренным, как ягненок. Ничего больше не надо. Вами одержана блестящая победа, и вы можете спокойно уйти, оставив противника там, где он упал... Пока довольно. Сказанного достаточно, чтобы вас убедить, что наш метод преподавания превосходит!..»

Но как много ни обещали «щедрые» коммерсанты, дать они были способны слишком мало. Книги-близнецы отличались, главным образом, полиграфическим оформлением, форматом, толщиной и, конечно, ценой.

Насколько можно установить, издавались самые различные варианты книг, но, похоже, всего лишь двух авторов: ученика сэнсэя «Индие» Ирвинга Ханкока, фамилия которого у нас писалась «Ганкок», и Кара Ашикага. При этом труд последнего преподносился даже не как самоучитель, а как пособие для преподавателей джиу-джитсу. Приведенные мной выше завлекательные восклицания взяты именно из него.

В настоящей главе я рассматриваю, главным образом, достаточно полные варианты именно этих двух работ: книгу И. Ганкока «Джиу-джитсу: Японская наука о здоровом человеке: Метод укрепления тела и атлетические приемы японцев», опубликованную издательством «Основа» в 1910 году, и «Жиу-Житсу. Полный общедоступный учебник физического развития и приемов самозащиты по известной японской системе Жиу-Житсу. С иллюстрациями и анатомическими картами. По профессору Кара Ашикага (перевод с английского издания)», выпущенную четвертым изданием в 1911 году «Японским издательством «Жиу-Житсу». Впредь я буду именовать одного из этих авторов не «Ганкоком», а в точном соответствии с английским произношением его фамилии: Ханкок.

В книге Ханкока, точно так же, как и у Кара Ашикага, прямо указано, что это не перевод, в точном смысле слова, а «изложение Джиу-Джитсу, сделанное по

Обезоруживание при нападении с ножом

книге Ганкока, большого поклонника Джиу-Джитсу, изучавшего ее в течение многих лет в Японии».

По содержанию эти книги близки друг другу: они преподносят почти одни и те же упражнения и приемы, но имеют существенные различия в подаче материала и полиграфическом исполнении. В отличие от дешевого тридцатикопеечного «Ганкока», у «дорогого» «Кара Ашикага» каждое подготовительное упражнение и каждый прием с его вариантами и способами защиты от него удачно выделены в отдельные разделы - уроки.

Оба сэнсэя подчеркивают основополагающую идею искусства джиу-джитсу. Ханкок: «Основным положением Джиу-Джитсу является то, что более слабый может нападать на более сильного и побеждать его именно с помощью его большей физической силы».

Кара Ашикага: «На этом принципе основана вся система Жиу-Житсу. Здесь силе не противопоставляют силу... Теперь вы поняли, в чем заключается разница между жиуистом и просто сильным человеком? Один работает умом, другой же применяет грубую силу. Но вы знаете, что ум покоряет силу!» Однако же не могу не сказать, что в обеих книгах очень мало приемов, где действительно используется «сила», точнее, инерция движения противника.

Джиу-джитсу рекламировалось в качестве системы самозащиты: «Помните, что цель Жиу-Житсу - самозащита. Самозащита, при каких бы то ни было обстоятельствах» (Кара Ашикага).

Значительная часть текста, вплоть до его четверти, отводилась в книгах описаниям упражнений, которые сегодня именуются специальной физической подготовкой. Это были упражнения в паре с партнером, который оказывал дозированное сопротивление движениям напарника. Система этих упражнений выглядит в джиу-джитсу искусственной и довольно странной. Известно, что даже в более современной системе - дзюдо еще в первые десятилетия прошлого века у некоторых существовала уверенность в ненужности подобных упражнений, так как изучение падений и сам процесс борьбы якобы вполне успешно выполняют их функции.

Кроме того, известно, что в процессе «европеизации», в период 1878-1894 года, в Японии активно культивировались вариант немецкой гимнастики - «Каллистеники», военная французская гимнастика, а затем шведская. Это касалось и японской армии, и школы.

Упражнения, предлагавшиеся авторами книг по джиу-джитсу, нетрудно найти в европейской гимнастике. Так, в сокольской гимнастике в разделе боевых упражнений существовал подраздел «Сопротивления», содержащий упражнения именно такого типа. Поэтому трудно избавиться от мысли, что «джиуджитские» упражнения не имеют оригинального японского происхождения, а могли быть включены в состав самоучителей специально для европейско-американской аудитории.

Немало места занимала также пропаганда того, что в Японии считалось здоровым образом жизни. Особое внимание обращает на это Ханкок. Здесь и японская кухня, как образец рационального питания («Здоровый желудок - основа физической силы!»), и «наружное и внутреннее употребление воды и воздуха»: обильное питье, горячие ванны и «глубокое дыхание на свежем воздухе», длительные пешеходные прогулки и т.д.

Что касается технического арсенала, то он предусматривал все виды безоружного воздействия на противника: удары руками, ногами и головой; нажатия на чувствительные болевые точки; болевые приемы, удушения и броски. Правда, большей частью в таких вариантах, которые сегодня не могут не вызвать удивления. Если хотите, даже несколько снисходительного. Слишком многие из приемов отличались примитивным характером или неоправданной усложненностью и имели низкую эффективность, если имели ее вообще.

Ханкок утверждал, что ученик «должен научиться схватывать мускулы и нервы и крепко давить». Это «идея, лежащая в основании Джиу-Джитсу... Это отправной пункт, от которого потом можно проникнуть дальше в тайны Джиу-Джитсу... Некоторые из этих мускулов и нервов будут здесь перечислены; остальные

можно легко найти самому».

Кара Ашикага, наоборот, не допускал такой сомнительной самостоятельности. И требовал ни на шаг не отступать от его указаний. Он давал таблицу уязвимых точек тела для воздействия нажатиями и ударами.

Осуществляя этот основополагающий принцип джиу-джитсу, оба автора главным образом предлагают приемы, в которых задействовано нажатие на болевые точки. И не только в качестве одного из элементов сложных комбинированных приемов, но даже и как самостоятельное воздействие, могущее «отключить» противника.

Если для исполнения приема был необходим захват за запястье, его старались сделать с болезненным нажатием «на пульс». Но значительно чаще использовался захват не за запястье, а за кисть с аналогичным воздействием на ее болевые точки.

Именно такой захват являлся первым элементом комбинированного приема, когда «нужно повалить противника прежде, чем он сжал кулак и занес руку для удара». Используя этот захват и резко выкручивая руку противника наружу, «ставят свою правую ступню позади левой ступни противника» и наносят «быстрый удар наружным краем свободной ладони под подбородок». Далее непременно следовало «преследование» упавшего на земле.

Такой широко применявшийся болевой захват за кисть использовался при проведении многих приемов: «таку-джитсу» (своеобразный вариант загиба руки за спину); «тан-джитсу» (дожим кисти) и ряда других.

В качестве дополнительного болевого воздействия применялось давление на чувствительную точку за ухом при исполнении рычага локтя на своей руке с опорой ее ладони о заднюю поверхность шеи противника. А при «маки-коми» - задней подножке с захватом одноименной руки противника под плечо и разноименной рукой у его локтя - «на нерв у локтя».

Как примеры использования болевых точек противника в качестве самостоятельного приема можно назвать «тэнгу-

ашида», где с целью «парализовать руку противника» воздействовали «на очень чувствительный нерв, скрытый выше локтя, под бицепсом», и ущемление плеча, при котором большим пальцем давили тоже «на очень чувствительный нерв», но «скрытый в связках плеча, около лопатки». «Ущемление» являлось как средством нападения, так и защиты.

Точно так же, как в отношении чувствительных точек, у Ханкока с Кара Ашикага существовало полное единодушие там, где речь шла об ударах ребром ладони. Как и о постепенном укреплении «края», то есть ребра ладони за счет несильных ударов им по твердой поверхности. «Край ладони должен быть упруг и тверд, как дерево. Удар ладонью должен поражать, как и удар доскою». Такие удары наносились по определенным уязвимым местам, находящимся на всей поверхности тела от головы до голеней.

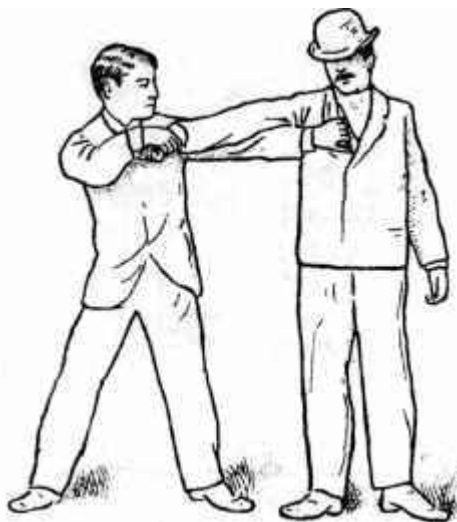
Ханкок утверждает, что «японским мастерам этого искусства известны не менее шести смертельных ударов». В качестве двенадцати целей для «наиболее существенных ударов твердым краем кисти руки» он называет: середину голени; середину бедра - между коленом и туловищем; бок - под нижнее ребро; почки; наружную часть кистевого сустава; середину предплечья; середину двуглавой мышцы - поперек ее; ключицу; боковую часть шеи; затылок и «основание позвоночного столба».

Упоминается также удар снизу по под-

«Тэнгу-ашида»

«Адское пожатие
руки» - «Тэко-то-
тсупари», или
приём рычага

бородку ребром ладони со стороны большого пальца, который прижимается к ладони, а основанием ладони - под подбородок и снизу по затылку. Одной из деталей комбинированного приема с подножкой назван удар «локтем под подбородок».

При значительной разнице в росте Кара Ашикага советует низкорослому, кроме болевого приема, вместе с ним использовать удар головой в подбородок, приседая и быстро выпрямившись. Он также дополняет перечень уязвимых мест для ударов ребром ладони: под подбородок, по переносице, по верхней губе - под нос, по «Адамову яблоку», «под коленку», в живот и по «Ахиллесову сухожилию». «Все эти удары очень болезненны и часто даже опасны. Получив один из таких метких ударов, противник продолжать драку больше не способен, или, иными словами, он выйдет из строя».

Удары кулаком решительно отвергаются. Кроме «края ладони», их заменяют тычки «под ложечку или в живот» концами указательного и среднего пальцев, так как, по мнению сэнсэев, уменьшение площади поражаемого места должно увеличивать силу удара. Действие такого тычка следовало «еще усугублять болезненным сверлением», повертывая руку в момент соприкосновения пальцев с телом противника.

В явном противоречии со своей теорией о зависимости действия удара от той площади тела, которую он поражает,

Ханкок, так же, как и Ашикага, говорит, что в Японии «учат разнообразному использованию сложенных рук, чтобы освободиться от захвата». Хотя очевидно, что такой удар «большим кулаком» со сплетенными пальцами обеих рук приходится по большей площади, чем удар кулаком одной руки. Тем не менее, «сложенными руками» не только сбивают захват горла, но и наносят многие удары: по боку, животу, «по месту, где находится сердце» и тычки под подбородок.

Использовались также удары коленом - не только в пах, но и по почкам и «основанию позвоночного столба», захватывая противника сзади за шею.

Аналогично нажатиям на чувствительные точки, удары, большей частью, применялись как один из элементов комбинированного приема, но их серии, обычно двухударные, использовались и в качестве самостоятельного боевого воздействия, способного повергнуть и обезвредить противника. Например, «под ребра хорошенько краем левой ладони», а когда противник «от удара наклонится вперед», «краем ладони правой руки по шее около самого черепа».

Что касается удушений, то тривиальный захват за горло пальцами обеих рук, «каким, в случае необходимости, пользуются в странах Запада», решительно отвергается как слишком примитивный и не достаточно действенный. В то же время описаны четыре варианта эффективных удушений - «гриф горла по всем правилам джиу-джитсу», из них три - с захватом воротника.

Это, во-первых, с давлением согнутыми суставами указательных пальцев на кадык. Затем вариант, при котором с «обеих сторон с силой вдавливают оба больших пальца в горло противника пониже глотки и на два с половиною сантиметра позади нея» (Заметьте, какое замечательно точное указание!). И, наконец, вариант со скрестным захватом ворота - «ири-тори-умакуи-атэ, что обозначает, в точном переводе, гриф ножниц - самый опасный прием Жиу-Житсу».

Четвертый способ: «захватывая горло между большим и прочими пальцами». Помимо удушений использовались так-

же различные виды давления на горло предплечьем или локтем, игравшие в приемах вспомогательную роль.

Болевые в джиу-джитсу представляли почти все типы употребляющихся и сегодня приемов: рычаги, выверты, дожимы, но в весьма своеобразных вариантах.

Употреблялись они, как правило, не обособленно, а усиливаясь сочетанием с другими формами воздействия на противника: бросками, удушениями, ударами, надавливанием на чувствительные точки.

Рычаги - «сгибание руки в обратную сторону» - использовались, главным образом, в стойке и, в значительно меньшей степени, на земле. В стойке это были только рычаги локтя вверх.

«Адское пожатие руки» - «Тэко-то-тсупари», или прием рычага. Кажется, единственный джиуджитский термин, сохранившийся в рукопашном бое до наших дней. Это рычаг локтя на своей разноименной руке, захватывая или не захватывая одежду на груди противника. Близок этому приему рычаг локтя на руке с опорой ладонью сзади на шею противника.

«Идем со мной» или «Идем, идем» - рычаг локтя через предплечье с захватом разноименной руки противника под плечо. Болевой прием, используемый японской полицией для принудительного конвоирования арестованных. По особенностям использования у нас его тоже часто называют «милиейским». «Удэ-Ори, или перелом руки» - почти двойник предыдущего рычага. Отличия этих двух вариантов одного и того же приема - в последовательности захватов руки противника своими одноименной и разноименной руками; в месте опоры захваченной руки: в первом случае - чуть ниже ее локтя, а во втором - немного выше; в отсутствии во втором случае захвата рукой, на которую опирается рука противника, за предплечье другой своей руки и, наконец, в постановке ноги для возможной подножки: в первом варианте - перед ближней ногой противника, во втором - позади нее.

«Перекидывание через свое плечо одной из рук противника» - одно из средств, «которые позволяют достичь бы-

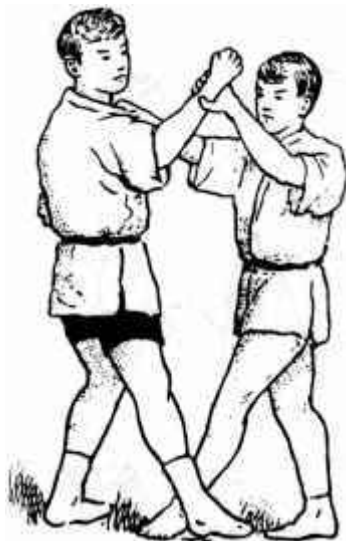
строго окончания борьбы». Это рычаг локтя на разноименном плече, стоя спиной к противнику. Желая причинить повреждение, «вполне достаточно просто нагнуться, чтобы противник сделал сальто-мортале через плечо победителя». Исполнять прием на одноименном плече не следовало, «иначе противник может ударить вас кулаком в живот».

«Тан-тенгу» - «прекрасное средство применения приема захвата руки» - рычаг обоих локтей, используя захват крест-накрест одноименных рук противника, выверт одной из них наружу, а другой - вовнутрь и наложение одного его локтя на другой.

«Перегиб руки «навыорот»» - рычаг локтя отведенной за спину руки противника на своем разноименном бедре. Своеобразный комбинированный прием, при котором делался болевой захват обеими руками «за кистевой сустав», за-

Ойя уби Шимэ
рычаг большого
пальца

Таку-джитсу

Мавари-Китсу

хваченная рука отводилась за спину противника, заставляя его наклониться вперед, а ногой, на бедро которой опирается его локоть, «обвивают» его разноименную ногу для сваливания на землю.

«Удэ-хигаши» - «прекрасный прием, если вы хотите лишь слегка наказать противника». Замысловатый прием, в результате которого атакующий сидел на корточках, перекинув через плечо вывернутую наружу одноименную руку противника, который подмышечной впадиной опирался на это его плечо.

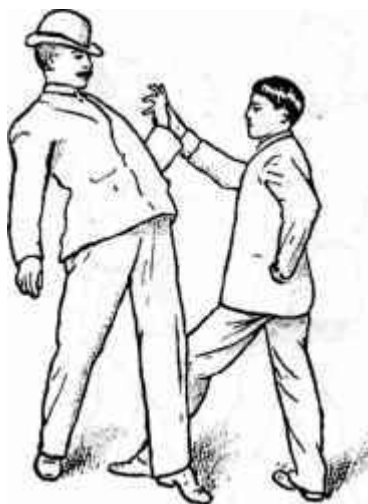
Из числа рычагов, использованных в стойке, описаны также «Ойя-уби-шимэ, или захват большого пальца», то есть его рычаг, и «тэукури» - рычаг кисти, прижимая ее к себе, когда противник отталкивает, упираясь ладонью в грудь.

Из приемов, при которых боль и повреждение причиняются за счет выкручивания конечности, кроме уже упоминавшихся, можно назвать еще три приема с вывертом предплечья и два способа загиба руки за спину. Первый из вывертов, довольно нескладный, с нападением сзади охарактеризован Ашикага как не очень нужный, но легкий.

А нужным, но трудным, рассчитанным на опытных бойцов, назван второй - «Удэ-Хишиге-Мияки» - захват разноименной рукой («большой палец книзу») поднятой для удара руки противника за запястье, выкручивая ее наружу. Другая рука захватывает его горло. Далее - внутренняя подсечка разноименной ноги с преследованием упавшего на земле, о чем будет сказано ниже.

«Мизу-Нагаеши - прием водопада» - еще один выверт предплечья наружу путем захвата разноименной руки за запястье, надавливая на «пульс», а одноименной - за локоть. «Правую ногу вы ставите, как всегда, позади левой ноги противника и валите его на землю».

Загиб руки за спину - «таку-джитсу» - специально рассчитан на задержание вора, который лезет в карман исполнителя, находясь сзади него. Болевой захват кисти вора обеими руками с последующим поворотом к нему лицом заставляет его повернуться спиной к атакующему, который, выкручивая захваченную руку во-

внутри и вверх и дожимая кисть, ставит вора на колени.

Загиб руки за спину нырком - «Мавари-Китсу» - так же, как и «Удэ-Хишиге-Мияки», используется для защиты от удара и начинается таким же захватом кисти. Но затем, нагнувшись, делают нырок под захваченную руку, выкручивая ее внутрь и прижимая к спине противника с одновременным давлением на чувствительную точку у его поясницы. Другая рука, захватывая подбородок противника, поворачивает его голову в сторону захваченной руки. «Схватив его таким образом, вы можете делать с ним все, что угодно. Он не посмеет и шевельнуться!»

«Тан-Житсу - прием схватывания руки», то есть дожим кисти, практиковался в двух вариантах, в обоих - «с подставлением [одноименной] ноги». Мог проделываться и с захватом кисти двумя («при большой силе противника») или одной рукой. При последнем варианте вторая рука «толкала его в лицо у подбородка».

Имелся и еще один прием, который, согласно спиридоновско-волковской классификации, должен быть отнесен к группе дожимов - дожим головы. «Это очень простой гриф, хотя действие его очень-таки ошутительно. Все борцы и атлеты применяют его даже (подчеркнуто мной - М. Л.) в Европе». Это был захват шеи обеими руками сзади из-под плеч противника, ничто иное, как европейско-американский «двойной нельсон». Следовало, «сжимая ему затылок ладонями, давить его голову книзу, пока он не

упрется подбородком себе в грудь».

Чаще всего джиуджитсеры ставили задачей отправить врага на землю любым способом, считая, что там он в значительной степени утрачивает возможность активного сопротивления. Поэтому броски в обеих книгах занимают важное место, завершая большинство приемов и ударов в стойке. Подножка и незначительное количество других бросков приходят на помощь атакующему в тех случаях, когда взятый на прием противник продолжает сопротивляться.

Рекомендуя бросок подножкой, который слишком часто технически примитивен, оба сэнсэя не очень затрудняют себя объяснением его исполнения. «Валите его подножкой», «подставьте ему сзади ногу», «дайте ему еще левой ногой подножку» - так «объясняет» Кара Ашикага. Ханкок немного многословнее и в разделе «ножных приемов» говорит: «Подставление ноги и толчок ногою настолько распространенные при борьбе приемы, что останавливаться на них подробно кажется излишним».

Тем не менее, он все же сообщает, что всегда следует «пользоваться своей правой ногой против левой ноги противника и наоборот». Если же нападающий стоит на коленях, то при использовании «какого-либо ножного приема он воспользуется правой ногой против правой же ноги противника и левой против левой ноги его». Кролю «подставления ноги» он знакомит читателя еще и с «отталкиванием ноги» или «толчком ногой», то

Бросок через
голову

Рычаг локтя вверх
захватом за горло
в партере

есть с боковой подсечкой, которая делается под опорную ногу противника ударом разноименной ноги по «наружной стороне ноги» противника. Лучше всего - по его щиколотке, причиняя боль. Для подготовки «отталкивания ноги» нужно было «повернуть противника с размаху не меньше, как на одну треть окружности в сторону атакуемой ноги, перенося на нее вес его тела».

Следует отметить, что ряд бросков, такие, как через голову, «обратное бедро», эри-шимэ (или захват горла) и другие успешно используются и сегодня, разумеется, в усовершенствованной форме.

Значительное количество схваток джиуджитсеры заканчивали на земле, преследуя поверженного противника, если он сохранял способность сопротивляться.

Ханкок констатирует: «Весьма важен вопрос, как лишить повергнутого на землю противника возможности моментального продолжения поединка». Однако никак нельзя сказать, что технический арсенал партера был слишком богат. Там, при вспомогательном воздействии на болевые точки, использовались только четыре вида рычага локтя, дожим колена и удушения.

Для фиксации противника на земле в целях успешного проведения приема использовался вес своего тела: «Упадите на него и сядьте ему на грудь»... Это затрудняло дыхание лежащего и могло даже причинять боль. «Во всяком случае, нападающий упирает коленом в живот противника». «Надавливает коленом на мягкие части его тела под ребрами».

Нападение на
сидящего
противника и
рычаг локтя
вниз в партере

Атакуя одну из рук врага, на другую можно было наступить, «отключая» ее. В лексиконе сэнсэев это называлось «убить руку». А сделав бросок, не отпускали захваченную руку, а старались провести на ней прием.

Находясь сверху, атакующий проводил рычаг локтя вверх через свое колено или через свою вторую руку. Эта рука в первом случае делала захват за горло, а во втором - давила на чувствительную точку на груди лежащего. А рычаг локтя захватом руки между ногами - «Уде-Хиши-ги-Тани» - преподносился как прием «опытных профессоров - жиуистов, дающих представления в театрах европейских и американских столиц».

Рычаг локтя вниз исполнялся на лежащем лицом вниз противнике, поднимая захваченную за кисть его одноименную руку и наступая коленом на его локоть.

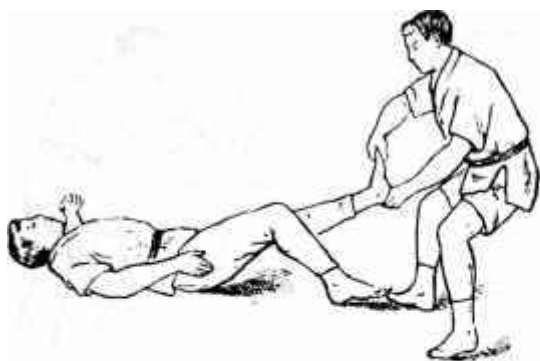
Один-единственный болевой на ногу предлагал только Ашикага. Лежащего на спине переворачивали лицом вниз, выкручивая ступню, а затем, с захватом пальцев ноги, делали дожим колена, подложив в подколенный сгиб противника свою вторую руку.

Хотя Ханкок и говорил о необходимости лишения поверженного противника возможности сопротивляться, никаких приемов для такого сопротивления вообще не предусматривалось. Видимо, положение нижнего при схватке в партере считалось вообще безнадежным.

Единственное исключение - предлагавшийся Ашикага из положения лежа на спине бросок противника, подходившего со стороны ног. Это зацеп одноименной стопой с упором подошвы другой стопы в колено той же ноги противника.

Как можно видеть из всего вышеописанного, очень многие приемы джиуджитсу были рассчитаны на освобождение от захватов противника и защиту от его ударов, имея активный контратакующий характер.

Конкуренция с боксерами породила целый ряд «антибоксерских» приемов. В условиях почти полного отсутствия бокса в России подобные приемы никак не могли казаться насущно необходимыми.

Это, однако, совсем не смущало находчивых издателей: «Если вы случайно встретитесь с англичанином или американцем, который захочет угостить вас боксом, вы не смущайтесь. Жиу-Житсу выручит вас и здесь... В России англичан или американцев очень мало... Но, может быть, вы когда-нибудь попадете за границу, а там многие умеют прекрасно драться...».

Довольно туманные познания в области бокса позволяли уверять читателя, что джиуджитсер в любом случае может опередить боксера и «парализовать» его руки ударами ребра ладони или захватить наносящую удар руку, уходя с линии атаки. «Как бы англичанин ни знал хорошо бокс, опытный жиуист всегда успеет ударить его раньше». Но даже такой излишне оптимистической презумпцией дело не ограничивалось.

Значительно хуже обстояло со способами обезоруживания. Это было явно сла-

Выверт стопы и дожим колена

Бросок из положения лежа

бым местом, несмотря на все его кардинальное значение в бою. У Ханкока они вообще отсутствовали, если не считать одного из элементов тренировочного упражнения, когда из руки противника нужно было «выкручивать палку». Что же касается Кара Ашикага, то, несмотря на громкий анонс «Жиу-Житсу против оружия», у него хватило пороку всего на семь приемов обезоруживания - довольно сомнительных и не слишком надежных. Пожалуй, только один из них являлся полноценным и даже дожил до наших дней: загиб руки за спину при попытке достать оружие из заднего кармана.

Всем остальным приемам он совершенно неосновательно придавал универсальный характер, утверждая, что каждый из них с одинаковым успехом может противостоять не только самым различным видам холодного, но даже и огнестрельного оружия.

Кара Ашикага просто игнорировал то, что при нанесении ударов разнотипным оружием вооруженная рука и движается по различным траекториям, которые требуют не стандартных, а специальных, для каждого случая, способов ее захвата или блокирования.

«Атэ-но-Даоши - очень полезный прием» против револьвера и ножа. Находясь сзади противника, обхватывают левой рукой его шею. «Тот, по всей вероятности, поднимает руку (вооруженную - М. Л.), замахнется. Вы же давите ему

кулаком в спину... и в то же время подножкой, то есть толкнув левой ногой левую ногу противника, валите его на землю. Падая, он выпустит из рук оружие...». Тот случай, что атакованный все-таки не выпустит из рук оружия, а попытается использовать его против обезоруживающего, автор предусматривать не пожелал...

Еще одно «универсальное» обезоруживание против револьвера, ножа или кастета: захватив правой рукой вооруженную руку у кисти, а левой - у локтя, ее выворачивают наружу и гнут назад. «В то же время вы изо всей силы наступайте противнику на ногу ступней. Он вскрикивает от боли и бросит оружие». Оставляя в стороне эту последнюю, чисто комическую фразу, следует заметить, что сам принцип подобного болевого приема, в том числе и для обезоруживания, был вполне здравым и нуждался только в коррекции, «отшлифовке» существенных деталей, что в последующие годы и было сделано.

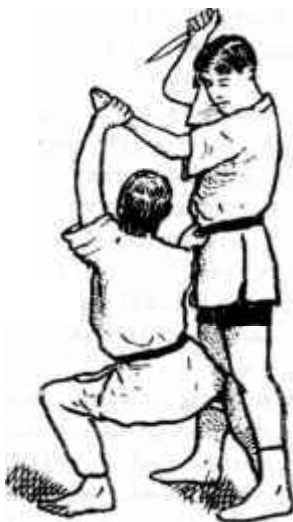
Следующие три приема предусматривали обезоруживания при нападении с железной палкой, ножом или кастетом. Тот же самый захват правой рукой за правую руку противника и «вывертывание» ее. Стоя справа от противника, левой рукой захватывают за горло и давят назад, опрокидывая через свою левую ногу, подставленную позади правой противника. Этот же прием - «Инугава Тасеки» - противопоставлялся и боксеру.

«Таи-Тобатто» - «очень хороший прием» - базировался на воздействии на болевые точки на кисти вооруженной руки противника и его правом плече в сочетании с задней подножкой. «Противник «валится, ударяясь головой о землю».

Техника обезоруживания при приеме «Така-Тои»: уход с линии атаки, выверт захваченной у кисти вооруженной руки с давлением на ее болевую точку и бросок подсечкой. Упавшему лицом вниз противнику делали рычаг локтя вооруженной руки вниз, наступая на него коленом.

А вот этот - «коронный» прием, которым «опытный жиуист отражает нападе-

Тахи» - прием обезоруживания для самоубийц»

ние хулигана, замахнувшегося на него ножом или кинжалом», называется «Тахи». Но я назвал бы его приемом для самоубийцы. Выглядит «это очень интересное и полезное упражнение» так. После того, как хулиган замахнулся на вас ножом, кинжалом или кастетом, «вы быстро наклоняетесь, хватаете его сразу за кисть левой руки, вывертывая ее влево, как можно сильнее. Затем, нагнувшись, вы хватаете хулигана за жилет, за пиджак или верхнюю часть брюк и держите крепко. Продвинув локоть правой руки между ног противника, вы заставите его нагнуться вперед, и тогда, быстро привстав, тяните левой рукой за пойманную руку, локтем правой руки подталкивая его тело. Прием, конечно, заключается в том, чтобы перебросить через себя противника. Он, чтобы спасти голову, по всей вероятности, отбросит нож, и вам, конечно, нетрудно будет справиться с лежащим безоружным хулиганом». Оставалось только уповать на благие предположения сэнсэя, что хулиган все-таки выронит нож, а не всадит его своей вооруженной и незаблокированной рукой в глотку обезоруживающего за те секунды две, которые потребуются для всей этой «хитроумной» акробатики маэстро Ашикага...

Очень мало внимания в обеих книгах уделено тактике. Ее мимолетные и примитивные следы едва заметны: нужно всегда опережать противника, прибегать к хитрости: делая вид, что собираешься атаковать ноги, напасть на верхнюю часть его тела и т.п.

Почти то же самое можно сказать и о методике преподавания, которая является весьма важным вопросом для любой системы. «Методическое что-то», безусловно, существовало, и любой сэнсэй пользовался какой-то манерой преподавания, нередко скопированной у своего учителя. Обучали «всяк молодец - на свой образец» по немудрящему принципу: делай, как я! И тому, что сегодня именуется методикой, уделяли крайне мало внимания. Даже и самого понятия «методика» в тогдашней литературе по джиу-джитсу просто-напросто не найти. Была там не методика, а какие-то ее зародышевые элементы. Настолько перво-

бытные, примитивные и скучные, что никак не могли продуктивно исполнять функции, отведенные нормальной методикой преподавания.

Так что же «методического» можно «выудить» из рассматриваемых книг? Что можно, пусть и с натяжкой, расценить как советы методического характера об овладении техникой? Они, как правило, не объединены в одном разделе, а по несколько строк разбросаны по всему тексту книг. Вот эти «ценные» указания.

«Почти каждый прием требует терпеливых и настойчивых упражнений». Только освоив прием, можно перейти к следующему, но продолжать практиковать и уже освоенные. «Упражняясь с товарищем, будьте осторожны, ударяйте лишь слегка, в шутку, и не доводите приемов до конца». Таковы «исчерпывающие» требования обоих сэнсэев.

Кара Ашикага объясняет, что, всего лишь только «изучая наши рисунки, вы никогда не сделаетесь опытным джиуистом. Теория - вещь прекрасная, но в Жиу-Житсу важна, главным образом, практика. Упражняйтесь с товарищем, и тогда ловкость и уверенность в себе, необходимые качества жиуиста, быстро явятся сами».

А это уже Ханкок: «Не пропускайте дня без занятий... Во всех служащих для защиты приемах нужно упражняться путем поединка... При упражнениях в поединке можно наперед назначить победителя... Но при действительном испытании в силе и ловкости должны бороться за победу серьезно». Ашикага же допускает условные схватки с «назначением победителя» только при слишком большой разнице в физических данных партнеров. Он считал, что ученик поначалу должен твердо овладеть приемами защиты и лишь после этого - нападения. А также, что тот «должен применять соответствующий гриф (захват - М. Л.) инстинктивно».

Серьезным недостатком джиу-джитсу являлось отсутствие техники безопасных падений, разработанной в дзюдо. Уровень предельно примитивный: преподаватель всего-навсего «при сём присутст-

вовал», а ученик должен был просто гротаться на пол, как бог на душу положит, утешаясь тем, что там «толстая мягкая подстилка», «матрас или сеник». «Извлечение наибольшей пользы из этого упражнения представляется, главным образом, личному опыту ученика, роль при этом учителя весьма незначительна. Ученик сам должен постичь, каким мускулам больше всего достается от падения, и сам должен научиться, каким образом лучше всего избегать повреждения их. Путем прилежных упражнений каждый ученик Джиу-Джитсу выучится падать, не причиняя себе ровно никакого вреда». Разумеется, подобный первобытный метод не мог содействовать слишком большому прогрессу в тренировке бросков. Неудивительно, что не слишком уверенный в умении учеников правильно падать Ханкок в определенных случаях, во избежание ушибов головы, рекомендует подстилать матрац или даже сено.

Падать на спину не рекомендовалось, так как такое положение считалось наиболее выгодным для нападения противника. Вместе с тем, усиленно тренировали возможно более быстрое вставание из положения лежа, расценивая его пассивным, невыгодным и даже опасным, если соперник оставался на ногах. Несмотря на это, падение, но не на спину, а только на бок, использовалось в качестве своеобразной защиты уходом в партер, если прием противника был неизбежен. Однако тотчас следовало быстро подняться в стойку и быть готовым продолжать борьбу.

Так обстояло дело у Ханкока. Что же касается Ашикага, то он вообще игнорировал обучение падениям и лишь при описании исполнения одного из бросков заметил, что тренировку его «нельзя практиковать на твердой земле, в Японии, своей родине, он разучивается на мягкой луговине».

Если в самом начале джиуджитской «оккупации» Америки и Европы любые утверждения сэнсэев воспринимались восхищенными учениками абсолютно безапелляционно, словно цитаты из Евангелия, то по мере постепенного спада этой волны почти гипнотического ув-

лечения даже самые преданные и ортодоксальные адепты начинают замечать пятна на сияющем Восходящем Солнце.

Прежде всего, это сказалось на всеобъемлющей системе воздействия на чувствительные точки, подавляющее большинство которых было надежно «заброшировано» европейским типом одежды, резко отличным от легкой японской.

По мере накопления отрицательного опыта и продолжавшегося угасания былых джиуджитских страстей становится все более ясной неоправданная сложность одних и сомнительная эффективность других приемов. Таковые умирают естественной и вполне заслуженной смертью.

А вот те, в которых были заложены полезные, конструктивные идеи, процветают и совершенствуются, прочно войдя в национальные полицейские и военные системы. Развитие этих систем имело различные собственные закономерности, но, независимо от этого, они продолжали именоваться «джиу-джитсу», несмотря на то, что с той давней, «первобытной» японской системой первой волны, кроме названия, уже имели очень мало общего.

Кризис «джиуджитского жанра» не миновал и Россию. И теперь на страницах спортивной периодики, которая всего несколько лет назад трубила о невероятных достоинствах «страшного, таинственного способа самозащиты», появились большие, с продолжениями, иллюстрированные статьи о технике английского бокса и сообщения о том, что «боевой бокс захватил всецело Западную Европу и особенно Францию!» Изображения японских джиуджитсеров, лихо выламывавших друг другу руки, сменили «англизированные» атлеты, демонстрирующие хуки, свинги и апперкоты.

Плохо чувствовавшие конъюнктуру и вдохновленные прежними барышами коммерсанты московского издательства «Жиу Житсу» в 1911 году «отштамповали» 4-е издание Кара Ашикага непомерно большим тиражом. Книги осели на складе: рынок оказался пересыщенным подобного рода литературой, а количество потенциальных покупателей таяло прямо-таки на глазах. И любые зазывные

рекламные объявления оказывались безрезультатными. А прозвучавшие в Сараево летом 1914 года выстрелы сербского террориста Гаврилы Принципа, ставшие первыми пулями Мировой войны, подчеркнули даже тот не слишком большой интерес к японской системе, который еще тлел.

И вот тогда, уже в самые последние сентябрьские дни 1914-го увидела свет даже уже не реклама, а откровенный крик отчаяния! На всю журнальную страницу с огромными буквами заголовка «Я ЗНАЮ ЖИУ ЖИТСУ!» следовало леденящее кровь описание того, как «в октябре 1906 года в городе Нью-Джерсей (Америка) миниатюрная японка избила до бесчувствия напавших на нее двух сильных мужчин». Вы уже, конечно, догадались, что свою потрясающую победу она объяснила суду теми самыми словами, которые были вынесены в заголовок, «при этом гордо выпрямившись».

Далее читателю преподносился длиннейший и подробнейший перечень тех бесценных преимуществ, которые он приобретет вместе с «затоварившейся» книгой. «Между прочим, Вы найдете в ней и те приемы, которые до сих пор составляли тайну самураев. Они обязывались клятвой не выдавать их простолюдинам и иностранцам (это было особенно удивительно, так как издание было стереотипным и никаких «до сих пор» свято хранившихся самурайских секретов содержать никак не могло - М.Л.). Например, те несколько точек на теле, дотрагиваясь до которых, Вы причиняете страшную боль, почти парализуя руку... Вы будете заниматься всего 10-15 минут в день и останетесь на всю жизнь бесстрашным и сильным, никогда, нигде и никого не будете опасаться...

Мы только что отпечатали 4-е издание этого полного Курса знаменитого японского профессора Жиу Житсу Кара Ашикага. Из тысячи книг этого издания мы раздаем 200 Курсов бесплатно!

Каждый пятый, купивший Курс в Москве, и каждый пятый, кто переведет деньги почтой, получит немедленно полный Курс Кара Ашикага в 238 страниц

с 100 приемами Жиу Житсу и 122 иллюстрациями, и, кроме того, деньги будут ему немедленно возвращены.

Таким образом, из 1000 книг 200 будут розданы бесплатно.

Придите к нам или пришлите деньги немедленно. Через несколько дней уже, может быть, будет поздно...

Придите или немедленно пришлите деньги!»

Эти исторгнутые из самого сердца слова, очень похожие на боевой клич Остапа Бендера, выплывавшего на пыльной кавказской дороге: «Деньги! Деньги давай!», стали последним рекламным вздохом умиравшего российского книжного джиу-джитсу. Столь шумная эра японской борьбы скончалась при полном молчании прессы. Больше никаких упоминаний о джиу-джитсу в печати того времени мне уже обнаружить не удалось. Впрочем, за исключением одного единственного.

Когда же Япония объявила войну Германии, наша периодика стала писать о новом союзнике. Несколько публикаций появилось и в «Вестнике спорта и туризма». Одна из них, довольно толковая, посвящалась дзюдо. Однако курьез был в том, что для рассказа о союзнике потребовался перевод публикации противника. О том, что некий «В.П.» перевел именно немецкую статью, говорил уже сам ее заголовок - «Японский бокс «Юдо»». Именно так, не «дзюдо» и не «джудо», а «юдо» произносится название японской системы только на немецком. В русском языке слово «дзюдо» тогда вообще еще отсутствовало, и «знающий» переводчик «окрестил» японскую борьбу «боксом»...

И все-таки японцы принесли Западу продуктивную модель безоружного рукопашного боя. Исторически именно джиу-джитсу явилось фундаментом, основой мирового рукопашного боя. Это был неизбежно примитивный, но совершенно необходимый «ученический» этап освоения европейцами тех самых приемов безоружного рукопашного боя, которые за несколько предшествующих столетий они уже успели окончательно забыть. И главной здесь была не только

и даже не столько техническая сторона, сколько тот чисто психологический сдвиг, позволивший преодолеть былой «европейски-цивилизованный» скепсис и инертность в области развития, обновления и совершенствования способов рукопашного боя. А начавшаяся вскоре Первая Мировая война вообще заставила генералитеты воюющих стран переместить вопросы рукопашного боя с дальней периферии в самый центр своего внимания.

В России, к сожалению, этого не произошло, как до революции, так и после нее. За все семьдесят пять лет Советской власти материалы по джиу-джитсу для гражданского населения издавались всего лишь дважды и в весьма скромном виде. И было это только в первой половине двадцатых годов. Вся остальная литература подобного рода, как правило, имела закрытый служебный характер.

Такие обстоятельства превратили эти заведомо архаичные работы Ханкока и Кара Ашикага в настоящих книжных

долгожителей. Пользовались ими, как минимум, целых полстолетия.

Известный писатель Нилин в своем «Испытательном сроке» упоминает об использовании одной из таких книг в провинциальной милицмейской практике первых послереволюционных лет. Работая в редакции «Советского спорта», я специально созвонился с писателем, и он подтвердил, что книга эта действительно у них существовала.

Модный в свое время поэт Евтушенко, которого называли «кремлевским диссидентом», в автобиографическом очерке рассказал, как еще подростком выменял книгу по джиу-джитсу на месячную хлебную карточку. И, разучив приемы, рассчитался с дворовым хулиганом, терроризировавшим его. Произошло это в середине сороковых годов, и это был последний известный мне случай использования джиуджитсных «раритетов», который удалось зафиксировать. Думаю, однако, что реально, в многолетнем советском быту, являлся он далеко не последним...

Глава 3

Боевые приемы «капитана Д»

Когда в каталоге Ленинской библиотеки я отыскал эту редкостную книгу, то сейчас же заказал ее. Но бланк моего заказа возвратился с пометкой, что книга уже выдана другому читателю. Стоит ли говорить, что с раннего утра следующего дня, едва открылась библиотека, я уже подавал свой повторный заказ. Однако, увы, с тем же безрадостным результатом. Конечно же, я упрямо продолжал попытки получить желанный раритет, но он все время оказывался «на руках». Мне уже начинало казаться, что по какому-то тайному сговору прочитывать эту книжку задались целью абсолютно все читатели «ленинки» и ловко передают ее с рук на руки, минуя меня. Очень может быть, что я еще и сегодня подавал бы свои бесполезные бланки заказа, если бы одна, вероятно, самая внимательная библиотекарша, догадавшись прочесть на бланке причину отказа, сказала: «У нас нет этой книги».

- То есть как нет? Когда я сам видел заполненную на нее карточку в каталоге и точно списал и название, и автора, и шифр!?

- Она могла затеряться... Может быть, случайно упала с транспортера во время подачи из хранилища... - как-то неопределенно сказала библиотекарша, отводя глаза.

- Как может затеряться книга в библиотеке союзного значения?! - не унимался я, чувствуя, что меня пытаются лишить долгожданного свидания со столь желанной библиографической редкостью...

Наша довольно нервная «дискуссия» продолжалась до тех пор, пока окончательно выведенная из себя моя собесед-

ница в сердцах почти выкрикнула: «Ну украли! Украли ее! Видите на бланке отметку, что она была выдана читателю еще более двух лет назад!»

Но даже такая «нелегальная» откровенность отнюдь не удовлетворила и, уж тем более, не обрадовала меня: «Вот тебе раз! Из главного книжного собрания страны, одной из крупнейших и богатейших библиотек мира крадут книги, словно из дырявого книжного шкапа в сельском клубе!!! Вот тебе и строжайшие правила! Вот тебе и милиция у входа!»

Кем же мог быть этот сукин сын, так ловко стянувший раритет из нашего главного книжного храма? Молодой негодяй, измученный желанием проникнуть в запретные тогда - в шестидесятые годы секреты рукопашного боя? Или старый библиотечный ворюга, перепродающий книжные редкости?..

Однако все это были хотя и очень эмоциональные, прямо-таки кипевшие в моей оскорбленной душе, но, увы, всего лишь совершенно бесполезные риторические вопросы.

Но сдаваться я вовсе не собирался: ведь, может быть, «моя желанная» хранилась где-нибудь на стеллажах большой ленинградской, киевской, новосибирской или даже какой-нибудь совсем малоизвестной библиотеки. Однако все мои старания заказывать ее через так называемый межбиблиотечный абонемент оказались столь же безрезультатными.

Очень нужная книга так и не далась мне в руки. Должно было пройти целых долгих пятнадцать лет, прежде чем я смог ознакомиться с ней у единственного еще оставшегося в живых ученика

Спиридонова - Виктора Семеновича Харитонов...

И хотя, казалось бы, теперь самое время начать рассказ об этой, ставшей определенным этапом в становлении нашего рукопашного боя, «неуловимой» книге, мне все еще приходится испытывать терпение читателя, чтобы сделать одно необходимое поясняющее отступление.

Приемы защиты и нападения во все времена и во всех странах были профессионально необходимы полиции. И они у них были. Английские «бобби» пользовались приемами бокса, дополняя их ударами «клаба» - резиновой дубинки, которая являлась их единственным оружием. Неудивительно, что в полицию там подбирали только здоровяков-тяжеловесов. Французские «ажаны» отлично владели саватом - французским боксом. А «обрабатывая» самых строптивых арестованных, ажаны «пропускали их через табак»: станови-

лис* в кружок и по очереди наносили удары ногами своей жертве, находившейся посередине. Американские «копы», кроме бокса и дубинок, использовали некоторые броски и болевые приемы кэтча. В Китае шли в ход национальные виды рукопашного боя - цюаньфа. А японские блюстители порядка, кроме полицейского джиу-джитсу, располагали даже специальным «искусством связывания» - ходзё-дзюцу.

В российской полиции в этом отношении дело обстояло похуже, хотя она и вполне удовлетворительно справлялась со своими обязанностями. В городские старались набирать здоровых и физически крепких отставных солдат и унтер-офицеров. Как когда-то написал поэт Н.А. Клюев: «В проклятое царское время на каждом углу стоял фараон - детина из шестипудовых кадровых унтеров, вооруженный саблей и тяжелым, особого вида револьвером». (Это был револьвер «Смит и Вессон» - М.Л.) В большинстве случаев это были люди, еще смолodu прошедшие школу «стенного» кулачного боя и различных видов национальной русской борьбы. Кроме того, бытовали выработанные практикой и передававшиеся от старших младшим какие-то нехитрые приемы, вроде древнейшего загиба руки за спину.

Специального же обучения в этой области не существовало. Первые сведения о такого рода обучении относятся к 1898 году, и пионером в этом новом деле довелось стать основоположнику французской (греко-римской) борьбы в России, знаменитому профессиональному борцу, российскому поляку Владиславу Пытлясинскому. Во время почти десятилетнего пребывания в Швейцарии он не только отлично освоил практиковавшиеся там виды борьбы, но и стал победителем и призером целого ряда крупных, в том числе и международных состязаний. В своей книге «Французская борьба» (1896 год), ставшей самым первым русским руководством по этому новому у нас виду единоборства, он написал: «Стоит обратить внимание на тот факт, что искусному

Приём японских полисменов.

Вот сценка изъ японской жизни. Полисмень арестовать буяна. Онъ его ведетъ въ участокъ.

Тотъ сопротивляется, не хочетъ итти, даже пытается вырваться и убежать. Но каждый японскій полисмень отлично знаетъ Жіу-Житеу. Минута, и, применивъ какой-нибудь грифъ, онъ валить непокорнаго на землю. Какъ быть дальше? Онъ не въ состоявшіи довести арестованнаго до участка. Приходится звать себѣ на помощь другаго полисмена. Но арестованный, видъ, не станетъ дожидаться.

Тутъ японскій полисмень снова примениваетъ Жіу-Житсу. Надавливая на ступню, онъ приказываетъ арестованному протянуть руки назадъ. Боль даетъ себя знать. Буянъ повинуется. По-

борцу в стократ легче защититься в случае нападения, нежели человеку, незнающему многих способов защиты».

Теперь же, два года спустя, «Пытлясу» предстояло на практике доказать этот свой тезис, да еще в особо сложном - полицейском варианте. Событие оказалось настолько любопытным, что всерьез заинтересовало прессу: «В настоящее время в полицейском резерве Петербурга ежедневно в течение двух часов происходят занятия атлетикой. Кроме того, не только резерв, а и вся столичная полиция - городовые, околоточные и полицейские служители будут обучены атлетике. Преподавателем атлетического искусства является известный борец - атлет В.А. Пытлясинский».

В. А. Пытлясинский

Разумеется, расторопные репортеры не упустили случая посетить дом № 22 по Забалканскому проспекту, где жил «Пытляс» и находилась его «школа атлетического искусства», чтобы получить у знаменитости нижеследующее интервью: «Я должен вам заявить, что в Ревеле и Гельсингфорсе я уже обучил всю полицию атлетическому искусству... Во-первых, каждому полицейскому необходимо изучить способы обороны от нападающих. Сплошь и рядом случается, что полицейские чины подвергаются нападению - хотя бы подгулявших обывателей. Поэтому им необходимо узнать возможно точно приемы обороны. Нападают ли с ножом или нападают с палкой, полицейский чин, изучив приемы, в одно мгновение может обезоружить нападающего. Кроме того, развитие физической силы вообще для полицейских чинов необходимо, чтобы оградить себя от всяких нежелательных случайностей».

Здесь возникает весьма интересный вопрос: каким именно приемам обучал прославленный борец своих учеников? Вероятность использования джиу-джитсу равна нулю. Если работа в столице проходила в феврале 1898 года, то для Ревеля и Гельсингфорса, как самое позднее, остается 1897-ой, когда японская система еще не пришла даже в Западную Европу.

В распоряжении Пытлясинского находились два вида швейцарской борьбы: «швинген», где использовались подножки, подсечки, зацепы, обвивы, и «вольная швейцарская», где подножки тоже не были запрещены. Возможно, в какой-то степени он был знаком со специфической американской борьбой, которую упоминает в своей книге. И конечно, в полном его распоряжении находилась французская борьба, включая и ее запрещенные приемы, тоже описанные в книге. Это два варианта «кривата» - захвата обеими руками головы и шеи наклоненного вперед партнера; захват в партере шеи в локтевой сгиб, находясь сзади или сбоку от партнера, и загиб руки за спину с использованием запрещенного «ключа». Возможно, было у него и еще кое-что в запасе, но только не приемы обезоруживания. Не взял ли он их из старинной книги Фабиана фон Ауэрсвальда, которая была переиздана в 1887 году и которую «Пытляс» вполне мог приобрести за границей?

Когда же в начале XX века зарубежная полиция начинала освоение вошедшего в моду джиу-джитсу, чьи приемы были необходимы в полицейской работе, в России тоже была сделана аналогичная попытка.

Один из создателей самбо, имевший черный пояс второго дана по дзюдо В.С. Ощепков вспоминал о ней так: «Дзю-дзюцу стала известна в России из книг американского офицера Ганкока только как система самозащиты. Некоторые из ее приемов были введены в русской полиции и изучались в петербургской полицейской школе, начиная с 1902 года».

Другой основоположник самбо и большой знаток джиу-джитсу В. А. Спиридонов подтверждал этот факт и объ-

яснял немалые трудности, встретившиеся на данном пути. Он имел все основания для подобного критического замечания, поскольку впоследствии, уже в советские годы, преодолевать все эти затруднения довелось именно ему: «Неоднократные попытки, начиная с 1902 года, ввести в России Джиу-Джитсу, как официальный предмет преподавания для соответствующих категорий лиц, оканчивались неудачно в силу, главным образом, плохого отбора приемов, отсутствия системы и метода, а также и по вине преподавателей, недостаточно серьезно относившихся к своему делу. Эти же причины мешали популяризации всей системы в широких массах населения».

Об этих, самых первых, годах освоения японской системы нашей полицией почти ничего не известно. Единственное, что удалось разыскать, это иллюстрированное описание пяти приемов, из которых один представлял собой всего лишь способ, как легче поднять с земли мертвеца пьяного человека.

Описания эти обнаружили в полицейском «Руководстве» составленном неким полицейским чином И.А. Смирновым.

Не только сам характер этих первобытных приемов, но даже и их описание настолько любопытны, что я не мог не привести здесь полностью хотя бы одно из них:

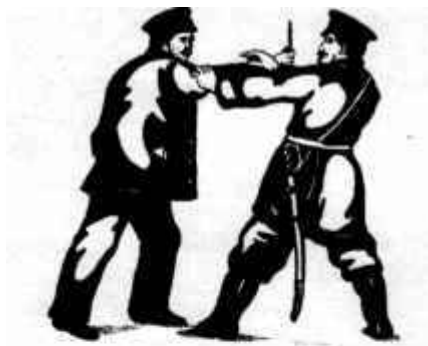
«Практические приемы полицейской самообороны (Рисунки и текст заимствованы в Санкт-Петербургской полиции). Обезоруживание человека, нападающего с револьвером (Револьвер в правой руке нападающего).

1-й прием.¹ Остановившись перед нападающим и несколько левее его, выставить вперед левую ногу, схватив правой рукою кисть его вооруженной руки, с тыльной ее стороны, отвести от себя дуло револьвера, отодвинув вооруженную руку вправо.

II-й прием. Левой рукой взять ту же руку нападающего с наружной стороны, выше локтя так, чтобы большой

¹ Под приемом в описании имеется в виду один из элементов, последовательно образующих прием в точном смысле этого слова

палец находился сверху ея, и отодвинуть ея толчком влево, за спину нападающего, следя, чтобы дуло револьвера, во время этого передвижения, было направлено вниз и в сторону от нападающего.

III-й прием. Плотнo упереться правым плечом в правое плечo нападающего, пряча свою голову за его спину, передвинуть большой палец правой руки на пульс вооруженной руки и, нажимая остальными пальцами и ладонью на кисть, заставить таким образом нападающего выпустить револьвер.

Так же обезоруживается и человек, нападающий с ножом, если он пытается нанести удар снизу.

Совершенно очевидно, что подобный явно порочный прием не мог надолго внедриться в практику, представляя большую опасность для обороняющегося. Прежде всего, отбив вооруженной руки правой рукой вправо был неудобен и увеличивал время исполнения приема, нерационально удлинняя траекторию движения правой руки с захваченной ею рукой нападающего, которую, еще более увеличивая опасность, нужно было «протаскивать» между собой и противником.

«Пряча свою голову за спиной нападающего», может быть, и можно было предохранить ее от ударов его свободной левой руки. Но, «плотно упершись правым плечом в правое плечо противника», никак нельзя помешать ему сделать шаг левой ногой влево и повернуться почти лицом к лицу с полицейским, пустив все-таки в ход свою левую руку, а, может быть, и ноги. Кроме того, противник имел полную возможность пронести левую руку за спину и

перехватить ею револьвер из захваченной правой, пока полицейский «упражнялся» в нажатии на пульс.

Еще более усложнялось положение при использовании этого приема обезоруживания в случае удара ножом снизу.

От удара ножом сбоку наотмашь рекомендовалось захватить левой рукой («большой палец снизу») правую руку нападающего выше локтя и прижать ее к его груди. А правой рукой обхватить его за шею так, чтобы вооруженная рука оказалась под мышкой полицейского, который одновременно с этим должен был сделать шаг вперед правой ногой и поставить ее позади ног противника. Затем, сделав подножку, положить нападавшего на землю ничком так, чтобы его левая рука оказалась придавленной к земле его же телом. Правой рукой захватить вооруженную руку «и, наложив большой палец на пульс, остальными нажимать, пока нож не выпадет из руки»...

Здесь возникают естественные сомнения в отношении этого сложного и опасного маневра. В первую очередь: не окажется ли степень свободы дейст-

вия «взятой под мышку» вооруженной руки достаточной для того, чтобы, хотя бы в момент падения, тычком воткнуть нож в тело полицейского?

Еще один прием - «взятие сопротивляющегося», то есть задержание, подчинение его своей воле, представлял собой вариант незавершенного броска «мельница». С той разницей, что, взвалив «сопротивляющегося» себе на плечи, полицейский пропускал руку между его ног и захватывал ею одноименную руку задержанного, оставляя свободной другую свою руку. При этом, вероятно, считалось, что буян, оказавшись на плечах городского и имея свободной одну руку, должен непременно прекратить сопротивление, а вполне возможная разница в весе не будет иметь никакого значения.

И всего лишь один простенький прием не вызывает особых возражений: защита от удара палкой сверху. Поднятая ладонью вверх правая рука, страхует голову от случайного удара, а левая схватывает «вооруженную руку под кистью снизу, большим пальцем наружу». (Такой захват явно неудобен! - М.Л.) Тут же правая рука захватывает и «вывертывает палку к себе через указательный палец» нападающего.

В том же «Руководстве» описывались способы использования шашки, которой, кроме револьвера, были еще вооружены городовые и которую публика насмешливо именovala «селедкой». Не обнажая шашки, городовые частенько использовали ножны для нанесения ударов, как своего рода дубинкой.

Вот на таком незавидном уровне находились навыки защиты и нападения нашей полиции в середине первого десятилетия прошлого века. Впрочем, даже этим располагали далеко не все, главным образом, столичная полиция. И это именно в те годы, когда западная полиция усиленно «японизировала» свой рукопашный бой, что не могло не вызывать завистливого интереса у их российских коллег.

Официоз «Вестник полиции» в 1908 году рассказал о полицейских и жандармских школах Германии, констатируя, что «служба полицейских чинов те-

перь опаснее, чем когда-либо. Поэтому для них обязательно знакомство с приемами самозащиты... В некоторых германских полицейских школах учащиеся ознакомятся с особенными «трюками» японского способа борьбы и самообороны, называемого «Джиу-Джитсу». В германских полицейских школах этот предмет ввели после того, как Париж, а за ним и Лондон, ввели обучение этому методу борьбы в своих полицейских школах».

На фотографиях были запечатлены полисмены с усами а la кайзер Вильгельм, исполняющие традиционные рычаги локтя вверх на своем предплечье; «связывание» противника спущенным с его плеч пиджаком и даже «препровождение сопротивляющегося», захватив его одной рукой за шиворот, а другой за брюки сзади. «А одна из иллюстраций показывает нам применение сабли при защите от нападения с палкой...».

Лихие немецкие экзерсисы, вероятно, всерьез взволновали российские полицейские сердца, и в том же «Вестнике» за подписью «Капитан Л» появилась небольшая статейка «Жиу-Житсу»:

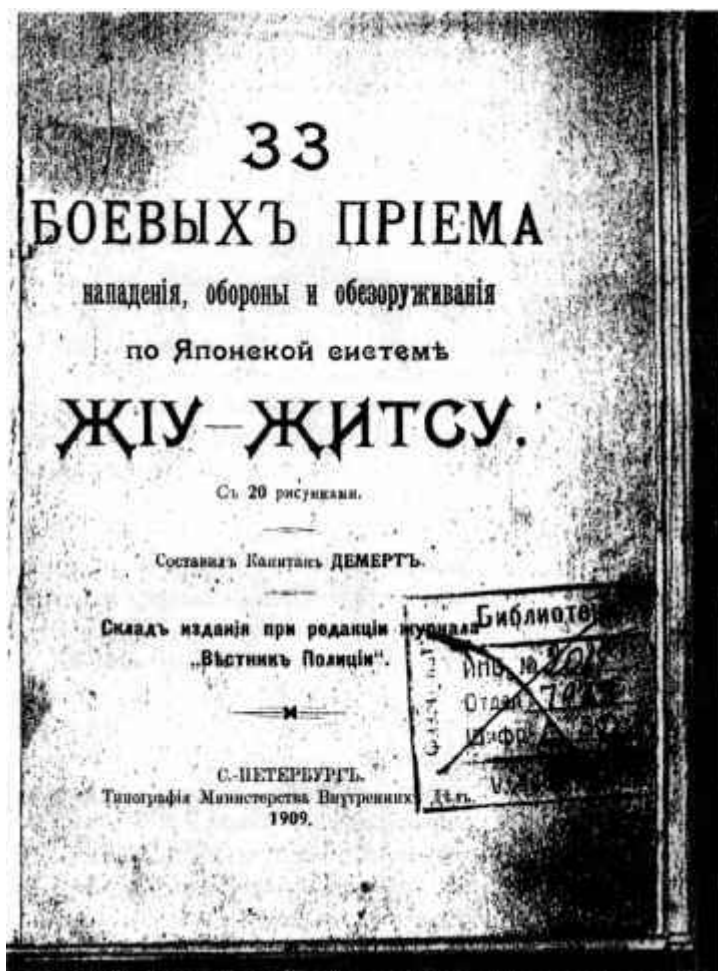
«В виду несомненного интереса, проявленного как обществом, так, в особенности, чинами полиции к японской системе физического развития, борьбы, нападения и обороны (Жиу-Житсу), автор поставил себе целью ознакомить с этим замечательным искусством своих товарищей по службе, дабы облегчить им борьбу с преступным элементом и дать возможность при случае без употребления в дело оружия, прибегать к которому законом разрешается лишь в крайности, одолеть опасного и сильнее-шего врага. Знание приемов «Жиу Житсу» дает необходимую уверенность в превосходстве своих сил над силами противника, а это, в свою очередь, сообщает спокойствие и хладнокровие - качества, столь необходимые каждому полицейскому. В настоящее время Нью-Йорк, Париж, Лондон, Берлин, Вена и Стокгольм основали школы для изучения «Жиу Житсу», в которые приглашены, из Японии, преподаватели-специалисты. Парижский префект полиции Ле-

пин ввел «Жиу Житсу» для своих агентов, как верное средство против борьбы со злоумышленниками. Полисмены Берлина также обучены приемам «Жиу Житсу». К сожалению, у нас не только нет еще школ, но даже и существующие руководства переведены варварским языком и далеко не удовлетворительны. Лучшее руководство Кара Ашигага страшно дорого: небольшая, 238 страниц, книжечка стоит 6 р. 50 к.».

Заметьте, что об обучении джиу-джитсу в петербургской полицейской школе было неизвестно даже офицеру столичной полиции. Да и вообще: производилось ли оно в те годы? И таинственный анонимный капитан решает, насколько это возможно, исправить или, точнее, подправить существующее ненормальное положение своими силами. Он обещает опубликовать в «Вестнике» специально отобранные им приемы джиу-джитсу для практически бесплатного ознакомления с ними полицейских. И даже предлагает консультировать их в случае возникновения каких-то затруднений: «На все возникающие сомнения и вопросы автор с удовольствием готов отвечать в «почтовом ящике» «Вестника Полиции» и с благодарностью примет все указания на недочеты своей работы. По отпечатании в «Вестнике Полиции» всех предположенных к ознакомлению приемов, таковые будут отпечатаны отдельной брошюрой. Печатание практических приемов начнется со следующего №.».

Свои обещания он полностью выполнил, и уже со следующего номера журнала на его страницах появились капитанские учебные материалы. А вскоре увидела свет и небольшая книжка с длиннейшим подробным названием: «33 боевых приема нападения, обороны и обезоруживания по Японской системе Жиу-Житсу. С 20 рисунками». И теперь автор уже счел возможным назвать свою фамилию: «Составил Капитан Демерт». Это была та самая «неуловимая» книга...

Интересной и полезной особенностью его работы было то, что капитан даже снабдил ее краткими методическими указаниями, хотя и немного наив-

ными, но все же полезными в процессе изучения материалов: «Настоящий труд представляет собою компиляцию из появившихся в русском переводе наставлений к изучению Жиу-Житсу. Автором будут основательно описываться лишь те приемы, которые вполне удобоприменимы и пригодны в полицейском деле. Поэтому, как ни полезно для совершенства знание всех подготовительных упражнений, таковые, в виду недостаточного времени у чинов полиции, занятых исполнением своих прямых обязанностей, опущены. Ведь, чтобы быть настоящим жиуистом, необходимо основательно проработать над изучением этого искусства, под руководством опытных преподавателей 4 года! Но, полагаю, что знание гимнастики, которой обучались служившие ранее в военной службе, пополнит, отчасти, этот пробел. Более сложные приемы

иллюстрированы рисунками, некоторые же приемы настолько просты, что легко понятны из одного описания. Описание приемов составлено в том предположении, что проделывающий их не левша, но все приемы полезно изучить с обеих рук. Самое важное в «Жиу Житсу» - быстрота², которая достигается упражнениями. Удары, наносимые в нижеизложенных приемах, всегда наносятся краем ладони, со стороны мизинца. Для укрепления и придания твердости ладони упражняйтесь, ударяя ею по какому-нибудь твердому предмету ежедневно, хотя по 5-10 минут, но чем больше, тем лучше. Через 3-4 месяца край ладони приобретет твердость дерева, и удар ею будет поражать так же, как и краем доски. Все приемы «Жиу Житсу» замечательно не сложны, есть такие, что просто диву даешься, как это возможно было не додуматься раньше до их применения, но, несмотря на это, остерегайтесь применять на практике приемы, в которых вы еще мало практиковались, и не думайте, что сразу возьмете «быка за рога», а главное, не хвастайтесь знанием «Жиу Житсу» направо и налево, лучше держать свои познания, по возможности, в секрете. Теперь, как изучать Жиу-Житсу? На это категорически отвечаем, что хотя бы вы наизусть выучили все приемы в теории, на практике вы ничего не будете знать. Найдите себе товарища и вдвоем, по пунктам, не торопясь, проделывайте основательно все, согласно описанию. Вникайте в каждую фразу и внимательно рассматривайте рисунки. Исполнение каждого приема (более сложного) изложено, для удобства, по пунктам, но само собой разумеется, что при практическом применении эти пункты должны быстро следовать один за другим и как бы сливаться в один прием. При упражнениях соблюдайте крайнюю осторожность: не вывихните и не сломайте своему товарищу руку или ногу³. На пол стелите что-либо мягкое (ковры, ма-

трацы и т.п.). Костюм должен быть легкий и свободный: рубаша, заправленная в брюки, и толстые носки или чулки, без обуви, будут самым подходящим костюмом».

Таким образом, первое известное нам полицейское руководство исходило не со стороны официальных властей, а было результатом частной инициативы офицера полиции. В свое время я пытался ознакомиться с послужным списком этой, безусловно, интересной личности, но в архиве Великой Октябрьской революции и Социалистического строительства мне категорически отказали, не сообщив причин отклонения моей просьбы.

Как и все первое поколение русских джиуджитсеров, капитан являлся безусловным и восторженным адептом джиу-джитсу и был далек от его справедливо критической, трезвой оценки. Но хотя он и подчеркивает чисто компилятивный, вторичный характер своей работы, однако, при всем пиетете в отношении японской системы, отнюдь не идет по пути бездумного повторения всего, что вычитал в переводных руководствах.

Хотел того Демерт или нет, но его отбор техники все-таки иначе, чем критическим, никак не назовешь: подавляющее большинство приемов отброшено, и взято только то, что, по мнению автора, может быть достаточно эффективно использовано при несении полицейской службы. Именно это предлагает он коллегам для самостоятельного изучения.

Совсем не случайно замечание капитана о «варварском языке» переводов и о том, что они «далеко не удовлетворительны». И дело не только в том, что его грамотный и по-военному точный язык выгодно отличается от рекламного многословного переводческого примитива. При всей краткости его объяснения содержат необходимое и вполне достаточное количество информации.

² «Все приемы необходимо делать быстро, поэтому, во избежание излишних повторений, слово это, при дальнейшем описании приемов, умышленно пропускается» (примечание Демерта).

³ «На это обстоятельство обращаю особенное внимание, т.к. многие приемы, при неосторожном обращении, чрезвычайно опасны и влекут вывих или перелом конечностей» (примечание Демерта).

Он уже прошел путь самостоятельного овладения джиу-джитсу по книгам и на собственном опыте познал все затруднения, возникающие при пользовании имевшимися самоучителями. Точно так же, как и все их недочеты, неясности и досадные недомолвки. Это позволяло более доходчиво, исчерпывающе ясно осуществлять заочное преподавание, подробнее останавливаясь на том, что могло оказаться непонятным, и подчеркивать детали, важные для успешного проведения приема.

Дельная манера изложения материала и уверенное дополнение переводных самоучителей собственными полезными соображениями показывают, что Демерт обладал не только вполне реальной практикой боевого использования приемов, но еще и опытом непосредственного, «очного» обучения, вероятно, делясь своими знаниями с коллегами.

О таком опыте, в частности, говорит и его предложение изучать сложные приемы не сразу целиком, как рекомендовали сэнсэи, а разделив прием на отдельные составляющие его элементы, которые по мере усвоения объединялись в единое целое. Такой методический прием облегчал и ускорял освоение техники. И скорее всего, бравый усатый унтер с иконостасом медалей на груди, лихо проделывавший приемы на фотографиях, тоже был обучен именно им.

Наличие непосредственной практики преподавания подтверждает также и отмеченные автором неизбежные сомнения обучаемых в действенности того или иного приема и достаточно логическое опровержение таких сомнений.

По его работе, как и по другим руководствам этого времени, можно проследить начальный период создания русской терминологии безоружного рукопашного боя. Демерт не загромождает память своих заочных учеников, вполне разумно избегая понятного по тем временам соблазна шегольнуть японской терминологией, обильно приведенной у того же Кара Ашикага.

И если он и использует некоторые термины из приведенных в переводных

книгах, то только в их русскоязычных вариантах, среди которых были прочно укоренившиеся у нас до настоящего времени «рычаги» и «выверты». Сам же капитан дает только русские названия, стремясь отразить в них сущность обозначаемого приема или его цель: «надави кадык», «локтем в глотку», «свалить с ног», «перелом руки». Подобные названия нередко принимали слишком длинную, чисто описательную форму: «Как свалить стоящего задом или удаляющегося противника», «Оборона горла от захвата одной рукой» и прочие. И из всех капитанских терминов только лишь «захват руки с подныриванием» косвенно отразился в современной терминологии в виде «загиба руки за спину нирком». Как это обычно случается при первых опытах, его терминология оказалась не удачной и не закрепилась в теории рукопашного боя. Хотя в рамках книги она, несомненно, вполне успешно выполнила свои функции.

Но какие же именно приемы инициативный капитан считал необходимыми и наиболее действенными в работе полиции?

Хотя автор прямо и не говорит об этом, заметно, что он исходит из некоторой своей систематизации техники, которая определяет последовательность преподнесения приемов заочным ученикам. Эта последовательность, которую, правда, ему не всегда удавалось соблюдать, является следующей.

Начинается описание с нескольких вариантов «захвата и выверта руки» (выверт предплечья), поскольку «это основной прием» «Жиу-Житсу», повторяющийся с различными изменениями почти во всех нижеизложенных приемах нападения и обороны. Этим приемом, равно, как и вывертом кисти руки (дожим кисти - М. Л.), парализуется свобода действий руки противника, и дальнейшая борьба ведется как бы с «одноруким». Каждый из этих приемов, усиленных давлением на «чувствительное место на запястье или кисти», завершается подножкой.

Далее следует серия рычагов локтя вверх в стойке, которые характеризуют

Захватить и вывернуть кисти руки.

Исполнение 1. Схватите левой рукой за кисть правой руки противника таким образом, чтобы она оказалась у вас в ладони, а мизинный палец был внутри уа и чтобы ваши четыре пальца упирались в мягкую часть ладони у большого пальца, а своим большим пальцем давите ему руку с тыльной стороны.

2. Сгибай руку противника в локоть. вывертывайте, ее в левую от себя сторону, и книзу. Можно помогать себя и другой рукой, схвативши кисть. руки противника. со стороны мизинца и надавливая большим пальцем также на тыльную сторону его ладони.

3. Поставьте свою правую ногу позади правой ноги противника, тогда его легко поставить на колени и даже положить на спину. Дальше можно применить прием как. удерживать противника лежащего лоцом вверх исполнение которого будет объяснено ниже.

Прием простого рычага (вывод вон).

ся не только в качестве способов конвоирования («вывод вон»), но, в некоторых случаях, и как контратакующих приемов. Описывая один из них - «милицейский» рычаг локтя вверх захватом руки под плечо, названный им «иди-же», автор поясняет: «Знание этого приема (равно, как и приемов «просто-

го» и «двойного рычага» и «перелома руки») особенно полезно чинам полиции. Часто видишь, как неумело взятый городовой буян сопротивляется и дергается, не желая идти. Применение этого приема делает противника покорным, и он идет за вами, куда угодно. Причем тут отсутствуют все грубые и

Исполнение 1. Схватите правую руку противника способом, описанным в предыдущем приеме «выверта руки» вытягивая и упирая себя в грудь.

2. Свою левую руку просуньте ему под его правую и охватите за воротник, или складки платья как можно выше.

Наблюдайте при этом, чтобы тыльная сторона локтя противника (рычаг) приходилась вниз, а ваша вытянутая левая рука (точка опоры) выше его локтя. Больше или меньше сильное подавление на этот своеобразный рычаг, зависит от усмерения и активных действий противника, который неминуемо поднимается на цыпочки.

Помните что этим приемом легко сломать руку противника, а потому действуйте осторожно. На практике не трудно доказать, что, левой рукой, противник защищаться лишний будет всякой возможности, и пойдёт за нами куда угодно.

Прием. двойного рычага (вывод вон).

Употребляется для той же цели, как и прием «иди-же» * *) и «простого рычага» и особенно примыним, когда противник, одет, в легкую (летнюю), одежду. Не советуется применять его к противнику в теплой одежде в особенности с меховым воротником.

Исполнение 1. Сначала продольвайте описанное в п. 1. предыдущего приема «простого рычага», а затем (вместо захвата одежды).

2. Крпко обхватите пальцами за затылок и гибайте ему голову книзу, надавливая большим пальцем на «чувствительное место» под правым ухом при упрямлениях оно найдется, только поищите. Противник будет в ваших руках.

*) См. рис. №3.

**) Будет описан дальше.

Перелом руки.

Рис № 41

Рис. № 19.

некрасивые способы, вроде толчков (здесь явный эвфемизм - замена словами «тычки кулаком» слова «удары». - М.Л.) и «шивороты».

Демерт также сообщает о возможности «перебросить» взятого на этот прием: «откинув своей левой - его правую ногу, легко можно сломать руку». И так между прочим, разрешая и повреждение, добавляет: «Если противник такого сорта, что церемониться с ним не приходится, то его можно перебросить». Боюсь, однако, что «сорт противника» определялся в этом случае не только и даже не столько опасностью задержанного, сколько его социальной принадлежностью. С «простонародьем» тогда действительно не слишком-то церемонились.

Так как предшествующие приемы могли закончиться «сваливанием противника», вслед за ними приведены действия против врага, «лежащего лицом вверх» или «лицом вниз».

Далее следовал десяток способов освобождения от захватов и защит от ударов с неперменной контратакой броском, удушением, рычагом локтя или ударом: «как свалить нападающего при замахе», «захват горла при замахе», «осво-

Обезоруживание противника, стоящего с револьвером в кармане

Рис. № 20.

вождение захваченной руки», «не хватай за горло», «оборона от захвата сзади».

На смену им приходили несколько приемов нападения: удары, броски и затем - рычаг локтя вниз на земле.

Завершали книгу всего лишь три приема обезоруживания, не очень надежные, явно недостаточные, чтобы обеспечить безопасность в наиболее угрожающие моменты полицейской работы. Первый предусматривал отражение нападения с холодным оружием, но только при ударе им сверху. Это был уход влево, захватывая правой рукой (большой палец внизу) вооруженную руку с ее вывертом и рывком вперед. Затем следовало сделать «пол-оборот вправо», толкнув левой рукой в правое плечо противника и «сильно ударя тыльной стороной левой ноги у пятки по правой ноге противника у ступни спереди» для броска.

Два других рассчитаны на обезоруживание преступника, вооруженного револьвером. Однако один из них имел в виду только тот случай, когда оружие еще не обнажено, а находится в кармане. А другой вообще рекомендовал при обезоруживании только нападение сзади.

Но таким уж был уровень техники, преподнесенной «сенсеями» русскому читателю.

Говоря о том времени, А.А. Харлампиев написал в одной из своих книг так: «Интерес к приемам самозащиты и нападения рос с каждым днем. Предприимчивые издатели стали выпускать книги: Н. Гарман⁴, Кара Ашикага выпустили руководства по джиу-джитсу, вышла небольшая книжечка Эмиля Андрэ «Искусство защищаться от уличных нападений». Такая, с позволения сказать, «литература» была так составлена, что выполнить описанные там приемы было невозможно».

Об Эмиле Андрэ мы поговорим в следующей главе, а вот что касается японских приемов тех лет, то, справедливости ради, стоит сказать, что при всех недостатках, их не только «возможно было выполнить», но даже и практиковать в полиции.

С высоты современных достижений совсем не трудно вполне убедительно раскритиковать работу полицейского капитана, прямо указав на множество ее недостатков. Однако следует понять их неизбежность в те годы и не позволить этим недочетам заслонить несомненные положительные стороны. Круг знаний автора был жестко ограничен только той не слишком высококачественной специальной литературой, которая была ему доступна. И нельзя не признать, что он сделал практически все, что мог в подобных условиях. Его книга выгодно отличается от целого ряда использованных первоисточников, «наставлений» - как по-военному он их

называет. Став первым нашим специалистом, осуществившим здравый, деловой подход к неумеренно разрекламированной японской технике, он достаточно правильно выбрал приемы не только с точки зрения их эффективности и практической полицейской потребности, но даже с учетом особенностей нашей одежды, резко отличной от японской. Именно из-за этого в книге существенно ограничено болевое воздействие надавливанием на чувствительные точки, которые могут быть защищены одеждой, особенно зимней. Нельзя не отметить и педагогический пыл капитана, который требует от своих заочных учеников по максимуму, порою даже перегибая палку: рекомендует «набивать» ребро ладони не постепенно, а «чем больше, тем лучше»; а разучивая удар по горлу, не ограничиваться только холостыми «примерными замахами», но «обвязывать горло обороняющегося чем-либо мягким» и бить, «хотя и не очень сильно».

Конечно же, объективно, предложенная техника не совершенна и не достаточно надежна, но нельзя забывать, что это был всего лишь начальный общеевропейский уровень тех лет. Только первый шаг в освоении приемов защиты и нападения, а в поисках правильного пути был и неизбежен, и необходим даже отрицательный опыт. Поэтому, при всех своих, пусть довольно скромных, достоинствах, публикации капитана А.А. Демерта безусловно сыграли позитивную роль в овладении российской полицией способами безоружного рукопашного боя.

⁴ Харлампиев имеет в виду книгу: Гарман Н., Ганкок И. Джю-джицу. Метод японской атлетики. Перевод с французского. СПб., 1908.

Глава 4

Самооборона a la francalse

Один наш доморощенный «сенсей», обильно публиковавшийся в последнем десятилетии, частенько помещал в своих книгах и статьях иллюстрации, не имевшие никакого отношения к тексту. У него можно было увидеть и несколько рисунков из старой книги, которые он привел с единственной целью «повеселить читателей» никчемностью, по его мнению, этих приемов.

Я не уверен, что увеселение читателей вообще должно входить в круг обязанностей авторов подобного рода литературы. Не говоря уже о том, что такое скоморошье глумление над несовершенством техники давних лет совсем не способно заменить ее профессиональный анализ и объективную оценку.

Вместо того, чтобы попытаться самому понять, а затем и пояснить читателю, какими непростыми, «извилистыми» дорожками пролегал путь постижения эффективных способов самозащиты, «шаловливый» автор, откровенно ёрничая, панибратски заигрывая с читателем, предпочел просто скользить по поверхности. А ведь любая, пусть даже самая несовершенная система - это всегда неотъемлемый и необходимый фрагмент широкого полотна эволюции рукопашного боя. Очередная ступень, еще один шаг в неизменном поступательном движении к так трудно достижимому совершенству. А между тем, иллюстрации этих «никчемных» приемов взяты были из работы весьма своеобразного и почти неизвестного у нас специалиста - Эмиля Андрэ.

Эмиль Андрэ был знатоком французского бокса, а также приемов быто-

вого и криминального рукопашного боя, и, вероятно, одним из пионеров французского джиу-джитсу. Помнится, мне даже довелось когда-то видеть парижское издание его книги о джиу-джитсу, в середину которой был почем-то подвёрстан текст о французском рукопашном бое. Тот самый текст, переводы которого дважды издавались у нас до революции.

Это было время повального увлечения японской системой и обильного выпуска литературы о джиу-джитсу. Вероятно, в этих условиях два различных издательства совершенно независимо друг от друга сочли, что выпускать очередной перевод руководства по джиу-джитсу нецелесообразно и что значительно интереснее будет какая-либо иная, новая система самозащиты, еще не известная широкой публике. Так, в 1909 году на прилавки книжных магазинов легли сразу два различных перевода одной и той же книги Эмиля Андрэ.

В качестве приложения к научно-популярному журналу «Вестник знаний», который охватывал весьма широкий круг серьезных тем - от теории Дарвина и работы А. Бебеля «Женщина и социализм» до международного языка эсперанто и практического курса сельского хозяйства, вышли под одним переплетом работы профессора Г. Блюнчли и Э. Андрэ «Гигиена телесных упражнений и самооборона. Перевод с немецкого и французского Н. В. Горкина».

Между двумя авторами листаж книги был поделен строго поровну, хотя самооборона считалась всего лишь как бы приложением к серьезной работе про-

фессора. Второму разделу книги под названием «Самооборона. Сто способов самозащиты на улице для безоружного» редактор-издатель журнала и редактор книги В.В. Битнер в своем предисловии посвятил всего лишь один небольшой абзац: «Относительно приложения о «Самообороне», носящего чисто практический характер, мы не считаем нужным распространяться, так как в настоящее беспокойное время (Разгул «идейной» и «безыдейной» преступности, разбуженной революцией 1905-1907 годов, вероятно, все еще давал о себе знать. - М. Л.) каждый рискует очутиться в положении, когда ему может понадобиться умение защитить себя и своих близких от нападения злоумышленников. Такие указания, изложенные в очень наглядной форме, и имеет целью преподавать французский автор книжки о самообороне без оружия».

Вторым публикатором было Санкт-Петербургское издательство А.Я. Озерова, хотя и отличавшееся довольно универсальным характером, но имевшее заметный спортивный уклон. Оно выпустило книгу Андрэ под заголовком «Искусство защищаться от уличных нападений. С 60 рисунками. Перевод с французского Ф.Н. Латернер».

Если оставить в стороне неизбежные небольшие отличия в изложении двух различных переводчиков, то можно говорить о почти полной идентичности основной части текстов двух русских изданий. Однако это «почти» заставляет предполагать, что хотя переведена была одна и та же книга Андрэ, но в двух различных вариантах ее французских изданий, весьма незначительно отличавшихся в своей главной части.

Различие в названиях здесь - еще не достаточное доказательство. Тогда с подобного рода «мелочами» не очень-то церемонились, и «улучшить» заголовок в чисто рекламных целях вполне могли и сами наши издатели. Точно так же, как и произвольно изменить разбивку текста на главы и разделы с тем, чтобы самый последний прием непременно занумеровать анонсированной в заголовке цифрой 100.

Более убедительным является различие текстов первых страниц в двух этих книгах. И еще - совершенно разные, хотя и исполненные одним и тем же художником, рисунки, иллюстрирующие технику французского бокса. Изображены на них абсолютно аналогичные боевые движения, но в озеровском издании их выполняют соперники, облаченные в спортивную форму тех лет и в перчатках, а в приложении к «Вестнику» с этими самыми спортсменами происходит странная чисто рекламная метаморфоза...

Основными выгодными покупателями литературы, в частности и такого рода, во Франции были буржуа и «белые воротнички». И вот, с явной целью заинтересовать, угодить и польстить этой светской или «полусветской» публике художник «переодевает» дерущихся противников. Теперь уже отважные мось в шелковисто лоснящихся цилиндрах и фраках или, на худой конец, в котелках и визитках лихо разделяют голыми кулаками «хулиганствующих пролетариев» в кепочках, пиджачках, с пестрыми платками на шее.

Завершалась книга Андрэ наглядной сводной таблицей ударов и защит французского и английского бокса, в

том числе и не только чисто спортивного характера. Довольно удачно исполненная, она впоследствии не раз перепечатывалась и в других наших изданиях. Но вот о самом Эмиле у нас с тех пор не было ни слуху ни духу. И вы, конечно, поймете, как обрадовался я, увидев недавно яркую обложку объемистой книги минчанина А. Тараса «Французский бокс сават», заключительная часть которой была озаглавлена: «Сават для самозащиты. Андрэ Эмиль. 1900 год!» Так вот когда, наконец, почти целое столетие спустя, можно будет узнать все об этом мастере! Тем более что автор - Тарас (которого я скорее назвал бы всего лишь составителем, хотя он и поставил на обложке свою фамилию) на ее страницах с обычной своей «скромностью» дважды заявил, что «книги», столь насыщенной информацией, нет даже во Франции, на родине французского бокса сават».

Однако... Собранные в книге переведенные с французского материалы могли бы представлять значительный интерес, если бы не было оснований сомневаться в их подлинности и точности изложения. А основания эти дает именно глава, посвященная системе Эмиля Андрэ. Начав читать ее, я с первых же строк, не без удивления, убедился, что искушенный «автор-составитель», разумеется, не сообщая об этом читателям, просто-напросто переписывает текст более краткого издания Андрэ, переведенного девяносто лет назад Н.В. Горкиным для «Вестника знаний». Но и это еще не все! Ловкий минчанин запросто вносит в текст Андрэ свою правку технического характера, подгоняя текст француза под свои собственные представления о рукопашном бое. Оставляя в стороне моральную сторону подобного «авторства», я просто не имею права не сказать о чисто фактологических искажениях текста французского мэтра. Ведь читатели полностью доверяют самооценке Тараса как «широко известного в СНГ специалиста», автора «знаменитого бестселлера», и не имеют никакой возможности проверить достоверность предлагаемого им

текста и самостоятельно выявить его, скажем так, «неточности».

А проверять очень нужно, и весьма тщательно!

Хотя Тарас обнародовал более короткий вариант книги, из «Вестника знаний», даже этот текст показался ему слишком длинным, и он бесцеремонно коверкает его, сокращая и выбрасывая большие абзацы или меняя их местами. Даже там, где француз специально оговаривает, что десять первоначальных приемов составляют «своего рода систему», Тарас совершенно произвольно «корректирует» эту систему и вместо десяти пишет «пять».

Известно что, делая даже небольшую купюру в чужом тексте, публикатор обязан так или иначе обозначить это, но здесь вы не найдете даже намека на это добропорядочное правило. Никакого уважения ни к подлинному автору, ни к читателю!

Однако же даром подобные фривольные экзерсисы вовсе не проходят. Неряшливая работа под сомнительным девизом зошенковского персонажа «Публика - дура! Она же ничего не заметит!» оборачивается скандально комическими эпизодами.

У Эмиля Андрэ одна из иллюстраций демонстрировала встречный апперкот справа в лицо противника, пытающегося нанести удар головой в живот (стр. 62, рис. 20). Тарас поместил этот рисунок в «своей» книге с таким пояснением: «Схватывание носа, сжимание, скручивание (рис. 22). Этот прием состоит в том, чтобы внезапно схватить за нос, сдавить его между указательным

Андрэ говорит, что на рисунке изображен встречный апперкот, наносимый противнику, бьющему головой в живот. Но А. Тарас уверяет, что это «схватывание носа, сжимание, скручивание»! Вопрос: кто кого оставляет с носом?

Meisterringer G, Streng und E. Nitschke Berlin).
(Stnng hat Nitschke mit „Cravatte“ erfasst).

Подлинный крават в исполнении немецких профессионалов

и средним пальцами (или большим и указательным), образовав нечто вроде тисков» (стр. 292).

А это - французское сырье», из которого «умелец» сварганил свой собственный потрясающий «крават». У Андреэ это две фазы нанесения удара головой в лицо с захватом противника за шею. Фальсификатору хватило одной первой фазы. Пришлось лишь подрисовать отсутствующую в оригинале левую руку нападающего.

Рис. 18

Рис. 19

23

Для сравнения: тарасовский самокрыйный «крават», как он его представляет

Говоря об используемых в бою жестких приемах французской борьбы «крават» (галстук) и «коль» (ошейник), Эмиль не приводит изображений этих хорошо известных в те годы захватов. Но Тарас, хотя и явно не знает, как они выглядят, и здесь «не сплеховал». Чтобы показать читателю «крават», взял рисунок 18 (стр. 59), который у француза иллюстрирует захват головы противника для нанесения удара головой в его лицо (у Тараса стр. 293, рис. 23). А вместо «коль» использовал рис. 16 со страницы 58, где показана первая фаза освобождения от захвата за одежду на груди нырком между руками противника (у Тараса стр. 293, рис. 24). И это при том, что и «крават», и «коль» предусматривают плотный контакт с соперником, а на тарасовских иллюстрациях противников разделяет расстояние

Рис. 16

Рис. 17

вытянутой руки! Имеет там место также и фальсификация подлинных иллюстраций: к ним добавлены совершенно чуждые, искажающие их смысл детали (рис. 16, стр. 284; рис. 17, стр. 285). Или даны совершенно иные, неправильные объяснения (рис. 23, 24, стр. 293).

Да и разве дело только лишь в этой постыдной «юмористике» с иллюстрациями? В рекламных целях минский коммерсант от спорта дважды повторяет, говоря о французском боксе: «Он хорошо соответствует славянскому менталитету». Но в то же время не может назвать ни одной из славянских стран, в которых еще с конца XIX века проводились общегосударственные чемпионаты по этому виду спорта! Не знает даже, что именно книга Андрэ стала первой, преподнесшей основы савата русскому читателю!

Рецензировать всю книгу минчанина мне не позволяет ни объем, моей работы, ни ее непосредственная тема. Но не могу не заметить, что наши читатели, несомненно, не заслуживают такого откровенного неуважения к себе! При всем этом, в одном А. Тарас, несомненно, прав: «на родине французского бокса сават» подобной безграмотной книги нет, да и быть не может! И в этом мы можем только позавидовать французам!!! Ведь в результате излишне смелой самостоятельности ловкого автора его книгу уже никак нельзя будет использовать в серьезной работе, и всякий раз непременно придется прове-

рять подлинность любого из его сообщений, сопоставляя их с другими вполне достоверными материалами...

Однако же, от искаженного и достаточно сомнительного тарасовского варианта нам пора перейти к вполне реальному тексту Эмиля Андрэ, с которым русские читатели знакомились в 1909-м, а вовсе не в 1900-м году.

Издания книги Эмиля Андрэ, вышедшие как во Франции, так и в России, имели одну и ту же задачу: вооружить обывателя приемами бытового рукопашного боя. Хотя русские переводы в основном повторяли друг друга, озеровское издание несло больший объем информации за счет отсутствовавших у конкурентов двух заключительных, дополнительных глав о фехтовании ножами и палками.

Нельзя не сказать, что так походя охаянная Харлампиевым и осмеянная упомянутым выше веселым «сэнсэем» работа француза была совсем не так уж проста. Царствовавшей во всем мире

«Колье» a'la Тарас

сверхмодной азиатской системе он противопоставлял чисто европейскую. И делал это продуманно и достаточно расчетливо. В основу своего построения он заложил наиболее действенное и к тому времени уже достаточно технически разработанное европейское единоборство - французский бокс. Сами имманентные особенности этой галльской системы: работа, как минимум, на средней дистанции, а уж тем более возможность использовать только дальнюю, - ставили в весьма затруднительное положение джиуджитсера. Ему необходимо было сблизиться, чтобы провести захват или удар ребром ладони, а для этого нужно было прорваться сквозь «частокол» встречных ударов саватиста кулаками и, что еще опаснее, ногами. И если в отношении ударов кулаком у японцев существовала, хотя и не вполне оправданная, уверенность в способности всегда опередить противника и парализовать его руку ударом ребра ладони или успеть захватить ее, то защиты от ударов ногами у них разработаны были слабо.

Располагая крайне ограниченными материалами, очень трудно судить, намеривался ли Эмиль провести в жизнь такую, несомненно, перспективную концепцию. Однако совершенно очевидно, что он провел серьезную и результативную работу для того, чтобы реконструировать старое французское спортивное единоборство в действительную боевую систему, в которой главная ставка делалась на специально отработанные удары руками и ногами.

Нельзя сказать, что французский бокс был в России в новинку. Уже более десяти лет в Санкт-Петербурге преподавал популярнейший Эрнест Лустало, выпускник Жуанвильской школы. Да еще и до него, хотя и в очень скромных масштабах, уже практиковали сават заезжие французские фехтовальщики, гимнасты и чешские соколы. Но французский бокс Эмиля был уже совсем не тем, какой когда-то на московском циклодроме демонстрировал старый «сокол» Олышаник. И дело было не только и даже не столько в значительно возросшей за эти годы технике.

Не так уж часто можно встретить самоучитель столь нестандартного и своеобразного характера. Самоучитель, автор которого так предусмотрительно, вдумчиво и точно, как Эмиль, оценивает состав своих заочных учеников и их реальные возможности. Конечно же, среди благополучных обывателей, нуждающихся в защите от уличных нападений, было совсем не мало уже не молодых и таких, кто еще никогда не занимался физическими упражнениями. Для них поднять ногу на высоту, необходимую для удара по голове противника, было вещью, просто физически невозможной. И Андрэ решительно отвергает «завлекательную», но слишком сложную и рискованную чисто спортивную изощренность. Он прямо заявляет: «В нашу задачу не входит излагать... частности более или менее блестящие, но порой бесполезные с точки зрения успеха в борьбе». Неколемый критерий преподносимой им техники «упрощенного бокса» - довольно простые в исполнении, безопасные для атакующего и достаточно действенные приемы, способные надежно обезвредить противника. «Самые простые и самые практичные удары французского бокса... наиболее простые и важные...» - говорит он о них. При этом, в отличие от некоторых наших современных доморожденных и гоночаролюбивых сэнсэев, которые обрушивают на читателя многие сотни приемов в тысячах фотографий, хорошо зная, что эта «телефонная книга» и дочитана-то до конца не будет, французский мастер ограничивается всего лишь действительно необходимым техническим минимумом: «Приемы нападения и отражения, объясняемые нами в десяти первых способах самозащиты, составляют известную совокупность средств, своего рода систему, без сомнения, чрезвычайно упрощенную, но легкую для изучения и выполнения и не требующую непременно предварительной «тренировки». Уже из этих приемов можно извлечь большую пользу, если уметь хорошо и своевременно применять их».

Руководство исходило также из дифференцированного подхода к обучаемым. Те, кто, освоив «десятиприемный» «чрезвычайно упрощенный бокс», который, тем не менее, давал «возможность употреблять с пользою небольшое число составляющих его ударов», считал это для себя достаточным, мог этим и ограничиться. А тот, кто не желал останавливаться на достигнутом и хотел получить еще и дополнительные навыки, переходил, так сказать, в школу второй ступени, осваивая «более сложные приемы», но все еще только в пределах «упрощенного бокса».

Не оставались без внимания даже и те ученики, которым, «за неимением времени или по каким другим причинам», даже краткая система оказывалась слишком обременительной: «Кто хочет еще упростить задачу, тот ограничится: прямым ударом кулаком в лицо, нижним ударом ногой, ударом по ноге и ударом носком ноги. Совокупность этих приемов представляет особенно упрощенный бокс». Теперь уже всего лишь «четыреударный». Но, наверное, даже такой минимум миниморум был оправдан стремлением дать даже самым неумелым и ленивым обывателям хоть какие-то возможности самозащиты.

Открывали книгу «Предварительные понятия», включавшие подробнейшие объяснения «левой и правой классической сторожевой позиции» (стойки) и способов передвижения в бою. При этом автор, учитывая неопытность учеников, говорил: «Продвигаясь вперед, необходимо соблюдать величайшую осторожность»... И описывал «самые осторожные способы продвигаться вперед». Здесь же приводилось полезное замечание о зависимости между взаиморасположением ног противника и тем расстоянием, на которое он сможет продвинуться вперед при атаке.

Только затем следовало изложение «десятиприемной» системы самозащиты (под термином «прием» имелось в виду любое боевое действие, способное причинить вред врагу, в том числе и удары). И, несмотря на отлично разработанную французами технику ударов

ногами, первой же фразой Эмиля было: «Основа самозащиты - это удар кулаком в лицо, который можно наносить или прямо или сбоку». Пояснялся, однако, только лишь один тип удара - прямой в голову, но во всех его вариантах: «рукой, находящейся спереди» и «рукой, которую держат сзади», «на месте», «на ходу» и «выпадая». Выпад, как и обязательная постановка передней ноги на пятку при нанесении удара с шагом вперед, все еще сохранялись во французском боксе в качестве «тяжелого наследия» фехтовального искусства.

Здесь же приводились приемы защиты («парады») в виде отбивов прямого удара в голову - вверх и вправо, а удара в живот - «вниз и немного вперед». «Самый простой способ... - это держать правую руку прижатой к телу в области желудка, где наиболее грозят удары». Еще нужно было «уметь отступать в момент ударов противника... однако, не упуская случая самому нанести удар при первой же возможности». Уклоны, как слишком сложные движения, отвергались, хотя, в то же время, рекомендовался значительно более сложный и совершенно современный вид защиты - «останавливающий», то есть опережающий встречный удар в голову.

Крайне практично, за неимением другого, взять в одну руку свою шляпу и пользоваться ей как щитом.

Рис. 44.

Еще лучше, если имешь время, быстро снять свое верхнее платье и обмотать его вокруг левой руки.

Въ такомъ случаѣ слѣдя за всѣми движеніями противника вооруженнаго палкой и при-

Ударов ногами предлагалось три. «Нижний удар» наносился краем подошвы по большой берцовой кости и как можно ниже. Этот причиняющий сильнейшую боль удар в случае необходимости можно было тут же повторить. Но использовать «нижний» удар следовало только в том случае, когда соперники находились в «ложной» или «неправильной позиции». То есть один из них в левой, а другой - в правой. При «правильной позиции» удар приходился не в голень, а в икру и заметно терял в своей разрушительной силе.

Запрещенный в спорте «удар носком ноги» мог быть нанесен как «ногой, находящейся спереди», так и «находящейся сзади», и направлялся в нижнюю часть живота или половые органы противника. При необходимости тоже мог быть дублирован.

Третий - «останавливающий удар» по своей сути являлся контрударом в форме встречного удара. При попытке противника нанести удар ногой, опережая его, били подошвой впереди стоящей ноги по его голени.

Сложные способы парирования ударов ногами отвергались, так как при такой не слишком тщательной подготовке они вполне могли оказаться значительно опаснее для обороняющегося, чем для атакующего. Защищаться следовало, «отступая назад или в сторону, или же убирая только ногу, если удар грозит ноге». Для активной защиты использовались «останавливающий» или «нижний» удары.

Говоря о ложных атаках и уловках (финтах), Андрэ считает правильным в пределах «упрощенного бокса» вообще отказаться от них. Так как опытного противника они не обманут, а неопытный, «не различая, делаете ли вы ложную или настоящую атаку, старается ударить вас и бьет «вслепую». Поэтому в бою надлежало наносить только лишь действительные, сильные удары.

В следующем разделе - «Более сложные приемы» - описаны «удар кулаком в лицо сбоку» (свинг), «прямой удар кулаком по туловищу (в области желудка)», «удар сбоку по туловищу (в облас-

ти желудка)» (свинг). И так же, как в первой части, рассматривались варианты этих ударов: «рукой, находящейся спереди или сзади», «на месте», «на ходу» и «выпадая».

Следует сказать, что в начале этого раздела отмечается одно из расхождений между двумя рассматриваемыми изданиями книги. Встречный свинг в голову или корпус с уклоном от прямого в голову входит в технический арсенал озеровского издания, а в более упрощенном варианте «Вестника» из числа приемов исключен, как слишком сложный. Похоже, что «Вестник» выбрал для перевода более раннее французское издание книги и более упрощенное.

Последним ударом французского бокса, с которым познакомились читатели, был мощный и «дальнобойный» удар «каблуком по ноге». Так же, как и «нижний удар», он поражал голень противника. Находясь в «ложной позиции», ступню задней ноги, повернув ее носком назад, ставят рядом с передней, которая и наносит удар по передней (разноименной) ноге противника. Вес тела переносится при этом на заднюю ногу, которая, сгибаясь в колене, позволяет увеличить дальность удара.

Таким образом, удары ногами в системе Андрэ поражали только цели, расположенные ниже пояса противника. Эти удары были менее сложны и более надежны.

Техника французского бокса располагает еще многими ударами, но автор утверждал: «Удары ногой по туловищу и в лицо не входят в нашу упрощенную систему. Впрочем, они не всегда практичны даже и для опытных бойцов». В отношении «отбоя ударов», то есть защит, и ложных атак, в принципе, сохранялись те же положения, что и в первой главе.

Несомненным достоинством книги было то, что в ней проводился принцип «связанных ударов». В подавляющем большинстве руководств удары преподносились разобщенно, обособленно друг от друга. Описывалась всего лишь их техника без указания наиболее целесообразных способов их сочетания

в бою, «серийного» использования. В нашем же случае, хотя речь шла всего лишь об «упрощенном боксе», Эмиль не забыл перечислить и рациональные, тактически обоснованные «связанные удары»: если один из них направлялся кулаком в голову, то другой - ногой по ноге, и наоборот. Если при этом первый удар и был неудачным, то, как правило, отвлекал внимание противника от следующей, диаметрально противоположной цели.

В завершавших главу «Общих советах для настоящего боя» рекомендовалось в преддверии возможной схватки не слишком приближаться к противнику, чтобы не получить от него неожиданнный удар, и вообще - бить первым. Здесь же цитировался «известный французский боксер г. Леклерк», который «в своей полной методе бокса говорит: «Бейте решительно, энергично и хладнокровно, избегайте приближаться, чтобы не попасть случайно под сильный удар, какие противник не применит сыпать направо и налево без разбора... Противник, кинувшийся на вас, может быть остановлен или ударом кулака, или нижним ударом ноги, или ударом каблука по ноге; или, наконец, можно увернуться от него, бросившись в сторону...»

И хоть эта цитата уже завершала раздел, ее продолжение можно было прочитать в очередной - третьей главе - «Борьба и разные удары (Удары ночных нападений т. п.)». В отличие от упоминавшегося мной петербургского преподавателя Крестьянсона, и Леклерк, и Андрэ отлично понимали всю опасность, которую представляли захваты для бойца, оснащенного только техникой французского бокса. Захваты с бросками и болевыми приемами являлись угрозой даже для знатоков английского бокса, несмотря на то, что в нем, в отличие от французского, успели уже обзавестись «инфайтингом» - техникой ближнего боя, боя почти вплотную. А французский бокс все еще оставался «фехтованием четырьмя конечностями» на дистанции, начисто исключавшей ближний бой. Пункт десятый правил

диктовал: «Близкая схватка не должна иметь места; в случае же, если она все-таки состоится, судья немедленно разъединяет противников». А «боксер, который вызывает близкие схватки», мог быть даже дисквалифицирован.

Неудивительно, что цитата из Леклерка уже в следующей главе продолжалась следующим образом: «Боксер должен всеми силами избегать рукопашной, но бывают случаи, что противник застигает вас врасплох. Если вы сохраните хладнокровие, вам будет легко отделаться от него». Далее он, а вместе с ним и Андрэ, приводили различные приемы и удары, пригодные при борьбе вплотную, в захвате. Эти «особые приемы» объединены в несколько «серий» по степени сложности «и заключают в себе некоторые хитрости, как говорят, «трюки». Взятые они из самых различных источников.

Прежде всего, были задействованы приемы французской борьбы, как разрешенные, так, главным образом, и с запрещенными «хитростями». В качестве бросков фигурируют «ложный тур де бра с ударом под ножку», то есть бросок с захватом руки на плечо, дополненный запрещенной в спортивной борьбе подножкой. Ей же был снабжен и «ложный бра руле» - бросок захватом руки под плечо. Разнообразные захваты головы в стойке: запрещенные в любительской борьбе «крavаты» и недозволенные даже в профессиональной «колье де форс» - позволяли придушить противника или свернуть ему шею. При освобождении от обхвата спереди («передний пояс») следовало отжимать голову соперника не ладонями в подбородок, а предплечьем, наложив его на горло. В качестве освобождения от этого же обхвата предлагались также надавливание на глаз и «выверт головы».

Не осталась без внимания и техника старинного савата, в точном смысле этого слова, которое когда-то не очень точно переводилось у нас как «драка ногами». Один из наших дореволюционных специалистов утверждал: «Ногами дрались всегда с особым удовольствием подонки парижского населе-

ния...». При всей резкости суждения оно, похоже, недалеко от истины. Этот вид рукопашного боя действительно родился лет триста назад в низших слоях французского простонародья, нищих, бродяг, которые в те далеко не безопасные времена не имели никакого оружия, кроме палки да еще тяжелых изношенных башмаков. И первоначальный, теперь уже устаревший, смысл слова «сават» - это именно «старый, стоптанный башмак». Если же учесть, что такой башмак вполне мог быть и деревянным - «сабо», то нетрудно представить, что при умелом пользовании оружие это действительно было внушительным. Замечу кстати, что слова «сабо» и «сават» имеют один и тот же корень.

И конечно, не мог пройти мимо такого «невидимого оружия» французский криминалитет, очень в нем нуждавшийся и даже приложивший руку к его усовершенствованию.

Из этого стародавнего безжалостно кровавого савата и бытовой самозащиты пришли в книгу «кроличий удар по затылку»; «известный удар ладонью в нос» (ее основанием снизу-вверх); тычок пальцами в глаза; ребром ладони по горлу; локтем в лицо, в грудь, под ложечку, по нижним ребрам; коленом по половым органам, а также их сдавливание.

Перечислялись четыре варианта удара головой: в лицо, притягивая к себе обеими руками голову противника; затылком при обхвате сзади; «удар головой сбоку, когда самая твердая часть черепа попадает в лицо противнику», а также удар головой в живот (такие удары, впрочем, «особенно рекомендовать не приходится..., так как они практичны только при большом навыке, которыми, конечно, могут отличаться только профессиональные грабители»).

Броски, не связанные с французской борьбой, прежде всего, представлены подножкой. Первый ее вариант не блистает техникой: находясь слева и немного сзади от противника, следовало «представить ногу» и обеими руками потянуть его назад. При этом левая рука делала захват за одежду на одноименном плече противника, а выпрямленная

правая накладывалась предплечьем на шею и тоже толкала назад.

Второй вариант, при всей своей незатейливости, располагал небольшой, но ценной деталью: француз требовал, чтобы нога не просто подставлялась, а совершала еще и «удар», точнее толчок: «Этот удар нужно делать резким движением, толкая своей ногой ногу противника вблизи коленного сустава последнего». Такой несложный маневр немного сгибал колено атакующей ноги, уменьшая устойчивость противника, и значительно облегчал выполнение приема.

Под тем же названием «подножка» фигурировала и примитивная подсечка, которая использовалась, если противник слишком далеко выдвигал ногу вперед и переносил на нее вес тела. «В этом случае можно нанести удар ногой по ноге, подобный движению косы при косье, и таким образом заставить противника потерять равновесие». Никаких захватов руками при этом не делалось.

Все броски, в которых одним из элементов являлась подножка, даже те, что в своей основе заимствовались из арсенала французской борьбы, были объединены в «Третью серию особых приемов. Удары с переплетением ног». Поэтому бросок захватом ног с ударом головой в живот в нее не вошел, а фигурировал во второй серии «Удары головой и их парады».

Болевым приемам отведена серия «Скручивания», они же «выворачивания» и «вывертывания».

Открывал серию один из самых древних болевых приемов, служивший также приемом конвоирования и удержания в положении стоя. «Это вывертывание руки - классический прием полицейских», - говорит Эмиль, но тут же добавляет: «Первый способ выкручивания удастся только в том случае, если противник захвачен врасплох...». Такие примитивные способы когда-то именовались у нас «загиб руки за спину силой», а сейчас если и употребляются, то только в бытовых потасовках.

Во втором способе, как и в первом, захват делался одной рукой за запястье,

другой - за кисть, что вызывало дополнительное болевое ощущение при выворачивании руки также и в запястном суставе.

А все отличие второго варианта состояло в том, что атакующий наклонялся в сторону захваченной руки, используя вес своего тела и страхуя голову от возможных ударов свободной руки противника. Чтобы лишить противника возможности сопротивляться, захваченную руку следовало поднимать выше.

Практиковалось также «вывертывание руки наружу» (выверт предплечья). При усложненном его варианте следовало поднырнуть под захваченную руку «для того, чтобы увеличить силу выкручивания».

Предлагался и еще один, весьма замысловатый способ «вывертывания руки наружу», представлявший собой скорее не выверт предплечья, а рычаг локтя захватом руки под плечо с одновременным ее выкручиванием. При этом следовало повернуться спиной к противнику и сесть на землю, увлекая его за собой.

Весьма разумно предусматривалось, «что, если вывертывание в одном направлении не удастся, можно попытаться внезапно выкручивать руку в другом направлении, пользуясь самым движением противодействия противника».

Кроме «вывертывания пальцев» и «выворачивания головы», описано было и «вывертывание ноги» лежащего противника. Для этого «одной рукою схватывают каблук, а другой - носок ноги противника». А избегая удара его свободной ногой, на нее наступают подошвой.

Против всех этих болевых приемов приводились также возможные защиты и контратаки.

Последняя, пятая серия особых приемов именовалась «Приемы, употребляемые специально при ночных нападениях». И читателей, конечно же, не могли не заинтересовать криминальные сюрпризы, которые ожидали их во время романтических поздних прогулок по безлюдным окраинным улочкам. «Чарующий» полночный мир «парижских тайн» заготовил для них не только три-

виальных полупьяных грабителей - одиночек с четырехдневной щетиной на испитых мордах. На окраинах Парижа хозяйничали банды воров и хулиганов, присвоивших себе, для пущего устрашения, имя «кроважного и дикого» северо - американского индейского племени апачей. Во французском произношении оно звучало как «апаш». Сегодня единственным воспоминанием об этих «беспредельщиках» остался лишь устаревший фасон рубашки с большим отложным воротником. Именно в таких рубашках, по мнению уголовных грамотеев, щеголяли полуголые апачи.

И вся эта воинственная и «законно-послушная» публика, отлично владевшая сагатом и большими ножами с выкидным лезвием, имела еще собственные отработанные приемы нападения на своих жертв.

Одними из «аристократов» криминального мира были «французские ниндзя» с неблагозвучным прозвищем «гостиничные крысы». Они снимали номер в фешенебельном отеле и «работали» в длинных, извилистых и, ради ночного покоя состоятельных постояльцев, почти не освещенных коридорах гостиниц, надев черную одежду и мягкие туфли. Или даже ходили босиком, чтобы совершенно неслышно подкрасться сзади к припозднившемуся пьяному постояльцу. Нож с выкидным лезвием был их «резервным» оружием. А основным - «песочная колбаска» - узкий холщовый мешочек в форме колбасы или шкура угря, плотно набитые песком или дробью. Иногда в нее, в «ударный» конец, для утяжеления добавлялась и маленькая гирька. И если после удара по затылку «песочной колбаской» «клиент», пусть с сотрясением мозга, но все-таки оставался в живых, то вполне мог считать, что родился под счастливой звездой.

Андрэ раскрывал секреты уголовных приемов и снабжал заочных учеников способами защиты и контрнападения. В петербургских и московских отелях «гостиничные крысы», к счастью, не обитали. Но целый ряд приемов, которыми пользовались отечественные бан-

диты, были сходны с уловками французских преступников, имея, так сказать, интернациональный характер. «Работали» обычно в паре. Нападавший сзади нейтрализовал специальным захватом одинокого прохожего, лишая его возможности сопротивляться, а налетавший спереди - мгновенно очищал карманы от бумажника, часов и прочих ценностей. В большом ходу был «прием папаши Франсуа», когда сзади на шею жертвы набрасывали скрученный платок и, повернувшись к «клиенту» спиной, вздергивали его себе на плечи. Я не думаю, что знаменитая «шайка душителеев», терроризировавшая в свое время весь Петербург, хоть что-нибудь знала о парижском «папаше», но это отнюдь не мешало им набрасывать на шею веревочные петли ничуть не хуже, чем этот легендарный «классик» французского криминала. Так что и все «антикриминальные» наставления, изначально адресованные только французам, не пропадали втуне и для русских читателей.

Окончив описание техники, Андрэ завершил свое повествование необходимыми практическими соображениями. Рассматривались особенно сложные слу-

чай: во-первых, схватка с двумя или несколькими безоружными врагами. Рекомендовалось маневрировать так, чтобы хотя бы на несколько секунд отделить их друг от друга и точным ударом вывести из строя одного из них; использовать обманы: сделав вид, что нападаете на одного, нанести решающий удар другому; применять подручные предметы для нанесения ударов и метания их, чтобы если даже не поразить противника, то хотя бы ошеломить на короткое время, которое можно использовать для себя. Чтобы избавиться от угрозы нападения с тыла, следовало занять позицию в углу комнаты. А чтобы облегчить отступление при прорыве сквозь группу нападающих, рекомендовалось погасить свет и рвануться к выходу, «наносить удары направо и налево».

Чтобы противостоять нападающему с палкой или ножом, следовало, если позволяло время, быстро снять верхнюю одежду и обмотать её вокруг левой руки, чтобы конец одежды свободно свешивался вниз. Или хотя бы взять в левую руку шляпу. Этим импровизированным щитом надлежало блокировать удар палкой, а затем резко сблизиться с противником. «Кинувшись на противника, крепко сжимайте его, мешая ему, таким образом, пользоваться палкой, наносите ему указанные удары бокса и, в случае надобности, старайтесь выхватить у него его оружие...», - наставлял Андрэ.

При нападении с холодным оружием было целесообразно наносить врагу «дальнобойные» удары ногами: «нижний» или каблуком, удерживая его на дистанции даже одной угрозой таких ударов. Эффективно работали в таких случаях также удары носком ноги в половые органы или вооруженную руку.

Все это делалось под прикрытием матерчатого «щита». Нож, конечно, легко пронизывал ткань, но вооруженная рука, упершись в нее, останавливала движение клинка.

Содержание той книжки, которую выпустил «Вестник знания», на этом заканчивалось, но озеровский, более полный и основательный вариант имел

— 109 —

Ударь ножомъ или кинжаломъ въ лицо или въ тѣло наносять совершенно такъ же, какъ удары кулакомъ въ боксъ.

Рис. 59.

Можно при случай пользоваться приемами парадовъ въ боксъ, но гораздо предпочтительнее увертываться отъ ударовъ, чѣмъ хватать вооруженную руку противника.

Изучение бокса, фехтованія на рапирахъ и сабляхъ очень полезно для обращенія съ ножомъ или кинжаломъ, такъ какъ многіе приемы можно съ успѣхомъ применять въ боѣ на ножкахъ.

еще и вторую часть, включавшую две главы. Непривычное название одной из них - «Палки», скорее всего, удивит читателя. Между тем, фехтование на палках (тростях - «саппе») являлось когда-то международным видом спорта и даже включалось в 1904 году в программу Олимпийских игр в Сент-Луисе, собрав шесть участников от четырех стран. Золотую медаль тогда завоевал кубинец А. Ван Зо Пост.

Этот «демократический» вид фехтования, не требовавший слишком дорогого инвентаря, вместе с тем давал добротные начальные навыки единоборства и на спортивных эспадронах, и на боевых саблях.

Напомню, что сабля тогда все еще служила штатным армейским оружием, а дуэли, в том числе и на холодном оружии, хотя и доживали свои последние деньки, но все еще продолжали практиковаться.

Сверх того, «палочное» фехтование имело и еще одну немаловажную и тоже чисто прикладную функцию. Изящная трость была таким же непременным аксессуаром туалета элегантного мужчины, как и корсет для дамы. Вре-

мя, когда трости служили потаенными футлярами для стилета, кинжала или даже шпаги, уже прошло. Однако для владеющего фехтованием мужчины этот «аксессуар» все еще мог сослужить добрую службу при бытовой самозащите. В умелых руках эта, казалось бы, бесполезная изящная игрушка становилась надежным оружием даже против ножа апаша. Нельзя не согласиться с Андрэ, что «крепкая не слишком тяжелая палка, которой легко действовать, является очень полезным оружием для защиты и нападения». Действия тростью базировались, в основном, на эспадронной технике, но имели и свои действенные боевые особенности, такие, как удары по ногам, по половым органам и тычки концом палки, особенно если она имела металлический наконечник, в лицо и область живота. Для того чтобы выполнить тычок, находясь вблизи от противника, палку перехватывали правой рукой за середину или держали обеими руками, и тогда посредине была уже левая рука. А удары так же как и эспадроном, наносились по голове сверху, по левой и правой стороне лица, по левому и правому боку и по вооруженной руке.

— 91 —

пользоваться только в том случае, когда вы недостаточно знакомы с приемами бокса.

Рис. 46.

Теперь перейдем к ударам палкой в собственном смысле т. е. не концом палки. Это удары в голову, в лицо справа, в лицо слева, удар по кисти, enievеси удары в бок (правый или левый) и удары в ноги.

— 94 —

Рис. 48.

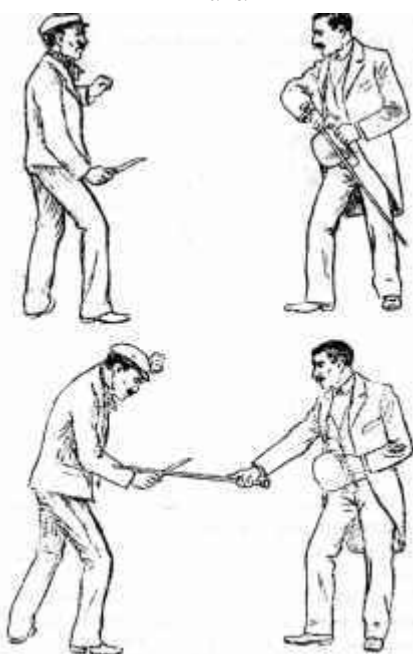

Рис. 49

Так как ни палка, ни трость не имели эфеса, защищающего кисть, парирова удары, приходилось наклонять палку так, чтобы оружие соперника, соскользнув, не поразило кисти обороняющегося.

В случае если это позволяла дистанция, следовало также использовать удары свободной рукой и ногами. При отражении нападения противника, вооруженного ножом, наиболее действенными являлись удары тростью по вооруженной руке, особенно по ее кисти, и по половым органам...

До сих пор считается, что первую русскоязычную книгу о фехтовании на ножах написал известный московский мастер Александр Люгарр. Он преподавал фехтование в качестве боевой дисциплины в Александровском военном училище и на курсах Московского гренадерского корпуса. Да и технику владения ножом он тоже описал отнюдь не для нужд «фехтовальщиков» с большой дороги. В те годы Московский художественно-общедоступный театр уже провозгласил новейшую театральную эстетику, и художественно-реалистическое, а не прежнее, не слишком грамотное, небрежно-условное сценическое воплощение покорило не только драматический, но и оперный жанр. Теперь теноры, басы и баритоны уже не могли действовать на сцене холодным оружием, ограничиваясь всего лишь сомнительной классикой современных им фехтовальных залов. Стало необходимым воспроизводить бой в той манере, в какой реально могли бы проходить дуэли Фауста с Валентином, Сен-Бри с Раулем и Хосе с Эскамилио. И вот, знаток исторического фехтования Люгарр стал обучать сценическому фехтованию солистов театра известного мецената С.И. Зимина, чья частная опера соперничала с близлежащим Государственным Большим театром. А для своих очных и заочных учеников Александр написал книгу «Школа сценического фехтования», в которой, кроме всего прочего, описывалась и техника боя на специфических испанских ножах - навахках...

Но все же книга Люгарра была уже только второй русскоязычной, описывающей способы ножевого боя. Александр опоздал на целый год по сравнению с переведенным руководством Эмиля Андрэ, последняя глава которого говорила именно о фехтовании ножами.

На вооружении французской уголовщины имелось два типа ножей различной длины и ширины клинка. «Большие ножи», как их называет Эмиль, являлись наиболее опасным оружием, так как ими можно было не только колоть, но и наносить опасные глубокие резаные раны, прорезая верхнюю одежду любой толщины.

Второй тип представляли «обыкновенные ножи и кинжалы». «В виду их незначительной длины и ширины ими лучше наносить колотые раны, как кинжалами (подкалывать)». А резаные раны можно причинить только там, где тело не защищено одеждой: руки, шея и лицо. Сама заточка клинка «обыкновенного» ножа не предназначалась для нанесения резаных ран, а имела целью увеличить размер колотой раны и не позволить противнику захватить клинок рукой так, как это можно было сделать со стилетом.

«Нож часто держат лезвием вверх. Причем острие ножа выше его рукоятки. Так держат нож преступники, когда в дуэлях между собой они стараются нанести противнику удар снизу вверх и «вспороть кишки».

«Опытные подкалыватели» отличаются необычайным умением бросать в противника с необычайной силой нож и наносить ему этим способом страшные удары».

Инструктируя читателей о приемах ведения наиболее опасного вида единоборства - нож против ножа, Андрэ говорит, что и там сохраняются основные принципы техники французского бокса. Могут пригодиться и некоторые приемы классического фехтования, но в значительно меньшей мере.

«Каким бы ножом вы не были вооружены, знание приемов французского бокса принесет вам большую пользу, так как вы будете в состоянии их при-

менять и в ножевой схватке. Так, удары ногой в ногу могут вывести из боя вашего противника, если он слишком выставлял свою ногу. Удар носком ноги в вооруженную руку противника может ее положительно парализовать. Отметим также полезность удара носком в половые органы противника, который бросается на вас с ножом в руке...

Принципы бокса в вопросах о движениях вперед и назад, о полувывпадах находят полное применение и в данном случае...

Удар ножом или кинжалом в лицо или тело наносят совершенно так же, как удары кулаком в боксе... Очень практичен удар в лицо, наносимый подобно удару кулаком в лицо в боксе. Он наносится или с места или с полувывпадом».

Использовать в бою можно было как левую, так и правую стойку, но с небольшими коррективами из-за наличия крайне необходимого импровизированного «щита».

Адя нанесения удара следовало выбирать момент, «когда противник замышляет удар и не думает о защите своей выдвинутой вперед части тела». Или попытаться застать его врасплох, никогда не забывая об использовании своего «щита», который можно было даже метнуть в лицо врага.

Защиты рекомендуются пассивного характера: «Левой рукой могут быть делаются парады, подобно парадом бокса, в тех случаях, когда рука свободна или же когда в ней держат какой-нибудь предмет для защиты».

Эффективных приемов обезоруживания в книге не содержалось, а те, что упоминались, описывались скороговоркой и с неперменным предупреждением об их опасности: «Если вы отразили атаку противника защищенной рукой..., вы стараетесь быстро приблизиться к нему и схватить его за вооруженную руку. Но обычно это очень трудно сделать, не поранившись самому».

«Если в руке ничего не имеется, то при параде вы рискуете быть раненым в руку, тем более, если вы пытаетесь захватить руку противника. Вообще

Такъ, если бой идетъ на большихъ ножахъ, можно наносить удары въ запястье, въ лицо и въ шею.

Рекомендуется держать въ левой рукѣ сложенное платье или просто на просто шляпу въ видѣ маленькаго импровизированнаго щита.

Рис. 60.

Если противник собирается на вас напасть и вертится вокруг вас, деляя слишком много движений и по неосторожности слишком приблизился к вам, вы можете нанести ему прямой удар в лицо.

очень трудно быстро схватить кого-нибудь за руку, когда он вооружен ножом или кинжалом... Можно при случае пользоваться приемами парадов в боксе, но гораздо предпочтительнее увертываться от ударов, чем хватать вооруженную руку противника...

Но самая разумная система защиты заключается в том, чтобы парировать при посредстве импровизированного щита, который держат в левой руке, стоя в левой позиции, или же отступать или же, наконец, увертываться от ударов».

В то же время, соблюдая большую меру осторожности в отношении своих, все еще не слишком подготовленных учеников, Андрэ требует в каждом случае удачного ухода от удара противника нанесения самых беспощадных контр-ударов ножом.

При всех своих неизбежных для того времени недостатках книга Андрэ, особенно ее второй, «озеровский» вариант, сыграла, несомненно, положительную роль. Хотя французский бокс тогда уже и преподавался в России, но лишь в небольшом количестве городов и только за плату, оставаясь недоступным для широкой публики. А хорошо

продуманная система французского специалиста позволяла познать азы французского бокса любому желающему, и к тому же, с внимательным учетом его конкретных потребностей и возможностей. Конечно же, здесь возможно немало основательных возражений, но я думаю, что в любом случае то, что давал Андрэ, было все-таки лучше, чем вообще ничего!

Стоило учесть и то, что преподавался при этом не только французский бокс, но, сверх того, еще и дополнительные навыки безоружного и вооруженного боя, чего в нашей литературе тогда еще вообще не было.

Я отметил бы еще и чисто теоретическое значение этого руководства, ставшего самым первым «книжным окном», открывшимся в почти неизвестный нам мир французского рукопашного боя.

При бесспорном наличии у французского автора и вполне действенной боевой техники, которая «работает» даже в наше время, конечно же, многие приемы, собранные «с бора по сосенке» из всех известных ему французских источников тех лет, имели существенные изъяны. И, в конце концов, вполне закономерно вышли из употребления.

Здесь самое время вспомнить утверждение А.А. Харлампиева о том, что «небольшая книжечка Эмиля Андрэ... так составлена, что выполнить описанные там приемы было невозможно». Для начала замечу в скобках, что в действительности даже неудачно построен-

ный прием все-таки можно выполнить при его отличной оттренированности, быстрой реакции и, особенно, при высоком уровне подготовленности противника. А вот именно подготовленность-то тогда находилась на очень низком уровне.

Вот и приходилось «выполнять» даже то, что «невозможно было выполнить», потому как ничего другого вообще не имелось.

И совсем не удивительно, что обе книги Андрэ разошлись довольно быстро, без труда найдя своих читателей, заинтересовавшихся новизной информации. А некий Л. Гданский, соблазненный подобным коммерческим успехом, даже выпустил уже в следующем году в издательстве А.Ф. Суховой «свою» книгу, в которой практически полностью воспроизвел и текст, и композицию, и даже иллюстрации, «позаимствованные» у Эмиля Андрэ.

И, наконец, последний штрих в объективной оценке работы старого французского автора: в начале девяностых годов на прилавке одного из севастьяпольских книжных магазинов я увидел репринтное издание его книги. Вероятно, даже тогда из этой работы, более чем восьмидесятилетней давности, все еще можно было почерпнуть какие-то полезные сведения... И я даже рискнул предположить, что именно с этого скромного прилавка пришла в пышный тарасовский трактат заключительная и не самая удачная глава о публикации Эмиля Андрэ...

Глава 5

«Вспышка» в качестве самозащиты

При всем том невероятном, бушующем уже не одно десятилетие за границей, а затем и у нас, ажиотажном увлечении самыми разнородными боевыми искусствами, одна из интересных национальных спортивно-прикладных систем остается в густой тени прочного забвения и полной неизвестности. Между тем, еще в годы пламенного англо-американского романа с японским джиуджитсу, эта древняя, но малоизвестная система попыталась даже выйти на мировую арену, претендуя на роль эффективной самозащиты.

У себя на родине, на «самом краю света», эта «золушка» практикуется уже более тысячи лет и продолжает процветать даже сегодня. Но тогда, в первых десятилетиях XX века, она стремилась, и порой не без успеха, пустить корни не только в Западной Европе, но и у нас в России...

Доктор Дж. Гельгасон появился в Санкт-Петербурге в 1912 году и отрекомендовался «чемпионом-любителем» Исландии по английскому боксу и национальной борьбе. Действительно ли в забытом Богом владении Датского королевства, Исландском острове на севере Атлантики, уже успели провести чемпионат по боксу, или доктор сам пожаловал себе такой почетный титул, остается неизвестным. Но если этот вопрос недостаточно ясен, то проживание Гельгасона на северном острове убедительно подтверждалось его знанием исландской борьбы.

Приезжего иностранца встретили в столице с чисто русским гостеприимством. Спортсмены дружелюбно чествова-

ли гостя. О нем писала спортивная пресса. В его честь устраивались специальные спортивные вечера. А среди петербуржцев нашелся даже смельчак-боксер, не побоявшийся бросить вызов заморскому чемпиону...

Даже в континентальной Европе, которая значительно опережала нас в спорте, английский бокс только еще начинал развиваться. А у нас дело обстояло прямо-таки плачевно. Если на рубеже XIX и XX веков и москвичи, и петербуржцы уже начинали культивировать британское единоборство, то затем положение резко изменилось в пользу савата - его галльского собрата-соперника. Заслуга в этом или вина лежала на едва ли не единственном в России дипломированном преподавателе спорта, «профессоре» Эрнесте Лустало.

Когда мне довелось беседовать с ветеранами ленинградского ринга о давно уже ушедшем из жизни тренере-французе, все они в один голос утверждали, что был он некогда знаменитым чемпионом: то ли Европы, то ли даже всего мира по французскому, а может быть, даже и по английскому боксу. О тех же, самых высочайших званиях можно прочитать и сегодня в очерках, говорящих о Лустало. Но все это - всего лишь красивая, хотя и довольно обычная спортивная легенда.

Много лет спустя после своего приезда старый тренер в разговоре со своим любимым учеником краснофлотцем Павлом Вертковым с горечью вспомнит: «У меня был диплом Жуанвильской школы, а я вынужден был подметать спортивный зал, чтобы заработать на

жизнь себе и своей семье...». Да, несмотря на кое-какие спортивные успехи, дела Эрнеста складывались во Франции далеко не блестяще. Именно поэтому он и решился отправиться в эту далекую и холодную Россию. И все же не следует думать, что это он сам в рекламных целях приписал себе пышные спортивные титулы, которыми в действительности не обладал. В отличие от иных своих коллег и современников Лустало подобной слабостью не страдал. В краткой биографии французского преподавателя, опубликованной при его жизни и, разумеется, с его слов, нет и в помине таких вот звонких спортивных достижений: все куда как скромнее.

Как истинный профессионал Эрнест, конечно, не мог оставаться в стороне от развернувшейся на Западе острой конкуренции английского и французского бокса. И этому нашему верховному авторитету очень скоро удалось резко сместить внимание спортсменов в сторону савата. Нет, он вовсе не отвергал, а уж тем более не запрещал единоборство по британским методам. Просто он утверждал, что каждый, кто сумел освоить премудрости французского бокса, вместе с тем, так сказать, автоматически, постигает и технику английского, уже не нуждаясь в ее отдельном, спе-

циальном изучении. Хотя было это не совсем так.

Создатель французского бокса преподаватель Шарль Лекур, которого Александр Дюма-отец называл гениальным человеком, в первой половине XIX в. объединил старое французское искусство нанесения эффективных ударов ногами - сават - с разработанной в английском боксе техникой ударов кулаками. Таким образом, техника английского бокса, которую мы именуем просто боксом, действительно входила в состав французского единоборства. Только вот была это сильно устаревшая - более чем на полстолетия - техника, уже очень заметно отстававшая от существенно прогрессирующих англо-американских методов. Кроме того, сават трансформировал боксерскую технику и тактику применительно к своей специфике. В савате главную роль играли не боксерские, а более мощные и дальнобойные удары ногами. Это не могло не оказывать существенного влияния на стилевые особенности английского бокса, преподаваемого Лустало и другими специалистами савата. В основе это был старый английский стиль, более архаичный и технически бедный. Сават затруднял выработку целесообразных в боксе тактических навыков. Атака в савате в то время не велась непрерывно, а прерывалась после каждого попавшего в противника удара, и затем схватка продолжалась как бы заново. Лустало также не старался «поставить» ученикам-любителям сильный удар, так как в савате было достаточно всего лишь «достать» противника ударом («сделать туше»).

Тем не менее, энергичному Лустало удалось привить французский бокс на русской почве в явный ущерб его британскому собрату.

Для того чтобы наглядно и безапелляционно убедить петербургских спортсменов в своей правоте, предприимчивый француз пригласил такого замечательного мастера савата, как чемпион Франции Шарль Кастерес. Его выступления в паре с Лустало, как справедливо писали газеты, «имели бешеный успех» и «стали гвоздем программы». Но «гвоздь» этот был призван также и зако-

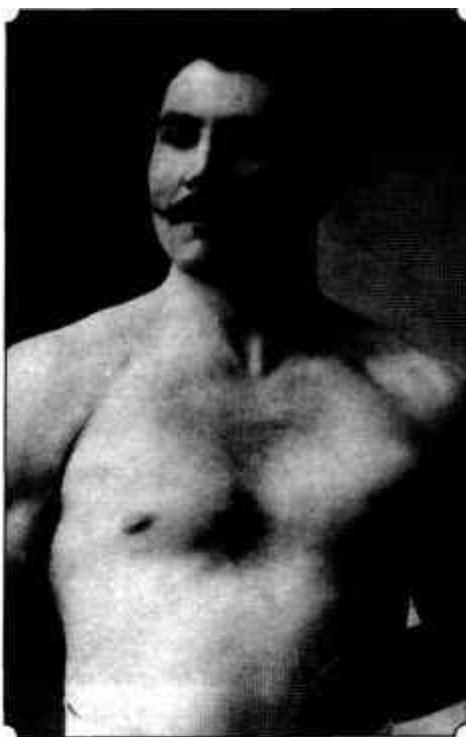
лотить «гроб» английского бокса, который, после такой блестящей рекламы французского, уже никак не мог не сдавать своих позиций. Высокое мастерство именитого гастролера, конечно, не могло не очаровать наших атлетов и надолго обеспечило савату не только приоритет, но и долголетнюю монополию в России.

И только под влиянием зарубежной шумихи вокруг первого, «расово неполноценного», чернокожего абсолютного чемпиона мира Джека Джонсона, когда в континентальной Европе интерес к английскому боксу стал расти как на дрожжах, у нас тоже обозначились поползновения к возрождению забытого, было, «благородного искусства самозащиты». И в Москве, и Петербурге, и в Киеве маленькие «кустарные» группки атлетов стали пытаться овладеть техникой бокса.

Среди этих первых энтузиастов особенно заметное и почетное место, безусловно, принадлежало будущему абсолютному чемпиону России, открывшему счет первых наших международных встреч на ринге, Ивану Бальцеровичу Граве. Продавец известного в столице книжного магазина Риккера, этот обрусевший латыш пришел на занятия к Лустало, уже имея солидную и универсальную спортивную подготовку. В тяжелой атлетике за ним числился даже всероссийский рекорд «в рывке двумя»¹.

Однако сават не удовлетворил Граве, желавшего познать «настоящий английский бокс». И он в одиночку начал свой бунт против утвердившегося в Петербурге диктата французского бокса. Бунт, в конечном счете похоронивший в тогдашней России сават и принесший все права английскому боксу.

Владевший английским языком Граве начал тренироваться самостоятельно с помощью британской боксерской литературы. С приездом Гельгасона перед ним открылась возможность проверить результаты своих боксерских упражнений, и Граве без колебаний бросил вызов исландцу, хотя и уступал гостю в весе целых тринадцать с половиной килограммов.

Шарль Кастерес

Иван Бальцерович
Граве

¹ В те годы практиковалось также и поднимание веса одной рукой.

Граве демонстрирует
свою мускулатуру

Впоследствии храброму петербуржцу удастся побеждать даже на британской земле, но этот первый его опыт успехом не увенчался. Уступил он, однако, только после смелой и упорной борьбы.

А в Петербурге, всего лишь две недели спустя после первого спортивного вечера в честь исландского гостя, 31 марта в Обществе физического развития «Sanitas» уже устраивается и второй. «Он прошел с таким же успехом, как и первый. Было так много спортивных номеров и выдающихся спортивных сил столы. Почетными гостями были: чемпион мира Г. Рассо, старый русский атлет-любитель Гр. Дм. Стахеев, один из лучших наших преподавателей французского бокса В. П. Крестьянсон, поручик К. Эймелиус и много других (в том числе дамы).

В начале вечера атлет Александрович поставил новый рекорд Санкт-Петербурга в толкании двумя по французской системе - 286 фунтов, затем он же вырвал двумя 204 фунта и работал двухпудовиками. Атлет-борец Овчаренко выжал двойник правой рукой 32 раза. За атлетикой последовала французская борьба...».

Выдающемуся средневесу Мартину Клейну, который через пару месяцев, одолев в невероятном девятичасовом поединке двукратного чемпиона мира Асикайна, станет вице-чемпионом стокгольмской Олимпиады, хватило всего около получаса, чтобы одного за другим тушировать трех соперников. Послед-

ний из них - студент Тасуй - почти сразу же вышел на демонстрационный матч по французскому боксу с поручиком Н. В. Тарасовым.

А затем упрямец Граве снова решил «скрестить перчатки» со своим недавним победителем Гельгасоном. Однако взять реванш у более сильного противника ему так и не удалось. Счет очков велся по количеству нанесенных ударов. И он был 14:9 в пользу гостя.

Но несомненным гвоздем программы вечера стало совсем другое выступление: Гельгасона в паре с обученным им неутомимым студентом Тасуем. Пресса специально отмечала тот большой интерес, который вызвала у русских спортсменов эта, еще невиданная новинка: «Чрезвычайно интересно демонстрировали исландскую борьбу на поясах с подножками («глима») Дж. Гельгасон и Тасуй. Победил Гельгасон в 8 минут».

Очень похоже, что чемпион постарался дать присутствующим хоть какое-то время, чтобы оценить исландские приемы, и не слишком торопился уложить своего партнера - зеленого новичка...

Но что же представляла собой эта экзотическая борьба? Мне кажется, что заслуживает она значительно большей известности, чем та, которой сейчас пользуются не только у нас в стране, но и во всем мире...

В 874 году норвежский викинг Ингольфур Арнарсон бежал от тирании короля Геральда Прекрасноволосого на отдаленный северный остров, открытый теми же викингими и названный Исландией - Ледяной страной. Рыболовство и скотоводство столетиями кормило исландцев, и есть предположения, что исландская национальная борьба глима родилась именно среди пастухов и рыбаков в те дни, когда шторм не позволял рыбакам выйти в море.

В том, что глимой увлекались и рыбаки, и скотоводы, не может быть никаких сомнений. Это вообще было всеобщее увлечение. Частенько боролись всей командой одного судна с командой другого. Или группа борцов одной деревни выступала против борцов соседней на традиционных народных гуляньях. Но вот в авторстве ры-

баков и скотоводов приходится серьезно усомниться.

Создавали глиму отважные мореходы, лихие вояки и отпетые разбойники. На своих прочных, быстроходных судах с высоко задранными, закругленными носами они избороздили водные просторы всего побережья Европы от Норвежского до Черного моря и добрались даже до диких берегов Северной Америки - «Винланда». И везде, где они внезапно высаживались на чужие берега, после них оставались только дымящиеся пожарища, пропитанная кровью земля и непогребенные трупы...

В Западной Европе их называли «людьми Севера» - «норманами» - и неустанно возносили горячие молитвы: «Спаси нас, Господи, от меча нормана». У нас они были известны как «варяги», а сами себя именовали «викинги». Древний глагол «wiking» означал «идти в море за богатством и славой».

Едва ли нужно объяснять, что при их роде «деятельности» насущно необходимой была отличная физическая и профессиональная подготовка. И за счет многовекового опыта сложилась эффективная система такой подготовки. Была она столь действенная, что даже тысячелетие спустя знаменитый Пер Линг использовал отдельные ее элементы в своей знаменитой «шведской гимнастике». Не углубляясь в подробности, хочу только упомянуть, что излюбленным развлечением и весьма полезным, но очень нелегким упражнением у викингов было перепрыгивание с весла на весло, которыми в это время продолжали грести их товарищи. Фехтовать мечами они могли не только правой, но и левой рукой, на случай серьезного ранения правой. А в древнескандинавских сказаниях упоминается также и об умении метать обеими руками два копия одновременно.

Борьба существовала как один из чисто боевых элементов беспощадного рукопашного боя со смертельным исходом для противника. Однако же такая смертоубийственная борьба не слишком подходила ни для военных упражнений, ни в качестве «удалой потехи». Поэтому наряду с ней существовал и другой, бо-

лее мягкий вид безоружного единоборства, по характеру приемов несколько напоминавший вольную борьбу. Это было уже ближе к глеме. Большой популярностью пользовалась также и борьба в воде, при которой побеждал тот, кто смог почти утопить своего соперника, оставаясь вместе с ним под водой.

О борьбе говорят многие древние исландские саги. А скандинавский эпос повествует о покровителе борцов, могучем, но простодушном боге-громовержце Торе, вооруженном волшебным боевым молотом.

К Тору обращались с мольбой об удаче накануне состязаний. Это была одна из наиболее ярких фигур скандинавских мифов. Однажды он, в сопровождении друзей, наведаясь в страну великанов Утгард. Принимавший гостей коварный великан-волшебник Локи заявил, что пировать в его замке достойны только лишь лучшие в каком-либо деле. Объявив себя лучшим в обжорстве, он тут же доказал это на деле. Тогда Тор пообещал превзойти любого в питье вина. Оказалось, однако, что он не смог даже осушить до дна всего-навсего одного-единственного большого рога. Тогда Тор предложил для состязания с местным скороходом лучшего бегуна из своей свиты - Тьяльви. Трижды бедный быстроногий Тьяльви бежал наперегонки с ничем не примечательным местным пареньком Хуги² и трижды терпел самые позорные в своей жизни поражения.

Раздосадованный громовержец объявил, что теперь в дело вступит он сам и побороет любого соперника. Но Локи высокомерно заявил, что после таких позорных неудач гостей ни один силач не унижится до того, чтобы мериться силами с такими слабаками. Пусть гость победит сначала хотя бы женщину, чтобы получить право схватиться затем с мужчиной. Тору так не терпелось сойтись в борьбе с этими наглыми зазнайками, что он согласился даже на такое унижительное для себя состязание.

Когда в залу вошла дряхлая сморщенная старуха, Локи промолвил: «Эта моя старая кормилица. Попробуй-ка побороть хотя бы ее».

Разгневанный громовержец сейчас же ухватил ветхую старушку поперек туловища, собираясь швырнуть ее на землю, но та так вцепилась в него, что у могучего Тора перехватило дыхание. И чем больше напрягался он, тем сильнее становилась старуха. Она сама перешла в нападение, и Тору едва удавалось устоять на ногах. Но после ловкой старухиной подножки он все-таки не устоял и упал на одно колено.

Подошедший Локи велел прекратить борьбу и подтвердил, что у Тора, проигравшего даже старой женщине, нет никакого права не только вызвать на единоборство его людей, но даже и оставаться в замке, раз уж никто из приезжих ни в чем не оказался лучшим.

А провожая гостей, Локи лукаво спросил, как понравилось им в Утгарде?

- Мне у вас понравилось, - вежливо ответил Тор, - но еще ни одно из моих путешествий не заканчивалось так бесславно...

И тогда вероломный Локи, злорадно усмехнувшись, не отказал себе в удовольствии сообщить доверчивым гостям, как ловко он их одурачил. Рог, из которого пил Тор, был бездонным, так как соединялся с морем; быстрее из людей - Тьяльви - он заставил состязаться в скорости с мыслью, которой придавал облик юноши; а зная, что против могучего Тора никто из его борцов устоять не сможет, выставил для борьбы саму Смерть в образе немощной старухи.

- Я даже не подозревал, что ты, Тор, так могуч. Смерть любого человека укладывает на лопатки, а ты упал перед ней всего лишь на одно колено. Я убедился в твоей силе и больше всего желаю больше никогда не встречаться с тобой! - в заключение признался Локи.

Но едва он произнес это, как взбешенный громовержец размахнулся своим огромным боевым молотом, собираясь обрушить его на голову подлого обманщика, а заодно и уничтожить его город. Но ни от Локи, ни от Утгарда не осталось даже следа: они мгновенно исчезли, ускользнув от справедливой кары...

Отдаленная от всего остального мира, заброшенная в холодные воды северной Атлантики Исландия стала настоя-

щим заповедником скандинавской древности. Время там словно приостановилось. Тогда как другие родственные германо-скандинавские народы очертя голову окунулись в бурные события средневековой европейской истории, почти забыв о своем прошлом, Ледяной остров жил именно этим, общим для всех них героическим прошлым. Исландские скальды слагали и пели саги о своих языческих богах и сказочных героях. А на книжные страницы из выделанной телячьей кожи ложились рунические письмена, повествующие о реально существовавших королях, дружинных вождях викингов и прославленных героях. И, конечно же, в этих поэтически-исторических произведениях, как и в реальном исландском быту, немалое место уделялось глиме.

Должно быть, не случайно Ингольфур Арнарсон, прежде чем высадиться на исландское побережье, бросил в океан два резных ритуальных столба, посвященных покровителю борцов, громовержцу Тору, и причалил свои ладьи именно к тому берегу, куда волны вынесли эти языческие символы. Со времени высадки на остров и до наших дней глина остается самым любимым, несомненно, национальным исландским спортом номер один. И никакие строгие церковные запреты так и не смогли поколебать популярность этого «богопротивного языческого» развлечения. Исландцы утверждают, что глина - единственная в мире борьба, которая может похвастаться тем, что даже в государственном законе была внесена специальная статья со строгими предписаниями относительно ее правил. И сделано было это еще в 1281 году, когда альтинг - народное собрание - принял Свод законов «Йоунсбоке».

О происхождении и первоначальном значении слова «глина» единого мнения до сих пор не существует. Джон Ф. Гилби, который писал свою нашу мемуарную книгу «Секретные боевые искусства мира» в Рейкьявике, столице Исландии, перевел название «прекрасного вида борьбы «глина», как «вспышка». И, возможно, это название отражает молниеносную быстроту, необходимую для

Исландские марки
с изображением со-
стязаний по глеме

успешного проведения броска. Но есть и совсем иное объяснение - «игра», «забава» - как противопоставление той беспощадно жестокой борьбе, которая существовала в качестве боевой.

Если прежде секреты техники глимь передавались от отца к сыну, то теперь ее преподают в исландских школах не только в качестве эффективного средства физического воспитания, но и как надежную основу навыков самозащиты. И сегодня этим темпераментным единоборством, как и встарь, продолжают увлекаться все исландцы, буквально от старшего до малого. Даже женщины все более и более активно занимаются глимь.

Лучшим глимистам страны вручают почетный пояс - «Греттир Бельт», учрежденный в честь прославленного борца и силача Гrette Осмундарсона, жившего на рубеже X - XI веков и ставшего одним из ярких персонажей исландских саг.

Хотя глимь считают «поясной» борьбой, она заметно отличается от иных видов борьбы на поясах, обладая любопытными особенностями, на которые нельзя не обратить внимание. Поясной ремень - обязательная часть снаряжения глимиста. Но, кроме талии, здесь еще «опоясывают» и верхнюю часть бедра каждой ноги. При этом поясной ремень соединяется дополнительным ремешком с каждой из набедренных «опоясок». Впрочем, обязательные кожаные ремни были введены только в 1905 году, а до этого частенько пользовались немудрящим веревочным снаряжением.

Начиная борьбу, каждый из спортсменов правой рукой захватывает пояс соперника, а левой - ремень на внешней стороне его правого бедра. Такой необычный захват позволяет значительно эффективнее воздействовать на центр тяжести тела противника, чем при стандартном захвате только за пояс или при борьбе в обхват, и с наименьшей затратой сил поднять партнера даже на уровень своей головы, когда этого требует исполнение приема.

Необычность «исландского захвата», казалось бы, должна вызывать попытки разгадать тайну его происхождения. Но мне довелось встретить всего лишь один вариант ответа на эту древнюю спортивную загадку, и к тому же совсем неудачный. К сожалению, автор ее настолько туманно представляет себе особенности глимь, что впадает даже в явное противоречие с самим собой. Утверждая, что захваты руками вообще исключены (руки - для оружия), он тут же старается объяснить необычность места для «хвата руками»: «...в Исландии до сих пор сохранилась очень интересная «ножная» борьба глимь (предполагается, что рукам не до борьбы: в них - оружие). Хват руками производится только за своеобразные лямки вокруг бедер, соответствующие не поясу (?! - М. Л.), а креплению мечевых ножен».³

Однако же ничем не обосновано, что меч носился не на поясе или на перевязи, а прикреплялся к бедру. Кроме того, если бы даже и было такое, то

³ История боевых искусств. Колыбель цивилизации, М., Олимп; 000 «Издательство АСТ», 1996, с. 185.

трудновато представить соперников, борющихся, имея явно мешающие им мечи, «притороченные» к ноге.

Думаю, все же, что разгадка куда как сложнее и интереснее. Захват такого же характера можно встретить еще только в одной европейской борьбе - «швинген», практикующейся с X века и до наших дней в немецкой Швейцарии.

Правда, там, вместо исландской ремненной «сбруи», используются короткие брюки из грубой прочной ткани. Обе штанины «засучиваются», образуя на бедрах валики. И точно так же, как у исландцев, правая рука захватывает пояс на спине соперника, а левая - валик на внешней стороне его правого бедра. И такое же, как в глиме, обилие различных бросков с помощью ног, и даже высокое «взмахивание» соперником, чтобы уложить его на землю («швинген» - на немецком и означает - «взмах», «качание», «раскачивание»).

Едва ли можно считать случайным сходство этих двух древних единоборств, несмотря на то, что практикующие их народы отделены друг от друга тысячами километров. Ведь и скандинавы, и немцы принадлежат к группе германских народов, имеющих общее происхождение и даже сохранивших сходные языки.

Так что имеет смысл обратиться к германской древности. И действительно, именно она дает ответ на интересующий нас вопрос.

На сохранившихся изображениях франкских воинов можно видеть довольно обычный для тех лет способ закрепления обуви на ноге. Кожаное подобие калоши привязывалось к ноге двумя веревками или ремешками так, что они перекрещивались друг с другом, доходя до верха бедра. Вот как раз верхний виток таких ремешков, видимо, и стал удобным местом для борцовского захвата, сохранившегося и в глиме, и в швингене.

Так что очень возможно, что общий прообраз этих двух родственных видов борьбы стоит поискать в самом древнем общегерманском прошлом. Предвидя необоснованные возражения, сразу же поясню, что, хотя франки и по-

далили свое племенное имя Франции, сами они являлись одним из германских племен.

К тому времени, когда Гельгасон появился в России, глина существовала уже в современном варианте. Используя прямую стойку, соперники находились в постоянном движении взад-вперед, в стороны и даже кружились, как бы вальсируя. В этом быстром и безостановочном перемещении нужно было уловить или создать самому положение, удобное для одного из множества бросков ногами. Поражение засчитывается борцу, который коснется пола любой частью тела выше локтя или выше колена. «Коснется пола» - это не оговорка, так как борьба ведется без какого-либо ковра, на голом полу, в квадрате размером пять на пять или восемь на восемь метров. Если же борцы коснутся пола одновременно («братское падение»), они поднимаются и продолжают схватку. По современным правилам, длительность схватки - всего две минуты.

Не без влияния того интереса к самозащите, который пробудило во всем мире японское джиу-джитсу, исландцы начинают популяризировать глиму, и не только как увлекательную борьбу, но и как способ безоружного рукопашного боя. Еще в 1908 году, в рамках лондонских Олимпийских игр, были проведены демонстрационные выступления глимистов. Тогда же на английском языке была опубликована и книга «Исландская борьба», написанная «исландским чемпионом» Йоханнесом Иозефссоном. Шведы, хозяева Олимпиады - 1912, еще загодя и с особой охотой тоже включили в демонстрационную программу этот вид борьбы, имеющий скандинавские корни. И в преддверии тех последних, предвоенных Игр исландские спортсмены постарались развернуть активную международную пропаганду своего единоборства.

Конечно, им уже не хватало ни времени, ни широты японо-американского рекламного размаха, но, тем не менее, выступления глимистов в спортивной столице мира - Лондоне - вызвали большой интерес британцев, знавших толк в любом виде спорта.

Немаловажную роль в завоевании спортивных британских сердец сыграло то, что был показан не только уже известный спортивный вариант борьбы, но и созданная на ее основе самозащита, включавшая даже действенные приемы обезоруживания. Не исключено, что были задействованы и какие-то боевые приемы древней борьбы викингов.

Уже в начале февраля 1911-го журнал «Русский спорт» поспешил сообщить читателям: «Б Лондоне большим успехом пользуются исландские борцы, которые ежедневно демонстрируют перед многочисленной публикой приемы своей борьбы. Газеты восторженно отзываются об этой исландской борьбе. «Благодаря ей, - пишет одна из них, - можно обойтись без револьвера или другого какого-либо оружия. На вас нападают 2, 3, 4 вооруженных негодяя. Не бойтесь ничего. Если вы знакомы с исландской борьбой, в два темпа и три движения ваши враги разлетятся по земле подобно карточному домику».

Однако же, при всех этих искренних восторгах, английского журналиста не может не смущать та сомнительная тень, которую уже успели бросить на «сенсационные» победы иные из джиуджитских «умельцев». И чтобы ненароком не попасть в конфузный просак, он предусмотрительно подстраховывается: «Действительно добросовестные ли люди, которыми исландские борцы усевают ковер каждый вечер, и не являются ли они простыми сообщниками и позволяют проделывать с собой все, что угодно г.г. борцам?»

Российский публикатор, укрывшийся под спортивным псевдонимом «Рондадь» и, по всей вероятности, знакомый с цирковым «шике» лучше английского коллеги, специально подчеркивает: «Задавая такой вопрос, сама же английская газета сомневается в магическом действии приемов восхваляемой ею борьбы». И хотя «Рондадь» явно не располагает никакими вескими доказательствами, не зная даже, что это за борьба, все-таки старается «поддать жару»: «Можно с уверенностью сказать, что исландские борцы с их помощниками мистифицируют публику несколько не хуже наших доморощенных чемпионов!..»

Весьма вероятно, что Гельгасон тоже был среди демонстраторов глиммы в Лондоне, где и почерпнул свои боксерские навыки.

Однако же когда год спустя Гельгасон, перебравшись в Петербург, начал и там пропагандировать глимму, ни у кого не возникло даже и тени сомнения в его компетентности и техническом совершенстве исландской борьбы.

В России, как и за рубежом, царствовала тогда «французская» (греко-римская) борьба, технику которой ограничивал целый ряд условностей. Броски с помощью ног или захватом ног руками были запрещены, а борцовское трико исключало любую возможность использовать захваты за одежду.

И хотя уже было опубликовано переведенное с немецкого довольно элементарное пособие «Новейшая свободная борьба» (то есть вольно-американская), а цирк иногда разнообразил «чемпионаты французской борьбы» схватками «вольной», «кавказской» и даже «вольной мусульманской борьбы», эти, обычно не слишком умелые, имитации не вызывали никакого интереса, хотя борцы и пытались демонстрировать бо-

Обезоруживание по-исландски

Женщина-глимистка
проводит заднюю
подножку партнеру-
мужчине

лее широкий «ассортимент» бросков, чем у «французов».

У Гельгасона же было нечто совершенно иное. Различнейшие эффективные броски с помощью ног не могли не привлечь к себе внимание новизной и отличной отработанностью. Неизвестная прежде экзотическая борьба вызвала столь большой интерес, что это стало неплохой предпосылкой для начала препода-

вания глимь петербургским атлетам. И, несомненно, было это уже «вторым пришествием» скандинавской борьбы, так как варяги, еще тысячу лет назад во множестве оседавшие на Руси, не могли не занести на свою вторую родину привычные им борцовские приемы.

Ободренный первыми успехами и желая шире пропагандировать свою борьбу, привлекая новых учеников, «гость столицы» начал даже демонстрировать свое мастерство на арене цирка как лучший способ самозащиты. А затем даже бросил вызов любому желающему публично помериться с ним силами. Вызов произвел сильнейший эффект, но совсем не тот, на который рассчитывал исландец...

О дальнейших событиях мне поведал лучший и любимейший ученик Эрнеста Лустало чемпион России и неоднократный чемпион Ленинграда, заслуженный мастер спорта Павел Евдокимович Вертков.

Вызов исландца француз оценил как брошенный ему лично, так как был убежден, что лучший метод боя - это не какая-то там безвестная глимь, а французский бокс-сават. Что же касалось конкурентов, то Эрнест беспощадно боролся с ними буквально с первого же дня своего появления в российской сто-

Проводя бросок,
глимист опустился
на колени

Спарринг двух
Лустало

лице. Вызов Гельгасона он немедленно принял, но от имени своего сына Марсея, которого обучал с самого раннего возраста. И, как утверждали знающие люди, мальчик уже в шесть лет мог нанести такой удар, от которого у взрослых мужчин темнело в глазах.

Во Франции уже восходила звезда ровесника Марсея юного Жоржа Карпантье, будущего чемпиона Европы и мира, вышедшего на профессиональный ринг еще в 14-летнем возрасте. И заветной мечтой старого Эрнеста было устроить бой Лустало-младшего против чемпиона Карпантье. В надежде на такую встречу, он тренировал сына особенно усиленно.

Вот такая, не слишком радужная перспектива возникла вдруг перед излишне увлекшимся Гельгасоном, и он по трезвому размышлению сумел реально оценить свои силы и своевременно отказать от схватки с Марселем.

Разумеется, это не могло не пошатнуть утвердившийся, было, авторитет исландской борьбы. Никакие выступления в цирке для исландца сделались невозможными. На профессиональных чемпионатах французской борьбы, правда, начали, было, как умели, демонстрировать модную гламу, но Гельгасону помочь это уже не смогло...

А летом 1914 года из Англии возвратился способный спортсмен-универсал Б.А. Доблер, получивший на родине

бокса хорошую подготовку. На ближайшем же первенстве России этот техничный средневес сумел победить даже сильнейшего «полутяжа» Кара-Малая и стал абсолютным чемпионом. В прессе заговорили о возможном матче Доблер-Гельгасон. Но, хотя исландец продолжал гордо именовать себя «победителем чемпиона России Граве», выйти на ринг против нового абсолютного чемпиона он отнюдь не торопился.

Гельгасон теперь преподавал в недавно организованном Обществе телесного развития «Богатырь» шведскую педагогическую гимнастику и английский бокс. Однако же его тренерская репутация была очень невысока. Ленинградский ветеран Г.И. Шевалдышев с улыбкой вспоминал, что метод обучения у Гельгасона ограничивался нанесением ударов по жердям шведской лестницы, надев перчатки. После начала Первой Мировой войны имя этого исландца вообще исчезает со страниц русской спортивной прессы. Вероятно, он возвратился на родину...

Демонстрация глиммы на стокгольмском олимпийском стадионе тоже не принесла желаемых результатов. Все усилия исландцев внедрить свою, совсем не плохую, национальную борьбу в международную практику, как в спортивном, так и в боевом варианте, остались безрезультатными и в Западной Европе, и в России...

Глава 6

«Профессор атлетики»

Сегодня я вспоминаю об этом случае с улыбкой, но в то время, лет двадцать пять назад, было совсем не до смеха. Пришлось мне тогда выступать в качестве эксперта по одному довольно необычному вопросу. Для консультации пригласило меня руководство издательства «Физкультура и спорт». И, как ни странно, на этот раз ответ работников нашего спортивно-идеологического фронта волновал отнюдь не средний уровень мировых рекордов на душу нашего населения, а весьма необычная и неожиданная проблема: действительно ли И.В. Лебедев преподавал приемы самозащиты царской жандармерии?

Дело было довольно обычным для тех сравнительно недавних лет. «Физкультура и спорт» выпустило справочник по борьбе, составитель которого допустил в нем множество ошибок. Издательство, как водится, предъявило справедливые претензии. Однако составитель оказался весьма искушенным «полемистом» и вместо того, чтобы тратить в спорах заведомо бесполезные оправдания, взял да и «запустил» в самые партийные верха жалобу на издательство. В этой очень похожей на донос жалобе самым «страшным» было обвинение издательства в том, что оно в своих книгах рассказывает об И.В. Лебедеве. А это, по утверждению кляузника, идеологически являлось крайне вредным, так как вышеупомянутый Лебедев якобы обучал боевым приемам царскую жандармерию - политическую полицию. Сейчас, говоря об этих вздорных обвинениях, я с легким сердцем беру в кавычки прилагательное «страшное», но в те времена я хорошо понимал, какими неприятностями они могли грозить «виноватым». К счастью, тогда мне удалось снять тяжесть с измученных издательских душ. Я объяснил им, что в действительности Лебедев не имел никакого отношения к жандармерии, а обучал в Петрограде обычную уголовную полицию - городских, и что я вообще не вижу ничего зазорного в любых формах борьбы с уголовщиной. И директор, и главный редактор окончательно успокоились, просмотрев похожую на альбом лебедевскую книгу «Самооборона и арест», где здоровенный городской ловко управлялся с уголовниками и уличными хули-

ганами. Кстати, минский журналист А. Тарас утверждает, что якобы это сам автор демонстрирует приемы, но в том, что это ошибка, очень легко убедиться, просмотрев фотопортреты Ивана Владимировича.

Но кем же был автор этого официального руководства, создатель первой отечественной системы рукопашного боя для полиции? Сегодня имя Ивана Владимировича Лебедева мало что может сказать большинству читателей, но вот в первые десятилетия прошлого века он был очень хорошо известен всей спортивной, да и не только спортивной России. Его уважительно называли «профессором атлетики».

С юных лет он получил отличную подготовку в любительском кружке «отца русской тяжелой атлетики» Владислава Францевича Краевского, а затем открыл и свой собственный «атлетический кабинет», где занимались и любители, и профессионалы, осваивая французскую борьбу и поднимание тяжестей. В дальнейшем там появились французский бокс и джиу-джитсу. Сам Иван Владимирович преподавал только борьбу и атлетику, будучи весьма сведущим в этой области. Выступал и сам на арене, но выдающимся борцом никогда не был. А вот тяжелоатлетом являлся отличным. Имя его стало известно всей России благодаря деятельности в качестве антрепренера и знаменитейшего рефери профессиональных цирковых чемпионатов французской борьбы. Подобные чемпионаты были в начале XX века величайшим спортивно-коммерческим аттракционом во всей континентальной Европе и, вместе с тем, очень сильно повлияли на общий рост интереса к спорту в нашей стране. На этих чемпионатах Лебедев сумел создать необычайно яркий образ рефери-конферансье, который не только умело реферировал схватку на ковре, но еще и остроумно комментировал ее, шутливо давал забавные характеристики участникам и был способен находчиво ответить на любой каверзный вопрос из зала.

Отвергнув традиционный для французских рефери фрак, этот среднего

роста полноватый крепыш выходил на арену в русской простонародной темно-синей поддевке, картузе и сапогах с голенищем «бутылкой». Благодаря этому костюму он и получил ставшее общеупотребительным дружелюбно-фамильярное прозвище «Дядя Ваня». Интересно отметить, что этот его весьма своеобразный «спортивно-судейский» костюм стал традиционным не только для рефери профессиональных чемпионатов, но и для многих судей любительских состязаний, старавшихся во всем походить на «настоящих рефери».

В любой период существует какой-то свой, особенно модный вид спорта, спорт-фаворит. Вот уже много десятилетий таким фаворитом является футбол, но до того, как эта спортивная игра полностью вступила в свои права, у нас повсеместно царствовала «классическая» греко-римская борьба. Ее правила пришли к нам из Франции, поэтому и саму эту борьбу долгое время называли у нас «французской». Доведенную до акробатической ловкости, технического совершенства, артистического мастерства французскую борьбу с громадным успехом демонстрировали профессиональные цирковые чемпионаты. А было это так...

Уже к концу предпоследнего отделения циркового представления в публичке то и дело слышалось шарканье ног, шум шагов. Это подходили зрители, купившие билет только ради желанного зрелища борьбы. Все остальное цирковое представление они просто-напросто игнорировали.

И вот, после перерыва над цирковой ареной, посредине которой уже был постелен борцовский ковер, загорался яркий свет: верхняя центральная люстра медленно опускалась пониже, а боковое освещение гасло. Из-за занавесей форганга на арену уверенной походкой выходил плотного сложения, коренастый и широкогрудый, казавшийся почти квадратным, знаменитый «Дядя Ваня».

Дойдя до середины арены, «Дядя» «поворачивался к главному входу и громко, повелительно командовал:

«Маэстро, марш! Парад-алле!» Оркестр играл специальный «Марш гладиаторов», а из-за кулис один за другим, колонной выходили атлеты. И было это весьма внушительное зрелище. Все участники рослые, богатырски сложенные. Предвкушавшая любимое, увлекательное зрелище публика видела могучие, картинно напряженные мускулы атлетов, их разноцветные чемпионские ленты через плечо, блеск и перезвон золотых и серебряных медалей всех мыслимых размеров и любых затейливых форм: обычные круглые, крестообразные, восьмиконечные, в виде орденской звезды, на длинных и коротких ленточках, без лент, на цепочках. Шли прославленные на мировых аренах русские чудо-богатыри, могучие латыши и эстонцы, поляки. Улыбчивые элегантные темноволосые французские чемпионы; белобрысы, подстриженные ежиком, крепко сколоченные немцы с усами, лихо завинченными «а ля кайзер Вильгельм Второй». Рядом с белотелым шведом - угольно черный белозубый африканский атлет. Одни в разноцветных борцовских трико, другие в национальных костюмах: великан осетин - в черкеске, с кинжалом на поясе; рыжеватый шотландец - в клетчатой юбочке; черноусый турок - в красной феске и узорчатых шальварах.

Строй борцов обходил арену по окружности вдоль барьера, а затем останавливался, повернувшись лицом к центру, где стоял арбитр. Начинаясь увлекательная и занятная процедура представления борцов публике. «Дядя Ваня» своим отлично поставленным баритоном (недаром в молодости он мечтал о театре и даже не раз выходил на сцену) торжественно, на весь цирк провозглашал:

- Чемпион мира и чемпион чемпионов, непобедимый Иван Поддубный! И из строя выступал на шаг вперед прославленный богатырь, всеобщий кумир, добродушно улыбаясь в свои темные, закрученные колечками усы и раскланиваясь на бешеные аплодисменты публики.

- Выдающийся техник французской борьбы, победитель конкурса на лучшее

телосложение, чемпион Карл Микул! - продолжал представление Лебедев, и зрители восторженно приветствовали общего любимца - известного латышского атлета.

Вслед за Микулом наступала очередь других борцов, и каждый из них выступал из строя, чтобы поклониться публике. И каждый делал это по-своему, в соответствии со своим амплуа в цирковом чемпионате. Амплуа эти были такие: «чемпионы» - борцы высшего разбора; «гладиаторы» - их наиболее сильные соперники; «апостолы» - выделявшиеся своим сложением, особенно ростом, но не являющиеся на самом деле сильными борцами; «злодеи» - вызывавшие неприязнь и возмущение зрителей своей неприглядной внешностью и беспардонным нарушением правил, особенно в схватках с любимцами публики; «комики» и, наконец, «яшки» или «подкладка» - так сказать, пролетариат ковра - наименее одаренные и сложенные, и борцовской техникой атлеты. И вот, подчеркивая эти особенности своей цирковой маски, одни из них пружинистым шагом выступали из строя и, чуть склонив голову, тут же гордо вздергивали подбородок вверх. Другие, со степенной основательностью, не спеша наклоняли свои могучие бычьи шеи; третьи, торопливо выскочив вперед, отвешивали частые поклоны и направо и налево...

- Чемпион юга Франции Домас Пик-Бланк! - чуть нараспев провозглашал «Дядя Ваня», и необъятных размеров, весом целых восемь с половиной пудов (сто тридцать восемь килограмм!) француз делал грузный шаг вперед и оглядывал публику своим единственным глазом. Здесь «Дядя», конечно, не упускал случая отпустить шуточку насчет аппетита Пик-Бланка.

Арбитр хорошо владел таким, неоходимым для любого ведущего, в том числе и для «борцовского конферансье», средством, как юмор. Он никогда не упускал случая, даже по ходу борцовской схватки, отпустить веселую шутку. Публика неизменно встречала их дружным смехом. Помнится, что одна из

его веселых прибауток о негритянском атлете среднего веса Сальваторе Бамбуле жила не менее четырех десятилетий, и мы, мальчишки предвоенных лет, не зная даже подлинного смысла этих слов, нередко с насмешкой повторяли: «Подумаешь тоже, борец Бамбула - поднимает два венских стула»...

А «Дядя Ваня» продолжал свой увлекательный и веселый ритуал представления участников предстоящих состязаний:

- Чемпион Германии Фриц Мюллер!..

Потом, когда все участники чемпионата были названы публике, борцы, тоже под звуки «Марша гладиаторов», строем покидали арену. А на ковер выходила первая пара борцов. Они шли навстречу друг другу по диагонали ковра, встретившись на середине, обменивались рукопожатием. Продолжая движение, ступали еще два шага вперед и резко поворачивались лицом друг к другу. Начиналась первая схватка из тех, что с таким нетерпением ожидал весь цирк.

Популярность французской борьбы была тогда невероятной. Эпидемия, как говорили в те годы, «борьбомании» охватила практически все взрослое мужское население наших городов (хотя и определенная часть женского тоже не оставалась равнодушной к идеально сложенным красавцам - «первым любовникам» чемпионатов). Неизлечимо «болели» борьбой студенты и офицеры, чиновники и инженеры, актеры всех жанров и литераторы, уголовники и полицейские, которым не нужно было даже тратить деньги на билеты. («Дядя Ваня» писал впоследствии, что однажды на вешалке для бесплатных зрителей он насчитал целых семьдесят полицейских шинелей!) И уж конечно, стараясь ни в чем не отстать от взрослых, вместе с ними безумно увлекались борьбой мальчишки. Их увлечение носило даже более действенный характер, чем у взрослых. Несовершеннолетние адепты борьбы «а la francaise» не только усердно посещали цирк, но и сами то и дело схватывались в жарких и бескомпромиссных

единоборствах на своих дворах и в школьных коридорах.

До сих пор о старой цирковой борьбе живут два диаметрально противоположных мнения, и по-прежнему судят о ней вкривь и вкось. Одни, в первую очередь, пишущие о ней журналисты клянутся, что все там было чисто как на духу и что неизбежно господствовал строгий спортивно-состязательный принцип. Другие, столь же убежденно, доказывают, что все это было просто-напросто явной «лавочкой» и ловко подстроенным обманом почтеннейшей публики. Однако в этом затянувшемся на целое столетие споре не правы ни те, ни другие. Истина, как всегда, лежит где-то посередине.

Действительно, был и предварительный сговор борцов о проводимых приемах, результате схватки и даже заранее придуманных трюках. Что же, все это правда, но только далеко не вся правда. И я даже сказал бы, что значительно менее ее половины. Дело в том, что вместе с правилами и техникой приемов из Франции пришли к нам еще и два коротеньких борцовско-цирковых термина - «бур» и «шике». «Бур», «буровая борьба» была бескомпромиссной схваткой по чисто спортивному принципу «пусть победит сильнейший». А вот «шике», что на французском языке означает то же самое, что на русском «липа», предусматривало точную договоренность, кто на какой минуте и каким приемом одержит верх над своим партнером. И причина здесь совсем не в злом умысле «коварных» борцов и «хитрых» антрепренеров, которым доставляло бы удовольствие водить за нос доверчивую публику. Просто существовал неумолимо твердо сформировавшийся закон этого спортивно-коммерческого жанра.

Правила борьбы «а la francaise», ее костюм - спортивное трико, не позволявший делать за него прочные захваты, и ее технический арсенал, строго-настроено запрещавший подножки и захваты за ноги, приводили к тому, что схватка могла продолжаться как угодно долго и без видимых результатов. Особенно тог-

да, когда уже скользкий от пота атлет избирал пассивную тактику и уходил в глухую защиту, забываясь лишь о том, чтобы уберечь свои лопатки от неприятного соприкосновения с ковром. Продолжение борьбы «как угодно долго» — это отнюдь не для красного словца. Напомню, что, например, на Стокгольмской Олимпиаде 1912 года представитель России Мартин Клейн, для того чтобы победить по очкам двукратного чемпиона мира финна Асикайнена, должен был бороться десять часов пятнадцать минут чистого времени.

Само собой разумеется, что при подобных условиях никакая, даже самая честная-причестная спортивно-состязательная борьба нипочем не смогла бы возбудить интерес кассового зрителя и привлечь его на цирковые представления. Еще когда в «буровой» схватке «выясняли отношения» такие гиганты борцовского ковра, как два Ивана — Поддубный и Шемякин, публика, захваченная редким по азарту зрелищем, просто не замечала, как пробегали целых сто двадцать минут состязания. Но вот когда в некоем провинциальном цирке поссорившиеся атлеты решили показать один другому кузькину мать и боролись «в бур» до поздней ночи, то публика просто-напросто единогласно «проголосовала ногами» против этого надоевшего, скучнейшего зрелища. В опустевшем цирке соперники, несмотря ни на что, продолжали ломать друг друга, а вокруг них бегал по ковру разъяренный хозяин и шипел: «Вы что, с-сукины дети, разорить меня хотите?!»

Цирковые чемпионаты профессиональных борцов — величайший спортивно-коммерческий аттракцион рубежа XIX и XX веков — чаще всего не являлись спортивным состязанием, в нашем современном понимании. Искусно театрализованная и в большинстве случаев заранее срежиссированная борьба представляла собой не спортивное состязание, а умело стилизованное под него волнующее зрелищное представление, да и не ставила перед собой иных целей. Постановочное «шике» было куда более выигрышным зрелищем,

так как позволяло атлетам, как настоящим актерам, разыгрывать захватывающе яркие единоборства, демонстрируя в них целые каскады красивых рискованных приемов, которые были бы просто невозможны в подлинной спортивной схватке. Оставалось в процессе борьбы место и для забавных интермедий, придуманных находчивыми антрепренерами. Словом, на цирковой арене было все точь-в-точь как в известной мионовской кинопесенке Остапа Бендера: «...но оцените красоту игры!». Все это позволило цирковой борьбе безраздельно, в течение многих десятилетий, царствовать в континентальной Европе, а потом подарить свой постановочный принцип современному американское эстэчу. Правда, там, в угоду вкусам местной публики, спортивные бизнесмены густо приправили это старое зрелище острым соусом откровенной жестокости.

Очень трудно, если возможно вообще, понимать людей прошлых поколений. И для того, чтобы современному молодому читателю было легче понять феномен бывших цирковых чемпионатов, которые воспринимаются ими неким примитивным фальсификатом для простачков, я приведу абсолютно аналогичную ситуацию из нынешней жизни. Ведь у кино- и видеоэкранов вы тоже, совсем как ваши прадеды в цирке, замираете от восторга, видя, как Брюс Ли или любой иной мэтр кинокаратэ или ушу проводит сверхсложный головоломный трюк, и, конечно же, воспринимаете эти боевые действия как абсолютно реалистические и достоверные. Между тем, в настоящей боевой схватке ни «Маленький дракон», ни любой иной мастер высокого класса ни в каком случае не стал бы использовать эти очень эффектные внешне, но не слишком надежные приемы, да просто и не смог бы их провести, а вот себя непременно поставил в опаснейшее положение. Так что и сегодня тоже работает хитроумная и ослепительная «красота игры», которая берет в плен, очаровывает зрителя и не позволяет ему задумываться о правдоподобии всех этих сцен.

Борьба в чемпионатах, к тому же, всячески афишировалась, как чистейшей воды «бур». Это утверждали и хорошо оплаченные журналисты. Тем не менее, у наиболее сообразительной части «почтеннейшей публики» не могли не возникать на этот счет достаточно обоснованные сомнения. И одним из средств для тушения таких опасных для спортивных предпринимателей вспышек недоверия стал миф о гамбургском счете. Эта искусно и, я бы даже сказал, талантливо сплетенная легенда призвана была доказать зрителям: как бы сложно и хитро ни переплетались под куполом цирка профессиональные интересы, там всегда соблюдается объективный рейтинг борцовского мастерства. Скорее всего, этот миф-самodelка тихо скончался бы, испустив дух вместе с самой цирковой борьбой, и, быть может, даже ранее. И виной тому, что этого все-таки не случилось, стала одна скандальная выходка, и, как это ни странно, не на арене цирка, и вообще не в спорте, а в литературно-критической сфере. В 1923 году не бесталанный, но весьма претенциозный литератор Виктор Шкловский, очень точно описанный Булгаковым под фамилией Шполянский в «Белой гвардии», опубликовал свою на шумевшую в те года книжку, так и названную «Гамбургский счет». Используя эту яркую борцовско-цирковую аллюзию, Шкловский вы-

сомерно «выставлял отметки» своим современникам-писателям. При этом особенно досталось, конечно, Михаилу Булгакову - в отместку за очень похожего на свой прототип Шполянского. Талантливейшего писателя Шкловский представил ни больше ни меньше как коверного клоуна.

Книжка эта начиналась так: «Гамбургский счет - чрезвычайно важное понятие. Все борцы, когда борются, жулят и ложатся на лопатки по приказанию антрепренера. Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы. Они борются при закрытых дверях и завешенных окнах. Долго, некрасиво и тяжело. Здесь устанавливаются истинные классы борцов, - чтобы не исхалтуриться. Гамбургский счет необходим в литературе. По гамбургскому счету - Серафимовича и Вересаева нет. Они не доезжают до города. В Гамбурге - Булгаков у ковра. Бабель - легковес, Горький - сомнителен (часто не в форме). Хлебников был чемпион».

Весьма посредственная, но рассчитанно эпатажная книжонка эта вызвала поначалу скандальный интерес. Однако, как любая однодневка, очень скоро забылась, но, благодаря ей, хлесткое образное выражение получило вторую жизнь, надолго прижившись в языке интеллигенции. Даже сегодня изредка можно услышать или прочитать слова «по гамбургскому счету» в смысле «на-

«Дяде Ване» довелось судить не только на ковре, но и на ринге. Здесь он (слева в углу) выступает в качестве рефери боя Эрнеста Лустало с Джое Мора.

чистоту», «без скидок», «без обмана». Правда, всякий раз теперь уже приходится прибегать к объяснению их смысла, так как выражение это успело уже основательно подзабыться. В основном еще пользуются им спортивные журналисты, в большинстве случаев веря в истинность этой ловко состряпанной легенды...

Свою антрепренерскую деятельность Лебедев продолжал и при советской власти, но только лишь в годы нэпа, а затем работал тренером в Свердловске, где и скончался в 1950 году в возрасте семидесяти одного года.

В свое время о «Дяде Ване» было написано очень много, подробно рассказывалось о его жизни, цирковой и спортивной деятельности и лишь прикосновенность к полицейскому рукопашному бою оставалась, к его счастью, абсолютнейшей тайной. Иначе ему едва ли удалось бы умереть своей смертью...

То, что при выборе автора полицейского руководства остановились именно на Иване Владимировиче, было, конечно, неслучайным. Он являлся не только вообще знатоком спорта, но и наиболее популярным и опытным преподавателем французской борьбы. А с конца прошлого века, когда у нас еще доста-

точно не оформились свои системы рукопашного боя, этот вид единоборства расценивался не только как спорт, но, в определенной степени, и как способ самозащиты. В 1898 году московский спортивный журнал «Циклист» писал: «Наиболее продуктивной, в смысле развития силы и укрепления организма, является борьба. Стоит обратить внимание на тот факт, что знакомому с правилами борьбы легче защищаться в случае нападения, нежели человеку, не знающему способов защиты».

И это было вполне справедливо, так как ряд бросков («тур-де-анш», «тур-де-бра» и др.), а также разрешенные тогда захваты с воздействием на шею («кольде-форс», «крават», «двойной нельсон») вполне могли иметь действенный эффект и в реальной схватке.

Что же можно сказать о книге Лебедева, существование которой оставалось неизвестным в течение целых восьмидесяти лет? Она была издана в качестве официального полицейского руководства по распоряжению петроградского градоначальника князя А.Н. Оболенского в 1915 году. Редактором ее являлся генерал-майор В.Ф. Галле и, скорее всего, с учетом его указаний материал был расположен, исходя из характера тех

конфликтных ситуаций, которые возникают в процессе осуществления полицией своих служебных функций. В книге, как это отражено в самом ее заглавии, имеются две части: первая - «Самооборона» и вторая - «Арест». Каждая из этих частей, в свою очередь, состоит из двух разделов: первая часть подразделяется на описания самозащиты при невооруженном и вооруженном нападении, а вторая - показывает способы ареста неопасных и опасных преступников. Как опытный преподаватель, Иван Владимирович, прежде всего, дает некоторые методические указания, хотя и довольно краткие. В противовес обычным утверждениям джиуджитсеров тех лет, что якобы при знании приемов физическая сила практически не имеет значения, старый тренер специально подчеркнул большую роль физической подготовки с широким использованием различных видов спорта: «Попутно с изучением указанных приемов необходимо развивать силу, ловкость и выдержку - атлетикой, борьбой, бегом, гимнастикой, прыжками. Иначе, если слабосильному полицейскому придется иметь столкновение с преступником, обладающим гораздо большею силою, нежели он, многие приемы могут не удастся. Между тем, если полицейский развил себе путем упражнений ловкость, выдержку (то есть выносливость - М.Л.) и хотя бы среднюю силу, то, как бы не был крепок преступник, удастся, наверное, каждый прием, потому что против силы природной будут противопоставлены сила тренированная и знание приемов».

Что же касалось самого процесса овладения техникой, то для того, чтобы «вполне безукоризненно усвоить эти приемы, нужно проделывать друг с другом каждый прием не только при его первоначальном изучении, но и устраивать впоследствии частые повторения полного курса этих приемов, репетируя один с другим. Каждый прием должен быть проделываем быстро и точно. Следует так освоиться с приемами, чтобы быть в состоянии применять их почти механически».

Кроме требования такого постоянного поддержания полученных навыков, обучающимся рекомендовалось также «после двух- или трехнедельной тренировки просить товарищей делать «примерные нападения» врасплох, чтобы приучить себя применять защитный прием мгновенно, механически. То же самое при практическом прохождении приемов ареста, не давая товарищу-противнику времени опомниться. Приучив себя к механической защите от нападения врасплох и к быстрому схватыванию противника, можно справиться на близком расстоянии с самым опасным врагом».

Такая, впервые введенная в тренировочный процесс Лебедевым, практика «внезапных нападений» имела несомненный прогрессивный характер, вырабатывая быстроту реакции и навык действий в экстремальных ситуациях. Точно так же справедливым являлось и его утверждение, что прочное, доведенное до автоматизма владение приемами приносит не только чисто технический, но еще и психологический эффект, так как дает бойцу уверенность в своих силах, «сохранение присутствия духа и полнейшее хладнокровие».

В книге приведены три десятка ситуаций, могущих возникнуть в процессе самозащиты и ареста. Для некоторых из них даются не по одному, а по нескольку вариантов приемов, так что всего приемов в руководстве насчитывается значительно больше. В тактическом отношении их можно подразделить на оборонительные (освобождения от захватов противника и обезоруживания) и наступательные, атакующие. К последним можно отнести также приемы удержания и конвоирования, поскольку они имеют болевую основу и вполне могли быть использованы и как средства атаки.

К тому времени, когда «Дядя Ваня» начинал эту свою работу, в России уже имелись западноевропейские оригиналы и ряд переведенных с английского и французского книг по джиуджитсу. А книга, составленная капитаном полиции Демертом и имевшая компилятив-

Защита от удара рукой сверху броском
«мельница»

Удушение упором
больших пальцев в
кадык

Удушение упором
больших пальцев в
кадык с зацепом
разноименной ноги

ный характер, - «33 боевых приема нападения, обороны и обезоруживания по Японской системе Жиу-житсу», была даже прямо адресована сотрудникам правоохранительных органов.

Вполне естественно, Лебедев использовал в своем руководстве наиболее действенные, с его точки зрения, приемы японской самозащиты, но вполне резонно решил не ограничиваться только ими одними. Крупный спортивный специалист, он знал борьбу и понимал, что некоторые борцовские приемы могут достаточно эффективно использоваться и в боевой схватке. Не говоря уже о запрещенных в «коверной» борьбе опасных для партнера захватах. И он не ограничивал себя в источниках заимствования приемов, используя даже практиковавшийся уголовниками на юге России способ «взять на машинку».

Всего Лебедевым описано около полусотни приемов: три десятка из джиу-житсу и полтора из французской борьбы. При этом заимствование не всегда имело механический характер: в исполнение иных приемов внесены некоторые своеобразные детали.

Из японской системы пришли болевые приемы, главным образом - рычаг локтя вверх в различных вариантах, загиб руки за спину, дожим кисти. Причем многие из них сочетались с подножкой и нажатием на чувствительные точки. Были использованы такие броски, как мельница и через голову с упором ногой в пах, а также удушение и, конечно, разрекламированные японца-

ми удары ребром ладони. Из французской борьбы были взяты освобождения от захватов за руку и обхватов туловища, «двойной нельсон» в положении стоя и в «партере», а также «крavatы» - захваты нагнутой головы противника сверху и ее скручивание с целью свалить на землю за счет болевого воздействия на шейный отдел позвоночника и одновременного нажима на кадык. Что же касается пресловутой уголовной «машинки», то это был обратный бедровый бросок, который рекомендовался еще и как удержание в положении стоя, когда противник только брался на бедро, но не перебрасывался, хотя подобное удержание являлось довольно ненадежным. (Стоит отметить, что аналогичный прием существовал у японцев, и не исключено, что он был перенят уголовниками из джиу-джитсу.)

Бросается в глаза, что Лебедев полностью отказался от использования ударов английского бокса. Скорее всего, это объяснялось тем, что при полицейском задержании на улице, на виду у публики, избивение арестуемого производило крайне нежелательное впечатление на окружающих. Городовые и без того слишком часто пускали в ход кулаки и умели это делать не только благодаря своему полицейскому опыту, но и крестьянским навыкам бывших «стеношных» боев. Недаром полицейский «мордобой» был дежурной темой у либеральных журналистов.

Знакомясь с сегодняшней оценкой лебедевской системы, можно услышать только лишь снисходительные или даже откровенно насмешливые слова. Многие современные специалисты, характеризуя системы или отдельные приемы прошлых лет, традиционно исходят исключительно из наших нынешних высочайших критериев и единодушно утверждают: «Такие приемы просто невозможно сделать!»

Однако подобное, чисто механическое сопоставление технических арсеналов двух различных эпох, по меньшей мере, некорректно. Оно способно ответить только на половину необходимых вопросов, подчеркнув лишь недочеты

старой системы, всегда неизбежные из-за разделяющих нас немалых лет. Но

Освобождение вооруженной руки, захваченной двумя руками нападающего, используя свободную руку в качестве рычага

Освобождение от обхвата туловища сзади рычагом пальцев и ударом ноги в голень

Освобождение от обхвата сзади поверх рук - «перебрасыванием через себя»

Сбивание захвата за
горло ударом обеих
рук со сцепленными
пальцами сверху и
удар в солнечное
сплетение

ведь для объективной и исчерпывающей оценки этого явно недостаточно, так как при этом игнорируются важнейшие, по существу, решающие моменты. «За кадром» остается то, чем являлась система для своего времени, как соотносилась с отечественными и международными достижениями тех лет, в чем автору удалось стать первым, опередить свое время, заглянув в будущее и предвидя его. А без всего этого любая оценка будет и неполной и несправедливой. Для того чтобы не впасть в подобную традиционную ошибку, придется вспомнить, чем располагала российская полиция в области самозащиты к середине второго десятилетия прошлого века.

Преподавать полицейским приемы самозащиты еще в конце девяностых годов позапрошлого столетия начал боец В.А. Пытлясинский, пользовавшийся европейской известностью и знавший не только французскую, но еще швейцарскую и вольно-американскую

борьбу, располагавшую рядом болевых приемов. Однако деятельность его распространялась только лишь на Гельсингфорс, Ревель и Петербург. Ознакомиться с преподававшейся им программой пока не удалось, но, вероятно, в начале XX века столичная полиция все еще пользовалась его приемами, возможно, с некоторыми дополнениями. Подобные приемы были опубликованы в полицейском руководстве общего характера, рассчитанном уже не только на Петербург, но на территорию всей России. В этом руководстве были описаны всего лишь три приема обезоруживания: при нападении с револьвером, ножом и палкой. И никак нельзя признать, что хотя бы один из этих трех приемов отличался достаточной надежностью. В упоминавшемся выше труде капитана Демерта приемы более многочисленны и разнообразны. Из переведенных на русский язык книг по джуджитсу он отобрал «лишь те приемы, которые вполне удобоприменимы и пригодны в полицейском деле».

В эти годы полиция западноевропейских стран тоже приняла на вооружение довольно примитивные «японские» приемы в их «первозданном» виде, еще не успев их усовершенствовать. В этом отношении вполне можно утверждать, что работа Ивана Владимировича была на уровне своего времени, в том числе и в смысле ее недостатков. Технические недочеты лебедевской системы являлись исторически неизбежными: их определил общий, еще не высокий уровень развития тех лет. То, что сегодня представляется в области рукопашного боя азбучной истиной, тогда

Сбивание захвата за
горло ударом обеих
рук со сцепленными
пальцами сбоку

освоено еще не было. И вполне естественно, что, используя известные в то время японские приемы, система не только восприняла определенные их достоинства, но, в придачу, получила и все недостатки. Несмотря на то, что Лебедев отбросил многие, наиболее сомнительные приемы, даже в тех, что были отобраны им, можно отметить немало несовершенств. Имея правильную концептуальную основу, они еще не получили необходимой шлифовки в деталях, игравших немаловажную роль.

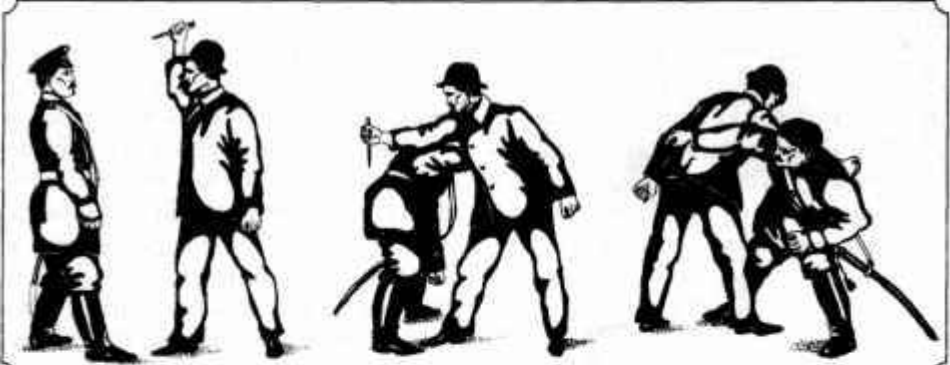
Прежде всего, вызывают возражения приемы обезоруживания, которые явно недостаточно обеспечивают безопасность того, кто их проводит. Так, при

наведенном револьвере, конечно же, может оказаться недостаточно всего лишь удар ногой в пах: даже при успешном его исполнении противник может нажать спусковой крючок. Опасным являлось и то, что вооруженная ножом рука не всегда фиксировалась захватом. Рекомендовалось только уклониться от удара и, используя промах нападающего, сбить его с ног. Однако сама по себе возможность удачно уклониться может оказаться достаточно проблематичной. Не говоря уже о том, что не исключалась возможность получения ранения от лежащего преступника или даже при его падении, если он обладает достаточной реакцией.

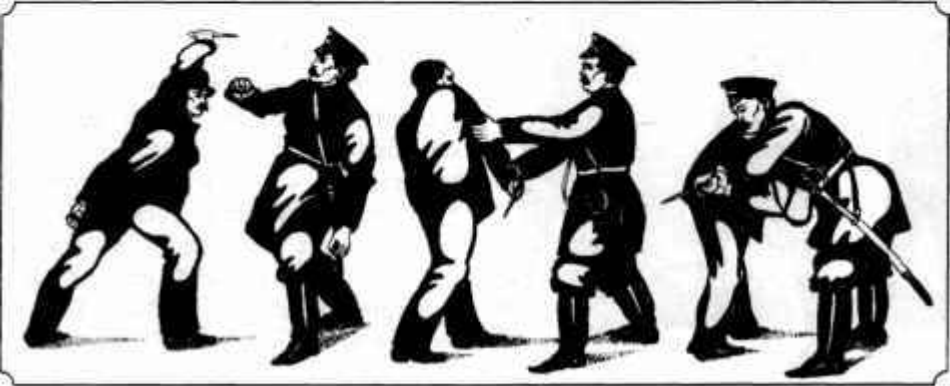
Обезоруживание при нападении с пистолетом

Обезоруживание при ударе ножом сверху

Обезоруживание «при замахе сбоку»

Бросок захватом на рычаг локтя на плече при захвате за горло и угрозе удара ножом

В тех случаях, когда при обезоруживании применялся загиб руки за спину, то не использовалось весьма эффективное болевое воздействие на плечевой сустав, а оружие должно было отбираться за счет нажима большим пальцем на пульс захваченной руки.

Техника исполнения подножек и других бросков достаточно примитивна. Среди болевых приемов отсутствует наиболее действенный рычаг локтя вниз с захватом руки противника подмышку. Используется только рычаг локтя вверх, большинство вариантов которого сложны в исполнении и недостаточно надежны. То же самое можно сказать и о нажатии на чувствительные

точки. Даже притом, что Лебедев, в противоречии с канонами джиу-джитсу, рекомендует использовать их не в качестве основного, а только как дополнительное воздействие.

Заимствования из французской борьбы тоже не всегда были удачными. Освобождения от захвата запястий и обхвата туловища спереди имели чисто пассивный, «коверный» характер и не предусматривали перехода в немедленную контратаку. Что же касается пресловутой уголовной «машинки», то вполне приемлемая в качестве броска, она совсем ненадежна как удержание в положении стоя, хотя и преподносится в подобном качестве. Представляется ошибкой «Дяди Вани» и его отказ от использования ударной техники французского и английского бокса, к которому он относился довольно скептически как профессионал борьбы.

Реальная возможность использования даже таких несовершенных приемов определялась невысоким уровнем боевых умений в бытовой, да и в криминальной сфере тех лет. От большинства приемов, рекомендованных Лебедевым, точно так же, как и от большей части техники джиу-джитсу того времени, впоследствии отказались. Одни из приемов были вообще отброшены, другие - кардинально усовершенствованы. Из того, что когда-то было отобрано Лебедевым, пройдя беспощадную проверку временем, до наших дней сохранились только удары ребром ладони и ногой, дожим кисти, рычаг локтя вверх с захватом руки противника под плечо,

Освобождение от обхвата туловища упором предплечья в горло

называемый у нас «милицейским», и «двойной нельсон» в положении лежа, который можно встретить и в наших, и в американских руководствах, как воинских, так и полицейских («полицейский реслинг»).

Следует, однако, понять, что определяющее значение для работы Ивана Владимировича имели не ее неизбежные недочеты, а те новации, которые ему удалось осуществить. При всей мировой популярности джиу-джитсу, он не поддавался велениям моды и не считал достаточным ограничиться одним только японским арсеналом. Первым из наших специалистов осмелился переступить границы заколдованного японского круга и попытался создать систему, в которую, наряду с лучшими приемами джиу-джитсу, входили бы и отсутствующие в «японских» пособиях необходимые и эффективные приемы из иных источников. Тем самым был сделан несомненный шаг вперед. Пусть очень маленький и далеко не во всем удачный, но именно в том направлении, по которому, в конечном счете, пошло развитие искусства рукопашного боя во всем мире: объединение лучших приемов различного происхождения в единую новую «синтетическую» систему. Уже примерно в те же годы по этой схеме на Западе начали строиться и, так называемые, полицейские системы.

Удалось Лебеву сказать свое новое слово и в создании методики обучения самозащиты. И едва ли не самое первое слово в этой области. Хотя очень краткие и всего лишь обозначенные как бы пунктиром, его методические установки нашли убедительное подтверждение в современной практике обучения.

Книга, вышедшая в 1915 году, стала как бы подведением итогов практической работы Лебедева, закреплением ее принципов в печати. В предыдущем, 1914-м, году он уже обучил в своей школе тридцать служащих полиции. Среди них был всего лишь один офицер - командир 4-й роты штабс-капитан М.Ф. Стекольников и три около-

Освобождение от обхвата туловища давлением обеих рук на локти нападающего

точных надзирателя, все остальные являлись рядовыми. При этом от каждой из восьми рот и резерва Санкт-Петербургской столичной полиции было отобрано по три городских. Имелось в виду, что в будущем именно они станут преподавать самооборону своим сослуживцам. Все прошли полный курс обучения, «выдержали экзамен в присутствии господина полицеймейстера генерал-майора В.Ф. Галле и получили дипломы на право быть инструкторами в полиции».

Грянувшие всего через два года великие революционные потрясения смели царскую полицию и погребли в полной безвестности скромные, но полезные начинания «профессора атлетики». И уже при советской власти В.А. Спиридонову придется заново и значительно более результативно пройти по тому же самому пути, который пытался проторить его предшественник. Весьма возможно, что работа Ивана Владимировича Лебедева и не создала непосредственной преемственности среди последующих специалистов, однако, в любом случае, его имя по праву остается на страницах истории в числе первопроходцев, начинавших работу по созданию отечественных систем рукопашного боя.